

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСА :

1. АЛЕКСЕЕВА А.М., колхозница из дер.Борок ☒
от 23 декабря 1943 года стр. 3 ^V 11-13
2. КОНАХОВСКАЯ З.П., колхозница из дер.Борок
от 23 декабря 1943 года. стр. 19
3. МИХАЙЛОВА О.А., колхозница из дер.Борок
от 24 декабря 1943 года. стр. 27
4. АЛЕКСЕЕВ М.А., председатель колхоза из
дер.Борок, от 24 декабря 1943г. стр. 37
5. ☒ БАВИЛЕВСКИЙ Б.В., профессор астрономии
от 20 декабря 1943 года. ☒ стр. 44 51
6. ☒ ЕФИМОВ И.Е., профессор физики
от 26 декабря 1943 года. стр. 64
7. ☒ МОСКОВСКАЯ А.М., управдомаи,
от 18 октября 1943 года. ☒ стр. 76
8. СУХАЧЕВ П.Ф., инженер-строитель треста
"Росглавхлеб", от 20.X-1943г. стр. 81
9. ЕГОРОВ В.А., в период оккупации полицей-
ский, от 15 декабря 1943 года. стр. 86
10. ЯКОВЛЕВ-СОКОЛОВ Ф.М., в период оккупации
начальник участковой полиции,
от 21 ноября 1943 года. стр. 94
11. КИСЕЛЕВ П.Р., крестьянин из хутора
"Козьи Горы", от 9 октября 1943г. ☒ стр. 109 109 110
12. СЕРГЕЕВ Т.И., дорожный мастер,
от 28 октября 1943 года. ☒ стр. 116

13. ИВАНОВ С.В., инженер службы движения Запад-
ной ж.д., от 15 ноября 1943 года. ~~X~~ стр. 124
14. САВВАТЕЕВ И.В., дежурный по станции Гнез-
дово Западной ж.д.
от 16 октября 1943 года. стр. 131
15. ИГНАТИК Е.Л., красноармеец,
от 29 декабря 1943 года. стр. 137
- ~~X~~ 16. КРИВОЗЕРЦЕВ М.Г., плотник, ст. Красный Бор,
от 31 декабря 1943 года. и стр. 141
22 ноября 1943 года.
17. ЗУБКОВ К.П., судебно-медицинский эксперт
от 18 ноября 1943 года. стр. 149
18. КУЦЕВ И.З., заведующий Смоленского водо-
провода, от 24 декабря 1943 года. стр. 153

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля АЛЕКСЕЕВОЙ Анны Михайловны

АЛЕКСЕЕВА А.М., 1916 года рождения, уроженка деревни Борок, Смоленского района, Смоленской области, русская, из крестьян, гр-нка СССР, беспартийная, в настоящее время не работает, проживает в дер. Борок дом № 26.

от 23 декабря 1943 года.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР предупреждена. Значение этой статьи мне разъяснено.

Вопрос: Расскажите кратко свою биографию.

Ответ: Я родилась в 1916 году в деревне Борок Смоленского района, Смоленской области в семье крестьянина-середняка, мои родители по настоящее время проживают в деревне Борок. Отец - председатель колхоза. С 8 лет я поступила в железнодорожную школу на станции Катынь, где проучилась 3 года, в 1930 году поступила в школу №37 хлебопечения в поселке Катынь. Окончила ее в 1933 году, получив специальность мастера по хлебопечению и за отличную учебу меня направили на курсы лаборантов в Смоленск. По окончании курсов меня направили лаборантом на хлебозавод в гор. Бежицу, затем до истечения срока подписки в

1935 году я работала на хлебозаводах и в пекарнях в Новоанбкове и Людиново и затем приехала в дер.Борок. Через два месяца по собственному желанию переехала в гор.Днепродзержинск, где работала до 1937 года на хлебозаводе, последовательно, занимая должности бракера, старшего бракера и пом.инспектора по качеству; уволилась по болезни и возвратилась в деревню Борок. Через 3 месяца поступила на Смоленский хлебозавод, а в 1940 году перешла на работу в управление западной железной дороги в гор.Смоленске, оставив по состоянию здоровья работу по специальности. В Управлении западной жел.дор. работала агентом по снабжению и секретарем-машинисткой до 13 июля 1941 года, т.е. до момента эвакуации Управления дороги из гор.Смоленска.

Вопрос: Почему Вы не эвакуировались из Смоленска вместе с Управлением западной железной дороги?

Ответ: С начала войны до 13 июля 1941 года я работала без выходных дней, поэтому обратилась к начальнику дороги тов.ГАРНЫК с просьбой предоставить мне один выходной день для устройства личных дел. Я написала рапорт и лично от тов.ГАРНЫК получила разрешение выехать на один день в дер.Борок. Возвратившись 15 июля в Смоленск я там Управления уже не застала, все эвакуировались в Кострому и я снова возвратилась в дер.Борок. Через несколько дней вместе с нашей семьей на лошадях я пыталась эвакуироваться из Смоленского района, однако, в деревни Рясно нас захватили немцы и мы решили вернуться в деревню Борок. Таким образом, весь период оккупации я проживала в дер.Борок и была вынуждена работать у немцев

3.-

Вопрос: В качестве кого и где вы работали в период немецкой оккупации Смоленского района?

Ответ: В средних числах августа 1941 года (дату припомнить не могу) меня вызвал староста д.Борок СОЛДАТЕНКОВ и сказал, что по наряду Катинской комендатуры, направляет меня на работу к немцам, занимающим бывшую лесную дачу НКВД в "Козьих горах", что в полутора-двух километрах от д.Гнездово нашего района. Староста передал мне закрытый конверт, без всякой надписи, где находилось, по словам старосты, записка о моем назначении на работу. В этот же день я пошла в "Козьи горы", у поворота в лес с шоссе Смоленск-Витебск меня остановил немецкий часовой и я отдала ему конверт. Немец отошел к кустам, я слышала как он произнес несколько слов, вероятно, по телефону. Минут через 15 пришел другой солдат, который отвел меня на дачу. У двухэтажного деревянного дома я дожидалась несколько минут, оттуда вышли два немца и один из них на русском языке сказал, что я буду у них работать.

Вопрос: На какую работу вас назначили?

Ответ: Немец сказал, что меня назначают на кухню, кроме того, я должна буду убирать комнаты и выполнять другие поручения по хозяйству. После этого он отвел меня к повару на кухню.

Вопрос: Кто из советских граждан, кроме вас, работал в немецком учреждении в "Козьих горах"?

Ответ: Дня через два-три после меня на дачу были присланы мои односельчанки МИХАЙЛОВА Ольга Аристарховна и КОНАХОВСКАЯ Зинаида Павловна, их также назначили на

кухню. Кроме нас троих в немецком учреждении также работала СТЕПИНА Дарья Артемьевна, жительница поселка Софиевка, но на даче она появилась в 1942 году.

Вопрос: Каким образом они попали в это учреждение?

Ответ: КОНАХОВСКАЯ и МИХАЙЛОВА рассказали мне, что на работу в это учреждение их назначил староста. Каким образом попала на дачу СТЕПИНА, мне не известно, так как на эту тему с ней никогда не разговаривала. Вообще мы старались держаться подальше от нее.

Вопрос: Почему?

Ответ: С первых дней появления в "Козьих горах", т.е. с января 1942 года СТЕПИНА проявила себя, как распущенная женщина. Она не скрывала того, что сожительствует с немцами и получает от них различные подарки. Несмотря на то, что СТЕПИНА выполняла такую же, как и мы работу на кухне, у нее всегда было больше денег. Я замечала, что СТЕПИНА наговаривает на нас повару Густаву, а он начал к нам относиться еще хуже прежнего, хотя и раньше он на удары не скупился. Через некоторое время Дарья СТЕПИНА (или "Дора", как ее называли немцы) сошлась с солдатом Францем и хвасталась, что вышла за него замуж. При отступлении немцев СТЕПИНА уехала вместе с ними.

Вопрос: Вы до сих пор не сказали, как называлось это немецкое учреждение, помещавшееся на лесной даче в "Козьих горах"?

Ответ: Нам немцы не говорили, как называлось это немецкое учреждение, помещавшееся в лесу "Козьи горы".

5.-

Вопрос: Тогда постарайтесь рассказать подробно о назначении этого немецкого учреждения.

Ответ: Ответить исчерпывающе на этот вопрос мне очень трудно, так как все в этом учреждении держалось в секрете, а я и другие русские девушки, работавшие на даче не имели права свободно ходить по территории участка.

Вопрос: К вопросу об условиях вашей работы на даче мы еще вернемся, а сейчас скажите, это учреждение было военным или гражданским?

Ответ: Немецкое учреждение на даче в "Ковьих горах" имело военный характер, об этом свидетельствует личный состав учреждения.

Вопрос: Назовите, кто служил в этом немецком учреждении.

Ответ: На даче в "Ковьих горах" постоянно находилось около 30 немцев, старшим у них был оберстлейтенант АРНЕС, его ад"ютантом являлся оберлейтенант РЕКСТ. Там находились также лейтенант ХОТТ, вахмистр ЛЮММЕР, унтер-офицер по хозяйственным делам РОЗЕ, его помощник ИЗИКЕ, оберфельдфебель ГРЕНЕВСКИЙ, ведавший электростанцией, фотограф оберефрейтор, фамилию которого я не помню, переводчик из немцев Поволжья, имя его кажется Йоганн, но мы его называли Иваном, повар немец Густав и ряд других, фамилии и имена которых мне не известны.

Вопрос: Опишите приметы АРНЕС.

Ответ: Оберстлейтенант АРНЕС высокого роста, худой, лысый, глаза светлосерые, носил роговые очки, на ногах носил сапоги или ботинки с крагами.

Вопрос: Как размещались перечисленные вами лица на даче в "Козьих горах"?

Ответ: Основным зданием на участке дачи в "Козьих горах" являлся двухэтажный деревянный дом. На первом этаже этого дома размещались кухня и две продуктовых кладовых. В левом крыле в одной из комнат жили унтер-офицер РОЗЕ и вахмистр ЛЮММЕРТ. Следующую комнату занимал механик ГРЕНЕВСКИЙ, напротив которой размещалась какая то конторка. Затем шла комната солдат и шоферов, примыкавшая к коридору, связывающему комнаты с унтер-офицерской столовой. Рядом со столовой находилась комната канцелярии и близ нее жил ад"ютант РЕКСТ, против комнаты которого также была канцелярия. Далее шла комната оберстлейтенанта АРНЕС, имевшая выход в большую комнату, отведенную под офицерское казино. Во втором этаже, по левую сторону, была комната лейтенанта ХОТТ, рядом с ней в небольшой комнате жил и работал оберефрейтор фотограф. В правой стороне была больших размеров комната исключительно для солдат, где стояло 15-17 коек. В левом крыле здания также помещался склад оружия, там имелось много пистолетов, автоматов и большое количество цинковых ящиков с патронами. В коридоре, шедшем из кухни в столовую, был установлен коммутатор, где постоянно дежурили два солдата-телефониста. В каждой комнате, даже на кухне и в кладовой имелись телефоны. Телефонная связь была также и с охраной. Одноэтажное каменное здание было отведено под гараж и небольшую электростанцию. Рядом с гаражом был дом, в первой половине которого рас-

7.-

полагался медицинский пункт, а во второй половине размещалась баня. На даче также имелись и другие хозяйственные постройки: столярная мастерская, погреб, ледник и др.

В гараже постоянно находилось 4 легковых автомашины, из них одна советская, марки "М-1", 4 трехтонных, одна полуторатонная автомашина и большой черный автобус, примерно мест на 20. От дачи дорожка вела к Днепру, где находилась небольшая пристань. Там была моторная лодка и несколько гребных. В стороне от кухни находился тир, где производилась чистка оружия.

Вопрос: Как охранялась дача в "Козьих горах"?

Ответ: Дача в "Козьих горах" с августа 1941 года усиленно охранялась вооруженными немецкими солдатами, вход в дачу со стороны леса был строго воспрещен, всюду были повешаны таблички о запрете прохода в лес с предупреждением о расстреле на месте за нарушение. Специальный пост был и у Днепра, с тыловой стороны дачи. Нам, русским, работавшим на даче в "Козьих горах" разрешалось проходить только по основной дороге, шедшей от шоссе Смоленск²Витебск. Первое время мы даже не имели права самостоятельно возвращаться с работы. Когда мы уходили с дачи домой, до шоссе нас обычно сопровождали один-два немца.

Вопрос: Какой распорядок был в этом учреждении?

Ответ: Никакого определенного распорядка в этом немецком учреждении не существовало. В конторках и комнатах канцелярии работали в самое различное время. Офицеры и солдаты постоянно отлучались на длительное время

в лес и вообще из участка "Козьих гор". По воскресеньям в учреждении не работали. Как правило, в субботу вечером офицеры устраивали попойки, для участия в которых специально привозили на автобусе из Смоленска женщин. Это были немки, как мы слышали, работавшие в военно-медицинских учреждениях. На дачу постоянно доставлялись в большом количестве продукты и вино. Однажды я сама получила поручение, в сопровождении РОЗЕ и вахмистра поехать в кладовую-базу, помещавшуюся в дер. Красный бор Смоленского района. На этой базе мы получили две бочки вина и много различных продуктов.

Вопрос: Расскажите подробнее, чем вы занимались в этом учреждении?

Ответ: Какая уже показала выше, меня приняли в качестве кухонной работницы. В мои обязанности, также, как КОНАХОВСКОЙ и МИХАЙЛОВОЙ входило - помогать повару, производить уборку комнат, по понедельникам и вторникам нас заставляли стирать белье в бане. Во время уборки нам приходилось бывать во всех помещениях дачи, правда всегда в сопровождении кого-либо из солдат.

Вопрос: Выше вы показали, что не знаете о назначении учреждения в "Козьих горах" и все, что делалось в этом учреждении содержалось в строжайшей тайне. Вас, что же специально предупреждали о секретности этого учреждения или это ваши предположения?

Ответ: Переводчик Иоганн, от имени АРНЕСА, нас несколько раз предупреждал о том, что мы должны "держать язык за зубами" и не болтать о том, что видим и слышим на даче. Кроме того, я по целому ряду моментов догадывалась,

что на этой даче немцы творят какие то темные дела.

Вопрос: Из того, что вы показали этого не видно. Какие именно "темные дела" вы имеете в виду?

Ответ: Я догадывалась, что немцы в "Козьих горах" расстреливали людей.

Вопрос: Что послужило основанием для такого рода догадок?

Ответ: В конце августа и большую часть сентября месяца 1941 года на дачу в "Козьи горы" почти ежедневно приезжало несколько крытых, а иногда и открытых грузовых машин.

Сначала я не обратила на это внимание, но потом заметила, что всякий раз, когда на территорию дачи заезжали эти машины, они предварительно на полчаса, а то и на целый час, останавливались где-то на проселочной дороге, ведущей от шоссе к даче.

Я сделала такой вывод потому, что шум машин через некоторое время после заезда их на территорию дачи утихал. Одновременно с прекращением шума машин начиналась одиночная стрельба. Выстрелы следовали один за другим через короткие, но, примерно, одинаковые промежутки времени. Затем стрельба стихала и машины под"езжали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтерофицеры. Шумно разговаривая между собой, они шли мыться в баню, после чего пьянствовали. Баня в эти дни всегда топилась.

В дни приезда машин, на дачу прибывали дополнительно солдаты из какой то немецкой воинской части. Для них специально ставились койки в помещении солдатского кази-

но, организованного в одной из зал дачи. В эти дни на кухне готовилось большое количество обедов, а к столу подавалась удвоенная порция спиртных напитков.

Незадолго до прибытия машин на дачу, эти солдаты с оружием уходили в лес, очевидно к месту остановки машин, так как через полчаса, или через час возвращались на этих машинах вместе с солдатами, постоянно жившими на даче.

Я, вероятно, не стала бы наблюдать и не заметила бы как затихает и возобновляется шум прибывающих на дачу машин, если бы каждый раз, когда приезжали машины, нас (меня, КОНАХОВСКУЮ и МИХАЙЛОВУ) не загоняли на кухню, если мы находились в это время на дворе у дачи, или же не выпускали из кухни, если мы находились на кухне. Это обстоятельство, а также то, что я несколько раз замечала следы свежей крови на одежде двух ефрейторов, заставило меня внимательно присматриваться за тем, что происходило на даче. Тогда я и заметила странненькие перерывы движения машин, их остановки в лесу. Я заметила также, что следы крови были на одежде одних и тех же людей - двух ефрейторов. Один из них был высокий, рыжий, другой - среднего роста, блондин.

Из всего этого я заключила, что немцы на машине привозили на дачу людей и их расстреливали. Я даже приблизительно догадывалась, где это происходило, так как приходя и уходя с дачи я замечала недалеко от дороги в нескольких местах свеженабросанную землю. Площадь, занятая этой свеженабросанной землей ежедневно увеличивалась в длину. С течением времени земля в этих местах приняла свой обычный вид.

Вопрос: Кого же, по вашему мнению, немцы расстреливали на даче?

Ответ: Я твердо убеждена в том, что немцы расстреливали военнопленных поляков. Это убеждение сложилось у меня еще тогда же, осенью 1941 года, и основывалось на следующих моих наблюдениях:

Были дни, когда машины на дачу не прибывали, а тем не менее солдаты уходили с дачи в лес, оттуда слышалась частая одиночная стрельба. По возвращении солдаты обязательно шли в баню и затем пьянствовали.

И вот был еще такой случай. Я как то задержалась на даче несколько позже обычного времени. МИХАЙЛОВА и КОНАХОВСКАЯ уже ушли. Я еще не успела закончить своей работы, ради которой осталась, как неожиданно пришел солдат и сказал, что я могу уходить. Он при этом сослался на распоряжение РОЗЕ. Он же проводил меня до шоссе.

Когда я отошла по шоссе от поворота на дачу метров 150-200, я увидела, как по шоссе шла группа военнопленных поляков человек 30, под усиленным конвоем немцев.

То, что это были поляки, я знала потому, что еще до начала войны, а также и некоторое время после прихода немцев я встречала на шоссе военнопленных поляков, одетых в такую же форму, с характерными для них четырехугольными фуражками.

Я остановилась у края дороги, желая посмотреть куда их ведут, и увидела, как они свернули у поворота к нам на дачу в "Козьи горы".

Так, как к этому времени я уже внимательно наблюдала за всем происходящим на даче, я заинтересовалась этим

обстоятельством, вернулась по шоссе несколько назад и, укрывшись в кустах, у обочины дороги, стала ждать. Примерно через минут 20 или 30 я услышала характерные, мне уже знакомые, одиночные выстрелы.

Тогда мне стало все ясно и я быстро пошла домой.

Из этого факта я также заключила, что немцы расстреливали поляков, очевидно, не только днем, когда мы работали на даче, но и ночью в наше отсутствие. Мне это тогда стало понятно еще и потому, что я вспомнила случаи, когда весь живший на даче состав офицеров и солдат, за исключением часовых просыпался поздно часам к 12 дня. Несколько раз по прибытии поляков в "Козьи горы" мы догадывались по напряженной обстановке, которая царила в это время на даче.

Вопрос: В чем заключалась эта напряженность?

Ответ: Весь офицерский состав уходил из дачи, в здании оставалось только несколько караульных, а вахмистр непрерывно проверял посты по телефону.

Вопрос: Вы спрашивали у немцев, чем они занимались в лесу?

Ответ: Как то раз я спросила немца Изике, почему такая стрельба в лесу, он мне на это ответил, что в лесу происходят военные учения, но по смущенному виду Изике и неуверенности в голосе, я поняла, что он говорит неправду.

Вопрос: Вы делились с КОНАХОВСКОЙ и МИХАЙЛОВОЙ своими догадками о расстрелах в лесу?

Ответ: Я о своих наблюдениях не говорила ни МИХАЙЛОВОЙ, ни КОНАХОВСКОЙ, так как последним было тогда по

16-17 лет и я боялась, что они разболтают. Сказала я им об этом значительно позже, в январе 1942 года при обстоятельствах, о которых я сейчас расскажу.

Вопрос: При каких обстоятельствах?

Ответ: В январе 1942 года всем нам немцы сократили зарплату до 3-х марок в месяц и мы заявили РОЗЕ, что на таких условиях работать отказываемся. На следующий день мы не вышли на работу, тогда за мной, а также за МИХАЙЛОВОЙ и КОНАХОВСКОЙ приехал РОЗЕ с двумя солдатами и отвез нас на дачу. Переводчик Иоганн сказал, что за отказ от работы оберстлейтенант АРНЕС приказал посадить нас в холодную.

У нас отобрали взятый из дома хлеб и посадили в холодную комнату, одна из ее стен была ранее разрушена при бомбежке, на полу было немного соломы. От обиды мы вначале поплакали, потом, успокоившись, начали шопотом разговаривать о делах, творившихся на даче. Я рассказала о своих наблюдениях. В свою очередь МИХАЙЛОВА и КОНАХОВСКАЯ привели случай, как они осенью 1941 года оказались невольными свидетельницами расстрела РОЗЕ двух поляков. МИХАЙЛОВА также рассказала, что видела на рукаве одного рыжего немца унтерофицера, возвратившегося из леса, следы крови. Все трое мы пришли к твердому убеждению, что в августе-сентябре 1941 года на лесном участке "Козьи горы" немцы расстреляли польских военнопленных.

Вопрос: Сколько времени вы работали в немецком учреждении, занимавшем дачу в лесу "Козьи горы"?

Ответ: После отбытия наказания (я и КОНАХОВСКАЯ просидели в холодной по трое суток, а МИХАЙЛОВА, как

"зачинщица" - 8 суток), унтерофицер РОЗЕ нам об"явил, что мы уволены. Повар Густав сказал, что офицеры раз"екаются в отпуск, солдат на даче будет значительно меньше и они смогут сами себя обслуживать, поэтому в наших услугах на даче больше не нуждаются. Мы очень обрадовались, что сможем покинуть это неприятное место.

Но через пять месяцев меня снова вызвали на работу в учреждение на лесной даче "Козьи горы".

Вопрос: Кого из немцев вы застали в это время на даче в "Козьих горах"?

Ответ: Там были все те же лица, которых я застала при поступлении на работу в августе 1941 года.

Вопрос: Вас снова определили на кухню?

Ответ: Да, мне поручили работу на кухне и по хозяйству. В январе 1943 года из-за болезни я уволилась с работы на даче в "Козьих горах" и с тех пор в этом немецком учреждении ни разу не была.

Вопрос: И вас не вызывали туда больше?

Ответ: Мне известно от бывшего старосты д.Борок СОЛДАТЕНКОВА Дмитрия (ныне работает на участке пути ст.Катынь Западной ж.д.), что меня в сентябре 1943 года разыскивал какой-то унтерофицер из дачи "Козьи горы". СОЛДАТЕНКОВ говорил, что это было за неделю до отступления немцев из Смоленского района. Тогда уже я, как и большинство жителей деревни Борок, уехала из деревни и ^вскрылась во рву близ села Хропы. Там мы пробыли до 26 сентября 1943 года и возвратились в д.Борок, когда в нее вступили части Красной Армии.

Вопрос: Посещали ли вы "Козьи горы" после того, как немцы об"явили о вскрытых ими могилах польских офицеров?

Ответ: В июне 1943 года жители нашей и соседних деревень ходили смотреть могилы в "Козьих горах". Сама я на могилы не пошла, так как знала в чем там дело.

Вид - трупов, выставленных летом 1943 года напоказ в "Козьих горах" вызывал у односельчан много недоумений, так как они сравнительно хорошо сохранились. У нас в деревне еще и раньше распространялись слухи, что немцы сами расстреляли поляков. Эти слухи значительно усиливались рассказами жителей окрестных деревень, мобилизовывавшихся немцами для проведения каких-то работ в лесу "Козьи горы". Эти работы проводились в 1943 году до того, как у нас об"явили о том, что можно осматривать могилы в лесу. "Козьи горы".

Вопрос: В чем сущность этих рассказов?

Ответ: Со слов моего отца Михаила АЛЕКСЕЕВА, мне известно, что житель близлежащей деревни БАСОВ Михаил, работавший летом 1943 года на могилах в "Козьих горах", в одной из ям нашел немецкие патроны. По словам моего отца, об этом узнали поляки, приглашенные немцами в составе специальной делегации осмотреть могилы в "Козьих горах". Эти поляки жили в нашей деревне и занимали помещение госпиталя. Как говорил мой отец, Михаил БАСОВ и другие рассказали полякам о найденных в могилах в "Козьих горах" немецких патронах, что произвело на польских делегатов очень сильное впечатление. Они открыто высказывали свое возмущение, называя все это дело в Катинском лесу немецкой провокацией. Через нес-

16.-

колько дней, в июле 1943 года, поляки уехали из дер. Борок.

Вопрос: Вы сказали отцу, что вам известно о расстрелах польских офицеров немцами?

Ответ: Вначале на распросы отца я отвечала лишь то, что в "Козьих горах" очень трудные условия работы и просила отца через старосту помочь мне уволиться с работы. Позже я откровенно рассказал отцу обо всем, что происходило на даче в "Козьих горах". Отец меня строго предупредил, чтобы я никому больше об этом не рассказывала, а то могут узнать немцы и пострадает вся наша семья. Больше я никому об этом не говорила.

Вопрос: Чем вы желаете дополнить свои показания?

Ответ: Дополнить к своим показаниям больше ничего не могу.

Протокол записан с моих слов правильно, мною лично прочитан, в чем и расписываюсь:

(АЛЕКСЕЕВА)

Допросил: ЗАМ. НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ 2 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР
Майор Госуд. Безопасности:

(ГРЕВЕЛЬСКИЙ).

Верно: Нач. Нап. Отд. 2 Упр. НКГБ СССР
майор гос. без.

[Подпись]
(Туманов)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля **КОНАХОВСКОЙ** Зинаиды Павловны

23 декабря 1943 года.

КОНАХОВСКАЯ З.П. — 1925 г. рождения, урожд. дер. Борок, Смоленского р-на, Смоленской обл., из крестьян, русская, гр. СССР, беспартийная, образование — 8 классов средней школы, колхозница колхоза им. Сталина в дер. Борок.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР предупреждена. Значение этой статьи мне разъяснено.

Вопрос: Кто Ваши родители?

Ответ: Мой отец **КОНАХОВСКИЙ** Павел Тимофеевич, колхозник, погиб в нынешнем году под Оршей, где он служил в качестве рядового красноармейца, до занятия нашего района немцами работал председателем колхоза в дер. Борок. Мать — Прасковья Мироновна, колхозница колхоза им. Сталина. Я имею двух сестер: Валентину 14 лет и Марию 13 лет — обе они школьницы.

Вопрос: когда Вы начали работать?

Ответ: начала я работать при немцах. До оккупации д. Борок я в течение 8 лет училась в Катынской десятилетке.

Вопрос: Чем, собственно, Вы занимались при немцах?

Ответ: Через месяц после прихода немцев я была вызвана к старосте дер. Борок **СОЛДАТЕНКОВУ**. У входа в хату стояла немецкая грузовая машина. **СОЛДАТЕНКОВ** объявил, что я и моя подруга **МИХАЙЛОВА** Ольга направляемся на работу в бывшую дачу НКВД в "Козьих Горах" и предложил мне заехать за **МИХАЙЛОВОЙ**. Присутствие немца не позволило мне возражать старосте. Немец усадил меня в машину, на которой мы заехали за **МИХАЙЛОВОЙ**, и все вместе направились в "Козьи Горы".

Вопрос: Почему именно на Вас и МИХАЙЛОВУ пал выбор старосты ?

Ответ: Это мне неизвестно.

Вопрос: В качестве кого Вы работали у немцев ?

Ответ: На машине нас повезли в сторону Смоленска, возле арки у "Козьих Гор" мы повернули направо. Миновав постовых, останавливавших нас и расспрашивавших о чем-то сопровождавшего нас солдата, мы прибыли на дачу в "Козьи Горы". К нам вышли два немца, как впоследствии выяснилось это были унтер-офицер РОЗЕ с переводчиком, по имени Иоганн. РОЗЕ рассказал нам о наших обязанностях, предупредив, что мы не имеем права самостоятельно ходить по комнатам и особенно по территории дачи; при возвращении с работы нас до шоссе будет сопровождать солдат; а также, что нам строжайше запрещается рассказывать кому-либо о работе немецкого учреждения, в котором мы будем служить. За нарушение этих правил РОЗЕ угрожал наказанием. Кроме того, РОЗЕ специально предупредил нас, что передвигаться по территории дачи и леса "Козьи Горы" мы можем только по основной дороге.

Вопрос: Вы не сказали, в качестве кого работали у немцев ?

Ответ: Все русские, работавшие на этой даче, использовались в качестве кухонных работников. Мы помогали готовить пищу повару Густаву, немцу по национальности; в круг наших обязанностей входило: чистка картошки, приготовление овощей, мытье столовой и кухонной посуды, уборка комнат, где жили и работали немцы. Раз в неделю мы стирали белье. За все это мы получали 9 марок в месяц.

Вопрос: Разве на этой даче кроме Вас и МИХАЙЛОВОЙ работали и другие советские граждане ?

Ответ: Да, почти одновременно с нами, на день или на два раньше, на дачу поступила работать наша односельчанка АЛЕКСЕЕВА Анна Михайловна. В начале 1942 года на дачу поступила работать СТЕПИНА Дарья (Дора, как ее называли немцы). Кто рекомендовал СТЕПИНУ на работу, не знаю, так как не поддерживала с ней хороших отношений, потому что она вела развратный образ жизни.

Вопрос: Кто Вам известен из лиц, работавших в этом немецком учреждении?

Ответ: Главным начальником на даче в "Козьих Горах" или "команда", как его называли немцы, был оберст-лейтенант АРНЕС, пожилой, высокого роста, лысый мужчина, носивший роговые очки. В качестве ад"ютанта у АРНЕСА служил РЕКОТ, высокий, худой, черноволосый мужчина, РЕКОТ хромотал на одну ногу. АРНЕС и РЕКОТ жили в первом этаже. С ними внизу жили также: гауптвахмистр ХОПФЕ, выше среднего роста, брюнет; механик ГЛИНЕВСКИЙ, РОЗЕ, живший в одной комнате с кладовщиком ИЗИКЕ; ЛЮМЕРТ Курт, курносый, блондин, выше среднего роста; фельдшер Ганс ШИФЕР, толстый мужчина среднего роста. На втором этаже жил лейтенант ХОТТ, рядом с его комнатой помещалась контора и солдатское казино. Все остальные комнаты второго этажа занимали солдаты. В общей сложности постоянно в "Козьих Горах" проживало до 30 немецких солдат и офицеров.

Вопрос: Как называлось учреждение, в котором Вы работали?

Ответ: Название мне неизвестно. У нас в деревне все это учреждение называли "штаб".

Вопрос: Известно ли Вам, чем занимался этот штаб?

Ответ: Нет, не знаю, так как все на даче держалось в строгом секрете.

Вопрос: В чем заключалась эта строгая секретность?

Ответ: Территория дачи "Козьи Горы" в момент нашего поступления туда, примерно в окружности на четыре километра, находилась на особом положении. Всем частным лицам вход туда был строжайше запрещен. Дача и прилегающий к ней лес находились под усиленной охраной немецких солдат. Немцы в своих об"явлениях, которые были вывешены вокруг дачи, угрожали расстрелом за появление без разрешения на территории "Козьих Гор". Вообще расстрелы в "Козьих Горах" в период пребывания там немцев являлись обычным делом.

Вопрос: На основании каких фактов Вы это заключаете?

Ответ: Я сама была очевидцем расстрела двух военнопленных поляков в "Козьих Горах".

Вопрос: Расскажите, за что они были расстреляны и при каких обстоятельствах это произошло?

Ответ: В конце августа или в начале сентября 1941 года солдат из охраны дачи Эрнст задержал утром в лесу и привел на дачу двух военных, одетых в польскую форму. Как я поняла из разговора между ЭРНСТОМ и РОЗЕ, эти двое поляков скрывались в лесу всю ночь. После какого-то приказа, отданного вышедшим во двор АРНЕСОМ, я сама видела как унтер-офицер РОЗЕ вместе с ЭРНСТОМ и еще двумя солдатами, захватив пистолеты, повели этих двух поляков в лес. Мы с МИХАЙЛОВОЙ в это время были на дворе, заметив нас, ГЛИНЕВСКИЙ пинками загнал нас на кухню и закрыл дверь. Через некоторое время мы слышали выстрелы, а когда позднее вышли во двор, то увидели возле душа РОЗЕ с солдатами, которые оживленно о чем-то разговаривали и смеялись. В этот момент вышел ад"ютант РЕКСТ и обратился по-немецки с каким-то вопросом. РОЗЕ также по-немецки ответил "аллес ин орднунг", т.е. "все в порядке. На мой вопрос переводчику ИОГАННУ, куда делись поляки, он сказал, что их временно за побег из лагеря военнопленных поместили в каменный погреб. Этих поляков мы больше не видели, а в погребе, к которому я подкралась, когда стемнело, никого не было. Для меня стало ясно, что их расстреляли.

Этот день мне навсегда врезался в память. Мне тогда было только 16 лет, я никогда раньше не видела как расстреливают людей и не представляла себе, как это делается. Но после этого случая, когда на моих глазах расстреляли двух поляков, я поняла, что и других поляков, которых в большом количестве привозили на дачу, немцы также расстреляли.

Вопрос: Почему Вы сделали такой вывод?

Ответ: Об этом нужно рассказать подробно. Через несколько дней после моего поступления на работу в "Козьи Горы" я начала замечать, что на территорию дачи приезжают какие-то крытые грузовые машины. В отличие от других машин, на которых привозили продукты или приезжали солдаты, эти машины сворачивали в лес (вправо от основной дороги). Обычно в это время из леса слышались выстрелы. Минут через 40-50 машины "под" - езжали к даче и ехавшие в кабинах шоферов немцы уходили в баню. В эти дни нам на кухне доставалось много работы. Повар Густав заставлял чистить большое количество картофеля, в котел закладывалась удвоенная, а иногда утроенная порция продуктов, а РОЗЕ по несколько раз на день забегал на кухню, справляясь у повара, все-ли в порядке. Было еще одно обстоятельство, благодаря которому дни приезда машин мне особенно хорошо запомнились. Мне, АЛЕКСЕЕВОЙ и МИХАЙЛОВОЙ, при появлении крытых машин на территории дачи, приказывали немедленно уходить на кухню и ни в коем случае не выходить во двор. Кого именно привозили на дачу, я тогда не знала. Об этом мне стало известно лишь месяца через четыре от АЛЕКСЕЕВОЙ.

Вопрос: Что же Вам рассказала АЛЕКСЕЕВА?

Ответ: От АЛЕКСЕЕВОЙ я узнала, что в крытых автомашинах в августе 1941 года в лес "Козьи Горы" привозили польских военных. Разговор этот произошел в январе 1942 года, кроме меня и АЛЕКСЕЕВОЙ в нем принимала участие и МИХАЙЛОВА.

Вопрос: Изложите по порядку, в связи с чем у Вас возник этот разговор и постарайтесь полнее передать его содержание?

Ответ: Дело произошло следующим образом. В первых числах января 1942 года РОЗЕ об"явил, что нам сокращают зарплату до трех марок в месяц. Это была совсем ничтожная сумма и я, АЛЕКСЕЕВА и МИХАЙЛОВА заявили РОЗЕ, что на таких условиях работать отказываемся. РОЗЕ обругал нас и сказал, что заставит работать даже бесплатно. Мы между собой договорились, что на следующий день на работу не выйдем. Так мы и поступили, но вечером за мной, а так же и за АЛЕКСЕЕВОЙ и МИХАЙЛОВОЙ на ав-

томобиле приехал РОЗЕ с двумя солдатами и увез нас на дачу. Здесь переводчик ИОГАНН передал нам приказание АРНЕСА о том, что нас с АЛЕКСЕЕВОЙ арестовывают на три суток, а "зачинщипу" МИХАЙЛОВУ - на 8 суток. После этого нас посадили в холодную, пустую комнату. Для того, чтобы хотя немного согреться, мы лежали на полу, тесно прижавшись друг к другу, но уснуть все равно было невозможно. У дверей комнаты ходил часовой и мы вполголоса начали говорить о порядках на этой даче. Тут мы впервые поговорили обо всем пережитом на даче. Мы с МИХАЙЛОВОЙ рассказали АЛЕКСЕЕВОЙ о расстреле РОЗЕ и другими двух поляков в лесу. АЛЕКСЕЕВА же рассказала нам, что сама видела, как в лес "Козьи Горы" пешком гнали партию польских военных и что в крытых автомашинах также привозили поляков. АЛЕКСЕЕВА обратила наше внимание на то, что эти военные носили такую же форму, как и польские военнопленные, работавшие в 1940 и 1941 г.г. по ремонту шоссе. Мы начали припоминать и другие подробности, связанные с прибытием грузовых машин, и пришли к выводу, что в "Козьих Горах" осенью 1941 года немцы расстреляли большое количество поляков. Я напомнила подругам, что на территории дачи немцы рыли какие-то ямы, как об"ясняли они, для блиндажей, но никаких блиндажей нигде не было видно, а ямы снова засыпаны землей. В связи с этим я высказала догадку, что в этих ямах немцы хоронят расстрелянных ими поляков. Мне тогда многое стало понятным, в том числе и разговоры немцев о "минировании" леса.

Вопрос: О каком "минировании" Вы говорите?

Ответ: Нам всегда казалось странным и бессмысленным запрещение бывать в Козьегорском лесу и выходить за пределы дороги. На заданный мною однажды вопрос ХОПФЕ, могу ли я пойти в лес за грибами, он заявил, что прогулки по лесу опасны, так как там, якобы, все заминировано большевиками. Однако, несмотря на это, сами немцы ходили по лесу, не боясь быть подорванными на минах. После откровенного разговора в "холодной" мы твердо решили любыми способами добиться увольнения с дачи, но через

- 7 -

несколько дней после ареста, РОЗЕ неожиданно об"явил, что мы увольняемся с работы, так как без нас смогут обойтись. Эту весть мы встретили с большой радостью и я с МИХАЙЛОВОЙ на даче больше не появлялись. АЛЕКСЕЕВОЙ же пришлось через пять месяцев снова возвратиться на дачу в "Козьи горы", так как ее вызвали на работу. Пробыла она там вторично до января 1943 года и уволилась из-за болезни.

Вопрос: Где Вы работали после увольнения из дачи в "Козьих горах"?

Ответ: После "Козьих гор" я работала в хозяйстве отца и проживала в д. Борок.

Вопрос: Вы кому-либо рассказывали о расстрелах немцами поляков в лесу "Козьих гор"?

Ответ: Нет, я об этом никому не рассказывала, опасаясь что на меня донесут немцам. Только один раз я поговорила с МИХАЙЛОВОЙ и то после опубликования в газетах немецких сообщений о так называемых "эверствах большевиков в Катынском лесу" и начавшихся "экскурсий" на могилы в "Козьих горах".

Вопрос: А Вы принимали участие в этих "экскурсиях"?

Ответ: Нет, я не хотела даже близко подходить к "Козьим горам", но многие жители дер. Борок ходили на такие "экскурсии". Вид хорошо сохранившихся трупов и демонстрировавшихся личных документов, укрепил во всех мнение о лживости немецких сообщений. Кроме того, жители окрестных деревень, мобилизовавшихся немцами летом 1943 года для оправки могил и переноски трупов, находили в могилах стреляные гильзы от немецких револьверных патронов. К этому следует добавить, что жители дер. Борок до самой войны неоднократно встречали польских военнопленных на дорожных работах, поэтому никто не верил немецкой версии о том, что поляки расстреляны в 1940 году.

Вопрос: Что вы можете дополнить к своим показаниям?

Ответ: Хочу также сообщить о том, что перед отступлением немцы разыскивали меня, АЛЕКСЕЕВУ и МИХАЙЛОВУ. Но за

неделю до их отступления я также, как и почти все жители д.Борок, уехала в сторону с.Хролы, где мы скрывались до освобождения Смоленского района частями Красной Армии.

Протокол записан с моих слов правильно, мною прочитан, в чем и расписываюсь:

(КОНАХОВСКАЯ)

Допросил: ЗАМ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА 2 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР
Полковник Государственной Безопасности

(МАТУСОВ).

Верно: Нач. Нар. Инж. 2 Упр. НКГБ СССР
майор гос. без. *Григорьев*
/Григорьев/

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля МИХАЙЛОВОЙ Ольги Аристарховны

МИХАЙЛОВА О.А., 1924 года рождения, уроженка деревни Борок, Смоленского района, Смоленской области, русская, гражданка СССР, беспартийная, не судима, из крестьян-середняков, образование - незаконченное среднее, колхозница колхоза им. Сталина в деревне Борок Смоленского района.
 Проживает в деревне Борок, колхоз им. Сталина.

От 24 декабря 1943 года.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР - предупреждена, значение этой статьи разъяснено.

Вопрос: Назовите членов Вашей семьи, чем они занимались?

Ответ: Мои родители, отец - МИХАЙЛОВ Аристарх Григорьевич и мать - МИХАЙЛОВА Татьяна Максимовна работают в колхозе им. Сталина, Смоленского района. Вместе с ними проживаем я и моя младшая сестра Валентина, учащаяся средней школы. Брат мой - МИХАЙЛОВ Афанасий - недавно призван в Красную Армию. Еще я имею двух замужних сестер, проживающих в деревне Гнездово под Смоленском: КИСЕЛЕВУ Марию, работающую монтером на шоссе на дороге и БАРЫКИНУ Веру, переселившуюся к Марии после того, как немцы сожгли ее хату.

Вопрос: Чем Вы занимались до войны?

Ответ: До войны я училась в Катынской средней школе и успела окончить 8 классов. Дальнейшее мое образование

было прервано, захватившими наш район немцами.

Вопрос: Вы имели все возможности эвакуироваться в советский тыл. Почему Вы этого не сделали?

Ответ: Из нашего колхоза успели эвакуироваться только те колхозники, которые были выделены для сопровождения в советский тыл колхозного скота и наиболее ценного имущества. Остальные колхозники, в том числе и я, выехали из деревни Борок слишком поздно, дорогой были перехвачены немцами и через несколько дней возвратились домой.

Вопрос: Что Вы делали в период захвата Смоленского района немцами?

Ответ: Вскоре после прихода в наш район немцев, я была мобилизована на работу в бывшую дачу НКВД в лесу "Козьи горы". Эта дача находится на расстоянии четырех километров от нашей деревни по шоссе в сторону Смоленска.

Вопрос: Когда и кто мобилизовал Вас на эту работу?

Ответ: На работу в лесную дачу на "Козьих горах" я была мобилизована в середине августа 1941 года. Направление меня на эту работу произошло по распоряжению Катынского военного коменданта. Об этом я узнала от сельского старосты СОЛДАТЕНКОВА. Самый факт вызова на работу в "Козьи горы" был так обставлен немцами, что было похоже скорее на то, что я арестована и еду в тюрьму.

Вопрос: Расскажите об этом подробнее.

Ответ: В средних числах августа 1941 года, ко мне домой под"ехала грузовая машина, которой управлял немецкий шофер. В машине, кроме шофера, находился солдат с автоматом и моя односельчанка КОНАХОВСКАЯ Зинаида. Солдат, обращаясь

ко мне произнес только одно русское слово "собирайтесь". Я испугалась, подумав, что арестована немцами, а солдат окриком подгонял меня, чтобы я быстрее садилась в машину. Скоро машина тронулась и поехала по шоссе в сторону Смоленска. Не доезжая приблизительно двух километров до деревни Гнездово, машина повернула направо в лес. При повороте в лес стояла арка, у которой часовые остановили машину и проверили документы у шофера и солдата. Затем часовые, указывая на меня и КОНАХОВСКУЮ, спросили что-то у солдата и он пред"явил им какую то бумагу. После этого мы в"ехали в лес, проехали приблизительно километр и остановились около дачи. Один из часовых, стоявших у дачи, заметив нас, вошел в дом и вышел оттуда с унтер-офицером РОЗЕ (фамилию мы узнали позже) и переводчиком, который выслушав офицера сказал нам о наших обязанностях.

Вопрос: Что же входило в Ваши обязанности?

Ответ: Офицер сказал, что мы должны помогать повару немцу Густаву готовить пищу и мыть посуду; обязаны топить прачечную, стирать белье и один раз в неделю производить тщательную уборку комнат под присмотром деньщиков. Уходить с работы без разрешения он запретил, а затем сделал ряд предупреждений.

Вопрос: Каких именно?

Ответ: Во-первых, он запрещал выходить из служебных помещений куда-либо в лес, окружавший дачу, заявив, что лес и подходы к даче минированы. Во-вторых, он сказал, что по окончании работы мы можем выходить из дачи к шоссе только в сопровождении часового. В-третьих, он категорически запретил нам появляться в жилых комнатах офицеров без со-

4.-

ответствующего вызова. Наконец, он предупредил, что все что нам будет известно о работе и жизни офицеров проживающих в даче, должно остаться в строжайшей тайне. За нарушение любого из этих указаний мы будем строго наказаны.

Вопрос: Много ли советских граждан работало на этой даче?

Ответ: На даче в "Козьих горах" из советских граждан работало четыре человека, а именно: я - МИХАЙЛОВА, КОНАХОВСКАЯ Зинаида, СТЕПИНА Дарья и АЛЕКСЕЕВА Анна. Все мы работали в качестве подсобных рабочих на кухне. Должна заметить, что я, КОНАХОВСКАЯ и АЛЕКСЕЕВА будучи односельчанами дружили друг с другом, часто вместе ходили на работу и возвращались с работы домой. СТЕПИНУ мы не любили, так как она всячески старалась угождать немцам, заискивала перед ними. Затем, окончательно потеряв себя, она вступила в интимную связь с немецким солдатом Францем, а когда мы стали открыто осуждать ее за этот поступок, она, при посредстве Франца, старалась причинить нам разные неприятности. Очень скоро СТЕПИНА опустилась совсем, немецкие солдаты видели в ней легко доступную женщину и мы стали чуждаться ее. Все остальные как офицеры, так и солдаты, проживавшие в даче были немцами, среди которых переводчик Иоган был немцем с Поволжья, добровольно перешедшим на сторону врага в первые дни войны.

Вопрос: Судя по Вашим ответам, на даче в "Козьих горах" размещалось немецкое воинское учреждение. Это так?

Ответ: Да, на даче в "Козьих горах" размещалось немецкое военное учреждение.

Вопрос: Название этого учреждения Вам известно?

Ответ: Нет. Офицеры, проживавшие на даче свою работу

засекречивали. Например, в их комнаты я могла попасть только затем, чтобы мыть полы и производить уборку. Обычно в это время офицеров в комнате не было, а на столах не лежало ни одной бумажки. Уборку же в комнатах офицеров, я производила под наблюдением солдата. Деньщики были видимо так вымуштрованы и поэтому всякие расспросы были просто опасны.

Вопрос: Сколько офицеров размещалось на даче ?

Ответ: Из постоянных жителей я помню по фамилиям только некоторых. Старшим из всех офицеров был оберстлейтенант АРНЕС, высокий блондин, средних лет. Его помощником был ХОПМЕ высокий стройный мужчина, примерно в возрасте 30 лет. Когда ХОПМЕ отсутствовал, его замещал КУРТ МЮЛЛЕР - 24-25 летний мужчина. Всеми хозяйственными делами занимался унтер-офицер РОЗЕ, принимавший нас на работу, очень злой и жестокий человек. Временами количество офицеров и солдат увеличивалось. Тогда для них ставились дополнительные койки. Всего же на даче офицеров и солдат обычно проживало до 30 человек.

Вопрос: Чем занимались офицеры на даче ?

Ответ: Офицеры жили и работали на даче. Об этом я знаю потому, что большую часть времени они проводили дома. Каждый из них, кроме жилой комнаты имел и рабочий кабинет. На даче было много телефонов и свой коммутатор. Чем занимались офицеры и солдаты повседневно, мне неизвестно, но я знаю, что они принимали участие в расстреле поляков, производившемся на территории дачи.

Вопрос: Когда это было ?

Ответ: Это было в конце августа и в сентябре 1941 года.

Вопрос: Каким образом вы об этом узнали?

Ответ: В 1940 и 1941 г.г. в нашем районе находилось много военнопленных поляков. Недалеко от деревни Борок они работали на строительстве дорог до захвата Смоленского района немцами. Я неоднократно видела их сама и с отдельными из них случайно разговаривала. Вскоре после прихода немцев, у нас в деревне пошли слухи о том, что немцы расстреливают поляков за то, что они отказываются воевать против русских. Слухи эти росли и мне лично пришлось убедиться, что они правильны. Однажды, как обычно, я и ЮНАХОВСКАЯ работали на кухне и услышали недалеко от дачи шум.. Выйдя за дверь, мы увидели двух военнопленных поляков, окруженных немецкими солдатами, что то раз'яснявшими унтер-офицеру РОЗЕ, затем к ним подошел оберстлейтенант АРНЕС и что то сказал РОЗЕ. Мы спрятались в сторону, так как боялись, что за проявленное любопытство РОЗЕ нас изобьет. Но нас все-таки заметили и механик ГЛИНЕВСКИЙ, по знаку РОЗЕ, загнал меня на кухню, а поляков повел в сторону от дачи. Через несколько минут мы слышали выстрелы. Вернувшиеся вскоре немецкие солдаты и унтер-офицер РОЗЕ оживленно разговаривали. Я и ЮНАХОВСКАЯ, желая выяснить как поступили немцы с задержанными поляками, снова вышли на улицу. Одновременно с нами вышедший через главный вход дачи ад'ютант АРНЕСА по-немецки что то спросил РОЗЕ, на что последний также по-немецки ответил: "все в порядке". Эти слова я поняла, так как их немцы часто употребляли в разговорах между собой. Из всего происшедшего я заключила, что эти двое поляков расстреляны.

Вопрос: Уточните, когда именно это произошло?

Ответ: Это произошло дней через десять или двенадцать после моего поступления на работу в "Козьи горы", где

овательно, в конце августа или начале сентября 1941 года.

Впервые, почти что на моих глазах были расстреляны люди и это заставило меня внимательно приглядеться к тому, что делается на даче и в окружающем лесу. По ряду известных мне фактов, я убедилась, что расстрел, свидетелем которого я явилась, не единичный и что в лесу близ дачи производился массовый расстрел польских военных.

Вопрос: Почему Вы пришли к такому убеждению?

Ответ: В сентябре месяце 1941 года, в лесу "Козьи горы" очень часто раздавалась стрельба. Сначала я не обращала внимания на под"езжавшие к нашей даче грузовые автомашины, крытые с боков и сверху, окрашенные в зеленый цвет, всегда сопровождавшиеся унтерофицерами. Затем я заметила, что эти машины никогда не заходят в наш гараж и в тоже время, не разгружаются. Эти грузовые автомашины приезжали очень часто, особенно в сентябре 1941 года. Среди унтерофицеров, которые всегда ездили в кабинах, рядом с шоферами, я стала замечать одного высокого с бледным лицом и рыжими волосами. Когда эти машины под"езжали к даче, то все унтерофицеры, как по команде шли в баню и долго в ней мылись, после чего сильно пьянствовали на даче. Однажды этот высокий, рыжий немец, выйдя из машины направился в кухню и попросил воды. Когда он пил из стакана воду, я увидела кровь на обшлаге правого рукава его мундира. Замечала я и такую вещь, пока унтерофицеры мылись в бане, их шофера постоянно чистили и смазывали оружие. Особенно бросалось в глаза то, что закрытые грузовые автомашины приезжали к даче всегда вскоре по окончании стрельбы в лесу на "Козьих горах".

После того, как на моих глазах близ дачи среди бела дня расстреляли двух поляков, я поняла, что в "Козьих Горах" немцы часто производили расстрел людей. Тогда же мне стало ясно почему нам не разрешали самим выходить в лес, а также почему при ходе домой нас всегда до шоссе сопровождали немецкие солдаты.

Вопрос: Из того, что Вы показываєте видно, что немцы действительно производили расстрелы в лесу близ дачи, на которой Вы работали. Но выше Вы показали, что немцы производили расстрел польских военнопленных. Откуда Вам известно, что это были именно польские военнопленные ?

Ответ: Об этом мне известно со слов АЛЕКСЕЕВОЙ Анны, работавшей вместе со мной на даче.

Вопрос: Что именно Вам рассказала АЛЕКСЕЕВА ?

Ответ: Разрешите мне рассказать об этом подробно. После того, как я с ужасом поняла все, что делается на даче, я стала угрожать КОНАХОВСКУЮ и АЛЕКСЕЕВУ уйти с этой работы. Я боялась говорить им о своих наблюдениях и поэтому ссылалась на низкую зарплату. Они согласились со мной и мы несколько раз просили РОЗЕ отпустить нас с работы, но РОЗЕ нам всегда в этом отказывал.

В январе месяце 1942 года мы сговорились и в один из дней все (я, КОНАХОВСКАЯ и АЛЕКСЕЕВА) не вышли на работу. Вечером после того, как мы не вышли на работу, за нами в деревню Борок на машине приехал сам РОЗЕ. Он приказал нам немедленно собратся. Дорогой мы пытались возражать ему, но он ударив меня, велел прекратить разговоры. Когда мы прибыли на дачу, то он сначала избил нас, а затем, посчитав меня зачинщицей невыхода на работу, через переводчика Иогана, об"явил, что посадит меня в холодную комнату на восемь суток, а АЛЕКСЕЕВУ и КОНАХОВСКУЮ на трие суток каждую.

Вопрос: Эта угроза была приведена в исполнение ?

Ответ: Да, днем мы работали, а ночами сидели в холодной комнате и припоминали все обстоятельства жизни на даче, думали свою судьбу и немцев. Здесь мы впервые поговорили открыто о том, что делается на даче. Я рассказвала все.

что знала, но оказалось, что и КОНАХОВСКАЯ и АЛЕКСЕЕВА также знали все эти факты, но тоже, как и я, боялись говорить мне об этом. Тут же я узнала о том, что немцы в "Козьих горах" расстреливали именно польских военнопленных, так как АЛЕКСЕЕВА рассказала, что она однажды осенью 1941 года шла на работы и лично видела, как немцы загоняли в лес "Козьи горы" большую группу военнопленных поляков, а затем слышала в этом месте стрельбу. Она же сообщила нам, что и в закрытых машинах, о которых я показала ранее, немцы привозили поляков. КОНАХОВСКАЯ, в свою очередь, рассказала нам о том, что между шоссе и дачей в лесу, осенью 1941 года немцы копали ямы и когда она у одного из солдат спросила, зачем им нужны эти ямы, он ответил, что они строят блиндажи. То, что немецкие солдаты в лесу "Козьи горы" копали ямы знали и я, и АЛЕКСЕЕВА, но КОНАХОВСКАЯ обратила наше внимание на то, что фактически в лесу нет никаких блиндажей, так как ямы вырывались, а затем вновь засыпались землей. Я хорошо помню, как она тогда еще сказала: "не в этих ли ямах немцы хоронят расстрелянных". И действительно, позднее оказалось, что именно в том месте, где немецкие солдаты копали "блиндажи", весной 1943 года немцами были организованы раскопки могил польских офицеров.

Вопрос: Вы рассказывали кому-нибудь в период оккупации об известных Вам фактах расстрела польских военнопленных немцами?

Ответ: Нет, я боялась это делать, так как понимала, что за это немцы меня могут расстрелять.

Вопрос: Что Вы еще можете показать по этому делу?

Ответ: Хочу сообщить, что когда немцы отступали из нашего района, то они разыскивали меня, КОНАХОВСКУЮ и АЛЕКСЕЕВУ.

Вопрос: Откуда Вам это известно?

Ответ: Об этом мне говорил мой дядя, бывший староста деревни Борок, СОЛДАТЕНКОВ Дмитрий Иванович, но немцы не нашли нас, так как и я и АЛЕКСЕЕВА с КОНАХОВСКОЙ в течение семи дней перед приходом Красной Армии скрывались в лесу, опасаясь того, что немцы насильно эвакуируют нас в свой тыл.

Протокол записан с моих слов верно, мною прочитан, соответствует действительности, в чем и расписываюсь

(МИХАЙЛОВА)

Допросил: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ 2 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР
Подполковник Государственной Безопасн.

(КОЗЛОВ).

*Верно: Ком. Вост. Фронт. 2-й Фр. НКГБ СССР
майор сот. Гей С. Г. Гейманов -
/Гейманов/*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля АЛЕКСЕЕВА Михаила Алексеевича

АЛЕКСЕЕВ М.А., 1892 года рождения, уроженец дер.Борок, Смоленского района Смоленской области, русский, гр-н СССР, из крестьян, беспартийный, не судим, образование высшее, работает председателем колхоза им.Сталина, проживает в дер.Борок.

от 24 декабря 1943 года.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст.95 УК РСФСР предупрежден. Значение этой статьи мне разъяснено.

Вопрос: Расскажите о своей трудовой деятельности.

Ответ: До 1929 года я работал в своем хозяйстве, имел коня, корову и полторы десятины земли. В 1929 году вступил в колхоз, был избран председателем его и на этой должности проработал до 1934 года. Последующие годы был активистом колхоза, а в 1941 году собранием колхозников колхоза им.Сталина был избран председателем ревизионной комиссии. Когда началась война и немцы стали приближаться к нашему району, я активно помогал правлению колхоза в эвакуации колхозного скота и имущества вглубь страны. Эвакуировался я с семьей и сам, но unsuccessfully, по дороге мы были перехвачены немцами и я возвратился в свое село. Во время оккупации немцами нашего района - занимался хлебопашеством, а после того, как немцы сожгли мою хату,

2.-

моя семья разбилась на две части и мы стали жить порознь.

Вопрос: Из кого состоит Ваша семья?

Ответ: Я, моя жена АЛЕКСЕЕВА Татьяна Тимофеевна, дети: дочери - Мария - 12 лет и Лидия - 10 лет и сын Виктор - 8 лет, живут при мне. Сын Николай, 1923 года рождения находится в Красной Армии. Моя старшая дочь Анна - 27 лет имеет грудного ребенка и живет от меня отдельно в дер. Борок.

Вопрос: Чем занималась Ваша дочь Анна Алексеева до войны?

Ответ: Моя дочь Анна в 1932 году окончила семилетку, затем выехала в гор. Смоленск, где в течение 3-х лет обучалась в ФЗУ по хлебопечению и работала на хлебозаводе. В 1935 году она выехала в гор. Днепропетровск, где работала лаборантом на хлебозаводе до 1938 года. Возвратившись в Смоленск, она окончила курсы счетоводов затем поступила на работу в Управление Западной железной дороги. После того, как сотрудники Управления дороги эвакуировались вглубь страны, моя дочь Анна возвратилась из Смоленска домой.

Вопрос: Почему она отказалась эвакуироваться с сотрудниками Западной железной дороги?

Ответ: Она намеревалась своевременно эвакуироваться из Смоленска, но не успела во время подоспеть к поезду, увозившему из Смоленска сотрудников дороги. Однако, она выехала из Борока вместе со мной, но как я уже показал выше, путь нам был перерезан немцами и мы возвратились назад в свою деревню.

3.-

Вопрос: Что делала Ваша дочь при немцах?

Ответ: Вскоре после прихода немцев, примерно в середине августа 1941 года, моя дочь Анна, а вместе с ней односельчанки КОНАХОВСКАЯ Зинаида - 19 лет и МИХАЙЛОВА Ольга - 18 лет, по распоряжению немецкого военного коменданта были направлены на работу в лесную дачу, вблизи деревни Гнездово в местечко, именуемое "Козьи горы", где весной 1943 года, немецкие захватчики разыграли комедию, пытаясь приписать большевикам, расстрел двенадцати тысяч польских офицеров, которых расстреляли, по моему твердому мнению, сами же немцы. Утверждая это я имею к тому доказательства.

Вопрос: Какие?

Ответ: Как я уже показал, моя дочь АЛЕКСЕЕВА Анна работала с августа месяца 1941 года по февраль 1942г. на даче в лесу "Козьи горы". Направлена туда она была старостой с какой то запиской. Дальше с ее слов, я знаю, что дойдя до дорожки сворачивающей с шоссе Смоленск-Витебск к даче, расположенной в лесу "Козьи горы", ее остановил немецкий часовой. Анна показала выдачу ей старостой бумагу. Часовой взял от нее бумагу, подошел к кустам, достал из них трубку полевого телефона и что-то сказал по-немецки. Через некоторое время к ней со стороны дачи из леса вышел немецкий солдат и привел ее на дачу. Вскоре из дачи вышел унтер-офицер с переводчиком. Этот унтер-офицер объяснил дочери, что она обязана помогать на кухне в изготовлении пищи и

работать в прачечной, за пределы этих помещений никуда не уходить, особенно в лес, а когда работу будет кончать, то от дачи до шоссе ее будет сопровождать солдат.

Немец предупредил Анну, что если она нарушит эти условия, то ее строго накажут.

Вопрос: Видимо у немцев на этой даче проводилась особо секретная работа, если они установили особый порядок ее охраны. Вам известно, чем занимались немцы на этой даче:

Ответ: Не только дача, но и окружающий ее лес "Козьи Горы" охранялся караулом, о чем я знал не только от дочери, но и сам лично, так как неоднократно, проезжая в гор. Смоленск, видел немецких солдат со стороны опушки "Козьих гор", выходящей на шоссе на дорогу. На даче я никогда не был и что в ней делалось я не знаю, но что туда никого не пропускали подтверждает еще такой пример. Однажды, моя дочь, придя домой, заболела и на утро не смогла явиться на работу. За ней явились немцы и, не обращая внимания на ее болезнь, забрали и восемь дней не отпускали с дачи вовсе. Обеспокоенная долгим отсутствием дочери, моя жена в один из дней направилась к даче. Несмотря на то, что жена растолковала часовым кто она и зачем пришла, часовые прогнали ее от леса и она возвратилась домой ничего не узнав о дочери. За невыход на работу оказывается дочь была арестована и три дня после работы содержалась в холодной комнате, а затем еще пять дней не выпускалась с дачи домой. Несмотря на то, что немцы окружили "Козьи горы" большой тайной, но как говорится "шила в мешке не утаишь".

Осенью 1941 года пошли по окрестным деревням разговоры, что немцы в лесу "Козьи горы" расстреливают

военнопленных поляков, работавших до войны в наших местах на строительстве дорог. Когда до меня дошли эти слухи, я спросил свою дочь Анну правильны ли они.

Вопрос: Что Вам ответила дочь?

Ответ: Она мне долго ничего не говорила, только приходя домой жаловалась, что на даче работать страшно и она не знает, как ей оттуда вырваться. Когда я ее спрашивал, почему ей страшно, она говорила, что в лесу очень часто слышится стрельба. Однажды придя домой она сказала мне по секрету, что в лесу "Козьи горы" немцы расстреливают поляков. Выслушав дочь, я ее очень строго предупредил, чтобы она больше никому об этом не рассказывала, иначе узнают немцы и пострадает вся наша семья. Дочь просила меня помочь ей, через старосту, уйти с дачи. В феврале 1942 года ей удалось уйти с работы в "Козьих горах", чему она была несказанно рада. Таким образом, я со слов моей дочери знаю, что немцы в "Козьих горах" осенью 1941 года расстреливали военнопленных поляков. Помимо сказанного я могу привести еще факты, которые говорят за то, что расстрел 12 тысяч пленных поляков произведен не русскими, а немцами.

Вопрос: Что это за факты?

Ответ: Когда немцы весной этого года подняли в газетах шумиху о "найденных могилах" в "Козьих горах", в которых погребено, якобы, 12 тысяч польских офицеров, заявляя при этом, что военнопленные поляки расстреляны НКВД весной 1940 года — я не мог этому поверить. Дело не только в том, что из рассказов дочери я знал, что немцы в сентябре месяце 1941 года расстреливали в "Козьих

горах" военнопленных поляков. Рассказам дочери я не мог не верить, но я лично видел военнопленных поляков, которые здесь работали не только в 1940, но и в 1941 г.г.

Польские военнопленные в наших окрестностях работали по строительству дорог на магистрали Москва-Минск вплоть до занятия нашего района немцами. Как же я мог поверить немцам, что русские расстреляли поляков в 1940г., когда я их видел здесь в июле 1941 года, когда немцы занимали наш район. К тому же я слышал, что когда Красная Армия оставила Смоленск, то вступившие в него немцы захватили в плен работавших на дорогах поляков. Немцы заставляли их воевать против русских, но польские военнопленные просились домой и не захотели воевать за немцев. Я полагаю, что именно за это немцы и расстреляли польских военнопленных в сентябре 1941 года. Тем более я этому верю, что возвращаясь в конце августа 1941 года домой с базара из Смоленска, я видел, как немцы гнали в сторону Гнездова откуда то из-под Катыни группу поляков примерно в количестве 30-35 человек. Куда же девались те поляки, которых захватили немцы при отступлении Красной Армии из нашего района? Их то, по моему, и расстреляли немцы, так как за каких-нибудь месяц-полтора (конец августа, сентябрь 1941 года) военнопленные поляки совершенно исчезли из нашего района.

Вопрос: Это все, что Вы можете показать о немецкой провокации в Катынском лесу?

Ответ: Я хочу сообщить еще об одном факте, рассказанном мне БАСОВЫМ Михаилом.

Вопрос: Кто такой БАСОВ?

Ответ: БАСОВ Михаил, 1923 года рождения, колхозник из деревни "Новая Деревня" Смоленского района.

Вопрос: Что же он Вам рассказывал?

Ответ: БАСОВ Михаил в июле месяце этого года мне рассказал следующее: в июне 1943 года немцы мобилизовали его на opravку могил, раскопанных в "Козьих горах".

В то время немцы вокруг расстрелянных польских офицеров выстроили почетный караул из поляков, привезенных из Польши. Оправляя могилу польских офицеров, БАСОВ внутри ее нашел пять штук стрелянных гильз от револьверных патронов немецкого образца. Такие же патроны нашли и другие крестьяне, работавшие на могилах. Это увидели поляки, стоявшие в почетном карауле. Они стали рассматривать найденные в могиле гильзы, а затем возмущаясь против немцев стали об"винять их в том, что именно они - немцы расстреляли польских военнопленных.

Вопрос: Что Вы можете еще добавить к своим показаниям?

Ответ: Больше ничем дополнить свои показания не могу.

Записано с моих слов верно, мною прочитано, соответствует действительности в чем и расписываюсь:

(АЛЕКСЕЕВ)

Допросил: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ 2 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР
Подполковник Госуд. Безопасности:

(КОЗЛОВ):

Верно: нач. отд. 2 Упр. НКГБ СССР
майор гос. без. *А. М. Мухомов*
/Мухомов/

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

БАЗИЛЕВСКОГО Бориса Васильевича

БАЗИЛЕВСКИЙ В.В., 1885 года рождения, уроженец города Каменец-Подольска, русский, гражданин СССР, беспартийный, ранее не судим, происходит из дворян, профессор астрономии, в период немецкой оккупации работал заместителем начальника города Смоленска (заместитель бургомистра).

от 20 декабря 1943 года.

Вопрос: Где вы работали до начала Отечественной войны?

Ответ: До военного нападения Германии на Советский Союз, я являлся заместителем директора Смоленского педагогического института по учебно-научной части и одновременно, директором астрономической обсерватории. Моя педагогическая и научная деятельность продолжалась вплоть до прихода в Смоленск немцев, т.е. до 15 июля 1941 года.

Вопрос: По каким причинам вы не эвакуировались из Смоленска?

Ответ: 14 июля 1941 года исполняющий обязанности директора педагогического института профессор КОДАЧИГОВ предложил мне не спешить с отъездом и продолжать работу до специального указания. 15 июля 1941 года, когда КОДАЧИГОВЫМ было дано разрешение на выезд, выехать мне не удалось, так как поезда были переполнены до отказа; когда же я явился

на вокзал, то представитель эвакуационного пункта некто МИЛЛЕР заверил меня, что 16 июля я буду обеспечен местом в поезде и смогу эвакуироваться. 16 июля с утра я направился с семьей на вокзал. По пути к вокзалу выяснилось, что мост через Днепр взорван и возможности выехать из Смоленска нет. Таким образом, я и остался в Смоленске.

Вопрос: Чем вы занимались в период оккупации города Смоленска немецкими войсками?

Ответ: С 25 июля 1941 года по 1 октября 1942 года я занимал должность заместителя начальника города Смоленска, после чего, перешел на работу директором организованной мной учительской семинарии. В этой должности я состоял до прихода советских войск.

Вопрос: Расскажите подробно, при каких обстоятельствах вы стали заместителем бургомистра города Смоленска?

Ответ: 20 июля 1941 года в обсерваторию, где я находился, явились два неизвестных немецких офицера в сопровождении переводчика - моего соседа - аптекаря ВУЛЬФСОНА и мне было предложено следовать вместе с ними в помещение бывшей школы областной милиции, где тогда расположился штаб немецкой воинской части. В штабе я был принят группой немецких офицеров (5-6 человек), двое из которых свободно владели русским языком. В беседе офицеры предложили мне организовать городское Управление и принять на себя пост начальника города. Я отказался от этого предложения, так как не хотел работать с немцами. Формальным же мотивом для моего отказа послужило то, что в силу своих личных качеств и профессии ученого я далек от всякой организацион-

ной и административной работы.

Мой отказ не был принят во внимание. Один из офицеров сказал мне: " Мы заставим русскую интеллигенцию принимать участие в организации жизни города". Сказано это было в угрожающем тоне. Затем меня отпустили и обещали в ближайшие дни вызвать вновь.

Вопрос: Вызывались ли вы вторично?

Ответ: Да, вызывался. Дней через пять ко мне на квартиру днем явился незнакомый человек в гражданском костюме в сопровождении немецкого часового. Отрекомендовавшись адвокатом МЕНЬШАГИНЫМ, неизвестный пригласил меня последовать за ним в комендатуру (бывшее здание Госбанка). По дороге МЕНЬШАГИН сказал: " Я в таком же положении, как и Вы. Немцы требуют нас на работу". В комендатуре оказались двое незнакомых мне немецких офицера и переводивший нашу беседу зондерфюрер ГИРШФЕЛЬД.

Офицеры вновь предложили мне занять пост начальника города, а МЕНЬШАГИНУ быть моим заместителем. Повторив офицерам изложенные мною в первый раз мотивы и усилив их ссылкой на возраст, я просил не назначать меня начальником города, указав при этом, что МЕНЬШАГИН, как юрист, является более подходящей кандидатурой. Моя просьба была удовлетворена, но тогда мне предложили должность заместителя начальника города.

Когда я попытался отказаться и от этой миссии, офицер заявил, что мое поведение будет расцениваться германским командованием, как саботаж, со всеми вытекающими из этого последствиями. Из-за боязни репрессий, смелодушничав, я дал

согласие на работу в немецком городском управлении.

Вопрос: Чем занималось городское Управление?

Ответ: Перед МЕНЬШАГИНЫМ и мною немецким командованием в лице коменданта города фон-ШВЕЦ задачи городского Управления были сформулированы следующим образом: - обеспечивать оставшееся в городе население жилищной площадью, заниматься распределением продовольствия, оказывать содействие в размещении оккупационных войск и военнопленных, а также проводить культурно-просветительную работу среди местного населения.

Вопрос: Только ли это входило в функции городского Управления?

Ответ: Да, примерно эти вопросы входили в задачи городского Управления. Кроме того, мы занимались также вопросами здравоохранения и санитарного состояния города.

Вопрос: Это не совсем так. В нашем распоряжении имеется блок-нот Смоленской городской управы, записи в котором говорят о других функциях Управления. Вам пред"является этот блок-нот. Вам известен почерк владельца блок-нота?

Ответ: Да, этот почерк мне известен, он принадлежит бывшему начальнику города Смоленска - МЕНЬШАГИНУ Борису Георгиевичу.

Вопрос: В блок-ноте имеются следующего рода записи: "Борьба с партизанами и наблюдение за ними", "Настроение населения города", "Сдача награбленного имущества", "Борьба с большевиками и комсарами", "Священников, старост и других командировать в "СД" к БУЕВИЧУ, комната 218"

5.-

"Раевскому - разработать схему аппарата полиции, подробный проект организации "гетто" и другие подобные записи". Это что, тоже входило в функции городского Управления?

Ответ: Да, в функции городского Управления входило также организация и руководство так называемой "русской полиции" и ее политическим отделом, задачей которого была - борьба с коммунистами, партизанами и патриотически настроенными людьми.

Должен признать, что приступая к работе в городском Управлении, я был убежден, что работа этого учреждения сопряжена с чисто административными и культурно-просветительными функциями. Расчитывая именно на это, я полагал, что использую свое положение заместителя начальника города на пользу местного населения. Однако, вскоре я горько разочаровался, так как убедился, что городское Управление является по существу основным пособником германских карательных органов и участвует в истреблении советских граждан.

Вопрос: Вашими показаниями устанавливается, что городское Управление участвовало в массовом истреблении советских людей. Вы признаете это?

Ответ: Да, это правильно. Нужно сказать, что немецким командованием, при участии городской управы, производились массовые расстрелы на занятой ими территории.

Вопрос: Приведите конкретные факты.

Ответ: Весной 1942 года, как мне стало известно из беседы с МЕНЬШАГИНЫМ, по приказу германского командования немцами в "Красном бору" было расстреляно население

6.-

деревни Александровка, состоящее преимущественно из цыган. Как объяснял МЕНЬШАГИН, цыгане были расстреляны, как люди не арийского происхождения. Городская управа практически подготавливала этот расстрел путем составления списка цыган.

Кроме того, мне известно о массовом расстреле немцами осенью 1941 года военнопленных поляков.

Вопрос: Расскажите о последнем подробно.

Ответ: Вскоре после занятия Смоленска немецкими войсками, в августе 1941 года в конце 1-й Красинской улицы был создан для русских военнопленных лагерь, известный под № 126, в котором содержалось несколько десятков тысяч военнопленных командиров и красноармейцев. Это был не лагерь, приспособленный к содержанию пленных в сколько-нибудь человеческих условиях, а по общему отзыву какой-то "загон", где люди жили в помещениях без окон и дверей, в условиях неопишуемой скученности. В числе находившихся в лагере и близких к гибели был и хорошо мне известный смоленский педагог (заведующий учебной частью 3-й Смоленской средней школой) Георгий Дмитриевич ЖИГЛИНСКИЙ.

В начале сентября 1941 года после своего очередного доклада МЕНЬШАГИНУ по делам подведомственных мне отделов городского Управления, я обратился к нему с просьбой возбудить ходатайство перед немецким командованием об освобождении ЖИГЛИНСКОГО из лагеря, так как без ходатайства начальника города освобождение осуществлено быть не могло. МЕНЬШАГИН после небольшого колебания согласился подписать ходатайство, но при этом заметил:

"Что ж одного спасем, а тысячи все равно погибнут."

В этой связи я высказал мысль, что хорошо бы поставить перед немецким командованием вопрос о разгрузке лагеря № 126 и создании в нем более человеческих условий, что он, МЕНЬШАГИН, пользуясь определенным доверием немецкой комендатуры в лице коменданта города фон-ШВЕЦ может добиться в этом вопросе положительного результата. "Это тем более необходимо", продолжал я, "что лагерь является очагом распространения эпидемических заболеваний и потому представляет прямую угрозу для населения города, за судьбу которого мы с Вами, как лица стоящие во главе городского Управления, несем определенную ответственность."

МЕНЬШАГИН задумался, а затем сказал: "Вы, пожалуй правы. Об этом стоит поговорить с господином фон-ШВЕЦ, так как лагерь представляет угрозу не только для населения города, но и для частей германской армии, размещенных в городе."

Через два дня МЕНЬШАГИН вызвал меня к себе в кабинет и с некоторым раздражением сообщил: "Из-за Вашей просьбы я попал в неудобное положение. Фон-ШВЕЦ отказался удовлетворить наше ходатайство об освобождении ЖИГЛИНСКОГО. Он об"яснил мне, что получена директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый жесткий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе."

Я невольно возразил: "Что же может быть жестче существующего в лагере режима?"

МЕНЬШАГИН странно посмотрел на меня и наклонившись ко мне тихо ответил: "Может быть! Русские по крайней мере сами будут умирать, а вот военнопленных поляков предложено просто уничтожить."

"Как так? Как это понимать?" - воскликнул я.

"Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина", ответил МЕНЬШАГИН и тут же попросил меня "ради всего святого" никому об этом не говорить. Я заверил его, что сохраню этот разговор в тайне.

Вопрос: Вам известна дальнейшая судьба военнопленных поляков?

Ответ: Да, известна. Вопрос о поляках, признаюсь, меня очень мучал и я никак не мог отвязаться от мысли о них.

Недели через две после описанного выше разговора с МЕНЬШАГИНЫМ я, будучи снова у него на приеме, не удержался и спросил: "Что слышно о поляках?"

МЕНЬШАГИН помедлил, а потом все же ответил: "С ними уж покончено. Фон-ШВЕЦ сказал мне, что они расстреляны где то недалеко от Смоленска."

Видя мой растерянный вид, МЕНЬШАГИН снова предупредил меня о необходимости держать это дело в строжайшем секрете и затем стал "об"яснять" мне линию поведения немцев в этом вопросе. Он сказал, что расстрел поляков является звеном в общей цепи, проводимой Германией анти-польской политики, особенно обострившейся в связи с заключением русско-польского договора.

Вопрос: Чем об"яснить такую откровенность с вами МЕНЬШАГИНА?

9.-

Ответ: В начале своей работы в городском Управлении, МЕНЬШАГИН мне очень доверял, считая меня также сторонником немцев. В это время у него не было от меня секретов. В дальнейшем, почувствовав мое нежелание оставаться на работе в Управлении, МЕНЬШАГИН начал меня всячески оттирать от дел, выдвинув в начале 1942 года на должность первого заместителя начальника города белоэмигранта ГАНДЗИКА Георгия Яковлевича.

Вопрос: О судьбе поляков вам было известно только от МЕНЬШАГИНА?

Ответ: О трагической судьбе военнопленных поляков мне известно только от МЕНЬШАГИНА. Об отношении же вообще немцев к полякам я знаю из бесед с немецкими офицерами.

Если первые недели пребывания в Смоленске, немцы не особенно откровенно высказывались в присутствии русских о планах истребления населения оккупированных ими территорий, то по мере продвижения германских войск и успехов на Восточном фронте, они не стесняясь говорили о своих кровавых делах. Так, мне пришлось в присутствии МЕНЬШАГИНА, в его кабинете беседовать с зондерфюрером 7-го Отдела немецкой комендатуры, ведающего вопросами гражданского управления ГИРШФЕЛЬДОМ о положении населения в Польше. ГИРШФЕЛЬД с циничной откровенностью заявил нам, что исторически доказана вредность поляков и их неполноценность, а поэтому уменьшение населения Польши послужит удобрением почвы и создаст возможность для расширения жизненного пространства.

ства Германии. В этой связи ГИРШФЕЛЬД с бахвальством рассказывал, что в Польше интеллигенции не осталось совершенно, так как она повешана, расстреляна и заключена в лагеря. По словам ГИРШФЕЛЬДА, полякам запрещено ездить в трамваях и поездах, которые отведены для немцев. В Варшаве поляки не имеют права заходить в рестораны, кафе и другие общественные места, которыми пользуются немцы.

Вопрос: Вы рассказывали кому-либо о факте расстрела немцами польских военнопленных?

Ответ: Да, рассказывал. Разговоры с ГИРШФЕЛЬДОМ, а главное то, что мне сообщил МЕНЬШАГИН привело меня в такое душевное волнение, что я испытывал потребность с кем-либо поделиться несмотря на то, что обещал МЕНЬШАГИНУ сохранить все в тайне.

Вопрос: Кому именно вы рассказали об этом?

Ответ: В тот же день я поделился сведениями о расстреле поляков с профессором ЕФИМОВЫМ Илларионом Ефимовичем.

Вопрос: Кто такой ЕФИМОВ?

Ответ: ЕФИМОВ – профессор физики, проживал со мной в одном доме. Впервые я познакомился с ним в 1918 году когда он являлся слушателем физико-математического факультета Смоленского государственного университета, где я вел занятия. По окончании университета, он был оставлен при кафедре и до 1930 года, последовательно, занимал должности – лаборанта, ассистента и старшего ассистента, сначала по кафедре физики, а затем по кафедре астрономии.

В период 1928-1930г.г. у меня с ЕФИМОВЫМ бывшим тогда моим ассистентом возникли трения в связи с моей требовательностью к нему. В 1930 году ЕФИМОВ оставил работу на кафедре астрономии и перешел на работу в медицинский институт. Наши отношения до начала войны оставались сухо-официальными. После прихода немцев, старые счеты были забыты и мы, как люди одинаково отрицательно относившиеся к немецкой оккупации, нашли общий язык. Почти ежедневно мы встречались с ним в кабинете обсерватории, на метеорологической площадке или в сквере нашего дома и вели беседы, в которых высказывали возмущение безобразиями и ужасами немецкой оккупации.

Вопрос: Где имел место разговор с ЕФИМОВЫМ о расстреле поляков?

Ответ: Разговор с ЕФИМОВЫМ происходил в сквере нашего дома.

Вопрос: Что именно вы рассказали ЕФИМОВУ?

Ответ: Я сообщил ЕФИМОВУ в деталях весь свой разговор с МЕНЬШАГИНЫМ о расстреле польских офицеров немцами, по приказу из Берлина, осенью 1941 года ^{Близ} ~~в Смоленске~~ ^{Смоленска} ~~Янине~~, предупредив его о секретности нашего разговора. ЕФИМОВ, также как и я, был чрезвычайно возмущен этим неслыханным злодеянием и всячески ругал немцев, называя их палачами и убийцами. В свою очередь ЕФИМОВ сообщил мне, что по дошедшим до него слухам от жителей окрестностей Смоленска, немцами в районе "Красного бора" и Катынского леса расстреляны в большом количестве военнопленные русские и поляки.

12.-

Вопрос: С кем вы еще разговаривали по этому вопросу?

Ответ: На эту тему я беседовал^с врачом НИКОЛЬСКИМ.

Вопрос: Как давно вы знакомы с НИКОЛЬСКИМ?

Ответ: С НИКОЛЬСКИМ Георгием Владимировичем я познакомился в здании городского Управления осенью 1941 года, как с санитарным врачом города. С его слов мне известно, что весной 1941 года он окончил Смоленский медицинский институт. В начале нашего знакомства, наши отношения носили чисто деловой характер. Беседуя со мной, НИКОЛЬСКИЙ возмущался антисанитарным состоянием города. В этой связи он привел такой факт, что в здании бывшего педагогического института, где размещался немецкий госпиталь с инфекционными больными, все нечистоты выливались на улицу, примыкающую непосредственно к госпиталю.

Когда же НИКОЛЬСКИЙ сообщил об этом немецкому гарнизонному врачу ХАМПЕЛЮ, последний ответил: " По существующим законам Германии мы должны расстрелять Вас, так как Вы позволяете себе критиковать действия германского учреждения. Но учитывая мою гуманность, я сохраняю Вам жизнь и прошу запомнить это на будущее". После этого рассказа НИКОЛЬСКОГО, я отрицательно высказался о немцах и он, поняв мою позицию, стал относиться ко мне с полным доверием.

Разговор с НИКОЛЬСКИМ о расстреле поляков происходил при встрече в здании городского Управления у меня в кабинете. Разговор начался с вопроса НИКОЛЬСКОГО - какие имеются новости в нашем городе? Я тогда рассказал ему об убийстве немцами польских офицеров. НИКОЛЬСКИЙ ответил, что по дошедшим до него слухам, немцы поставили себе

целью истребить всю польскую интеллигенцию, при этом, он сказал, что по его мнению они в дальнейшем также поступят и с русской интеллигенцией, так как уже теперь в Смоленске имеется много фактов массового расстрела советских граждан.

Вопрос: Вам говорил об этих фактах НИКОЛЬСКИЙ?

Ответ: Нет, не говорил, так как в этом не было нужды. Мне лично, да и всему населению Смоленска эти факты были хорошо известны.

Вопрос: Расскажите об этих фактах.

Ответ: Однажды, в начале осени 1941 года, когда немцами по городу Смоленску перегонялись большими партиями русские военнопленные, конвоиры расстреливали всех выбившихся из сил командиров и красноармейцев, остававшихся, или отходящих от колонн. Вся Большая Советская улица и прилегающие к ней переулки были покрыты сотнями тел расстрелянных военнопленных. Этот день, в дальнейшем, в народе называли "Кровавым воскресеньем".

Как я показал выше, в лагере военнопленных № 126, находившемся в конце Красинской улицы, где содержались военнопленные, ежедневно, по рассказам очевидцев, замерзало не менее 250 человек. Вследствие крайнего голода, в лагере имелись случаи людоедства. Немецкая охрана снимала с пленных обувь и одежду, отчего многие погибали. Известен вопиющий факт, когда немцы, с целью издевательства, раздели 17 военнопленных, сняли с них валенки, рукавицы, полушубки и оставили на ночь в открытом помещении, при морозе свыше 25°. На утро у них произошло обморожение

конечностей, в результате чего, у них были ампутированы руки и ноги. В следствии антисанитарных условий, в лагере появилась эпидемия тифа, ежедневно уносившая сотни жизней. Режим в лагере отличался особой жестокостью как со стороны часовых, так и полиции лагеря, которые за малейшую провинность, ослушание, да и просто без всяких причин, расстреливали военнопленных.

Сведения о порядках в лагере мне известны со слов доктора ДЕМИДОВА и преподавателя ТРОШИНА, которые в качестве военнопленных находились в этом же 126 лагере.

Вопрос: Что вы знаете еще о немецких зверствах в городе Смоленске?

Ответ: Мне известно, что все лица, заподозренные даже без всяких оснований в связях с партизанами или проявившие какое-либо критическое отношение к немецким мероприятиям, подвергались расстрелу. Со слов профессора ЕФИМОВА И.Е., связанного с районами Смоленской области, АНДРЕЙЧЕНКО Екатерины Дмитриевны - уборщицы учительской семинарии и врача города НИКОЛЬСКОГО Г.В., местами систематических расстрелов жителей Смоленска являлись районы Реадовки и Гедеоновки. Как указывали местные жители в Гедеоновке два раза в неделю гестапо производило расстрел советских людей, каждый раз группами по 40-50 человек.

В районе Гедеоновки до войны существовала психиатрическая больница на 1.200 коев. С приходом немцев в больницу оставалось около 100 человек. Когда в начале 1942 года в немецкой армии распространился сыпной тиф,

немцы решили использовать эту больницу в качестве военного лазарета. В один из дней они внезапно собрали и увезли всех душевнобольных. По их словам больные были отправлены в тыл, по одной версии – в Витебск, по другой – в Могилев. По точной справке, сообщенной витебскими и могилевскими врачами санитарному врачу города Смоленска НИКОЛЬСКОМУ, ни в тот, ни в другой пункт душевнобольные из Смоленска не прибывали. Стало ясным, что они немцами уничтожены.

Вопрос: Вы все время рассказываете о зверствах, творимых немцами. Каково конкретно участие во всем этом городской управы и ваше лично, как заместителя бургомистра?

Ответ: Как я показал выше, начальник города МЕНЬШАГИН по распоряжению немцев, организовал полицию, был информирован о расстреле поляков, организовывал "гетто", грабил население. Лично я не принимал участия в этих делах, однако, как заместитель начальника города я несу моральную ответственность за все страдания, причиненные населению Смоленска во время немецкой оккупации. Непосредственно участие в расправах над мирным населением принимал первый заместитель начальника города – ГАНДЗИК, который собственноручно расстреливал детей и женщин.

Вопрос: Кто такой ГАНДЗИК?

Ответ: ГАНДЗИК Георгий Яковлевич, примерно 40 лет, белоэмигрант, до войны проживал в Праге. Прибыл в Смоленск с оккупационными войсками. По своим личным качествам он более подходил для МЕНЬШАГИНА, который с течением

времени полностью вошел во вкус своей работы. Как мне известно, ГАНДЗЮК лично участвовал в карательных мероприятиях, проводимых немецкими властями против населения. Я же видя все это, крайне тяготился своим положением и искал повода для ухода из городского Управления. Вскоре мне представилась возможность, не вызывая особых подозрений, у немецких властей и у МЕНЬШАГИНА, перейти на работу в учительскую семинарию в Смоленске в качестве директора.

Вопрос: ГАНДЗЮК участвовал в расстреле польских офицеров осенью 1941 года?

Ответ: Это мне не известно. Однако, весной 1943 года он был одним из активных пропагандистов из числа распространявших немецкую версию о расстреле, якобы, большевиками польских офицеров.

Вопрос: Расскажите, что вам известно об этой провокации, организованной немцами весной 1943 года в Катынском лесу?

Ответ: Весной 1943 года немцы в местной печати и по радио начали антисоветскую кампанию, заявив, что в Катынском лесу обнаружены могилы нескольких тысяч польских офицеров, якобы, расстрелянных советскими властями. По немецкой версии, польские офицеры были расстреляны в Катынском лесу в районе "Козьих гор" и были обнаружены по двум поставленным на могилах березовым крестам. Далее, в сообщении указывалось, что могилы поляков НКВД были тщательно замаскированы насаждением молодого сосняка. Это сообщение по самой своей форме вызывало у

окружавших меня людей целый ряд недоуменных вопросов.

Вопрос: Кто с вами делился по этим вопросам?

Ответ: По этим вопросам со мной беседовал НИКОЛЬСКИЙ Георгий Владимирович санитарный врач города. Придя как то ко мне в городскую управу, он сказал, что хочет обязательно выехать на могилы, чтобы посмотреть, как немцы инсценировали все это дело.

Вопрос: Рассказывал ли вам что-либо НИКОЛЬСКИЙ после посещения им могил в Катинском лесу?

Ответ: Д, он поделился со мной своими впечатлениями и рассказал, что посетителям показывали не столько могилы и трупы, сколько их фотографические снимки.

Не только НИКОЛЬСКИЙ, точно знавший от меня о расстреле поляков немцами, но и другие мои знакомые, в частности ВАСИЛЕВСКИЙ Алексей Александрович, бывший начальник финансового отдела городского Управления, ездивший в Катинский лес, называли все это плохой немецкой инсценировкой.

Открыто сомневающихся в правдивости немецких сообщений о катынском деле, гестапо обычно арестовывало.

Вопрос: Кто именно подвергался репрессиям со стороны гестапо?

Ответ: Мне известно, что в полицию вызывался профессор ЕФИМОВ, где его обвиняли в выражении неверия в немецкие сообщения и строго предупредили, что в случае повторения подобных разговоров, он будет арестован. Я также боялся репрессий со стороны немцев, особенно в момент их отступления. Больше всего меня тревожило то

обстоятельство, что немцы от МЕНЬШАГИНА могли знать о моей осведомленности в их делах и перед уходом могли расстрелять, или насильственно эвакуировать.

Вопрос: Как вам удалось избежать насильственной эвакуации немцами?

Ответ: Предполагая возможность эвакуации, чтобы не оказаться захваченными врасплох, я обратился с просьбой к директору дома инвалидов в Друцке, что в 12 километрах от Смоленска по Киевскому шоссе, Владимиру Константиновичу СОКОЛОВУ с просьбой предоставить мне и моей жене приют в инвалидном доме. Обещание скрыть меня я получил и со стороны работавшей в Друцке племянницы СОКОЛОВА — Лидии Петровны ШУТИЛЛО.

17 сентября, когда чувствовалось приближение эвакуации Смоленска, я и мои знакомые Федор Васильевич АНТОНЕНКОВ, Константин Николаевич РЫКАЛОВ и Георгий Владимирович НИКОЛЬСКИЙ собрались в обсерватории для обсуждения плана поведения каждого из нас на случай эвакуации. Все поименованные лица одобрили мой план — укрыться в инвалидном доме в Друцке, так как Друцк эвакуации не подлежал. По совету АНТОНЕНКОВА был намечен маршрут моего продвижения в направлении к Монастырщине с таким расчетом, чтобы встретиться там с советскими войсками.

Сам АНТОНЕНКОВ собирался, в случае эвакуации, направиться в Монастырщину с той же целью. Ему должен был сопутствовать и доктор НИКОЛЬСКИЙ. Что касается РЫКАЛОВА, то последний связанный семьей и в частности малыми

19.-

детьми, сказал, что он поступит в зависимости от сложившейся обстановки.

На следующий день 18 сентября мною, как директором семинарии в полдень было получено распоряжение Смоленского окружного управления, учавшихся семинарии распустить, а преподавательскому персоналу явиться в окружное Управление для получения пропуска и места в эшелоне.

На следующее утро - 19 сентября 1943 года я просил Лидию Петровну ШУТИЛЛО прислать из Друцка лошадь за моими вещами. В 8 часов 30 минут утра 19 числа начальником города МЕНЬШАГИНЫМ была об"явлена полная эвакуация города Смоленска, причем, верхний район, в котором я проживал подлежал эвакуации к полудню 20 числа. Опасаясь, однако, насильственной эвакуации, я решил покинуть Смоленск немедленно же по прибытии лошади за вещами.

К 11 часам лошадь из Друцка пришла и я вместе с женой отправился в Друцк, где нам и удалось переждать занятия Смоленска советскими войсками, а также и района Друцка. Последнее произошло 25 сентября между 3 и 4 часами дня. 26-е число я провел в Друцке, а 27-го утром был задержан органами разведки и препровожден в Смоленск, куда я предполагал отправиться на следующий день - 28 числа, для того, чтобы явиться к прибывшим представителям советской власти.

Должен добавить, что 26 сентября 1943 года в Смоленск выехала ШУТИЛЛО. Она, по моей просьбе, посетила обсерваторию и по возвращении сообщила печальную новость о том, что обсерватория сгорела. По словам сто-

20.-

рожа обсерватории КУЛЯНИЦЫНА Михаила Николаевича, в день ухода из Смоленска в обсерваторию пришли немцы с переводчиком по национальности русским. Он требовал у сторожа указать мое место нахождение, так как, по словам переводчика, немцами известно о том, что я скрлся от эвакуации. Решив, что я скрываюсь в подвале, переводчик приказал открыть стрельбу в подвал.

Протокол записан с моих слов правильно и мною прочинат:

(БАЗИЛЕВСКИЙ)

Допросили: ЗАМ. НАЧ. ОТДЕЛА 2 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР
Полковник Госуд. Безопасности:

(МАТУСОВ)

ЗАМ НАЧ ОТДЕЛЕНИЯ 2 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР
Майор Госуд. Безопасности:

(КОЗЫРЕВ)

*Ведно: Ком. Кар. Отд. 2 Упр. НКГБ СССР
майор гос. без. [подпись]
/Гулянов/*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Е Ф И М О В А Иллариона Ефимовича

ЕФИМОВ И.Е., 1890 г.р., уроженец дер.Абраменки, Костянского района, Смоленской области, русский, из крестьян-середняков, гр-нин СССР, беспартийный, со слов - не судим, образование высшее, профессор физики. В период немецкой оккупации работал заведующим школьным отделом городского управления г.Смоленска.

"26" декабря 1943 года

Вопрос: С какого времени вы проживаете в Смоленске?

Ответ: В гор.Смоленске я проживаю почти 30 лет. Приехал впервые в 1914 году из дер.Абраменки Костянского района.

Вопрос: Чем вы занимались в этот период времени?

Ответ: С 1914 по 1918 г. я учился, окончил Смоленский учительский институт, до 1922 года продолжал учебу в Смоленском университете на физико-математическом факультете. С 1922 по 1931 г. работал в этом же университете сначала лаборантом, а затем ассистентом и доцентом. С 1931 года, будучи профессором физики, заведывал кафедрой Смоленского медицинского института вплоть до оккупации Смоленска немецкими войсками.

Вопрос: Где вы находились в период оккупации города Смоленска немецкими войсками?

Ответ: В период оккупации я со своей семьей - женой и сыном проживал в гор.Смоленске.

Вопрос: По каким причинам вы не эвакуировались из Смоленска?

Ответ: Я имел намерение и подготовился эвакуироваться из Смоленска. Часть наиболее ценного своего личного имущества я отправил 13 июля вместе с оборудованием института в г.Саратов,

- 2 -

но разрешение об эвакуации сотрудников института было получено лишь 15 июля, а на другой день немцы заняли Смоленск и я вынужден был остаться в городе.

Вопрос: Чем вы занимались в период оккупации Смоленска немецкими войсками?

Ответ: С 25 июля 1941 года по 1 мая 1942 года я работал начальником отдела просвещения городского управления, а с мая 1942 года по 18 августа 1943 года заведовал школьным отделом окружного управления, после чего из окружного управления уволился и по 25 сентября, т.е. до прихода частей Красной Армии работал учителем математики в Смоленской народной школе.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы устроились на работу в городское управление?

Ответ: После занятия Смоленска немцами, я до 25 июля 1941 года находился дома. 25 июля, проживающий со мной в одном доме профессор астрономии - БАЗИЛЕВСКИЙ передал мне, что его вызывали к немецкому офицеру - коменданту города и заявили, что немецким командованием создается городское управление, на руководящие должности в котором привлекается интеллигенция города и что я, так же как и он, намечен для работы в этом управлении и должен вместе с ним явиться к коменданту для переговоров. Я выразил свое нежелание работать в организуемом немцами управлении, но БАЗИЛЕВСКИЙ мне заявил о том, что комендант предупредил его, что отказ от работы будет рассматриваться как саботаж и виновные будут подвергнуты строгим репрессиям вплоть до расстрела. В силу этой угрозы я вместе с БАЗИЛЕВСКИМ явился в комендатуру, где комендант подтвердил свое распоряжение, уже переданное мне БАЗИЛЕВСКИМ, и я вынужден был дать согласие работать в городском управлении.

Вопрос: Почему распоряжение коменданта города о назначении Вас на работу было передано вам через БАЗИЛЕВСКОГО?

Ответ: В то время БАЗИЛЕВСКИЙ уже являлся заместителем начальника города.

Вопрос: Следовательно, на работу в городское управление вас и рекомендовал БАЗИЛЕВСКИЙ?

- 3 -

Ответ: На этот вопрос я ответить затрудняюсь, но полагаю, что немецкому командованию, подыскивавшему на руководящую работу в городское управление лиц из интеллигенции гор. Смоленска, **БАЗИЛЕВСКИЙ** мог назвать и мою фамилию.

Вопрос: В чем конкретно выражалась ваша работа в городском управлении?

Ответ: Я был назначен начальником отдела просвещения и должен был руководить школьным делом в гор. Смоленске, но так как до сентября 1942 года в Смоленске ни одна из школ не функционировала, то я занимался подготовкой к открытию школ на 1942-43 учебный год, для чего проводил регистрацию учителей и учащихся, подыскивал помещение для школ, учебные пособия и принадлежности.

Вопрос: Чем занималось городское управление?

Ответ: В функции городского управления входило - руководство административно-хозяйственной жизнью города в соответствии с распоряжениями и приказами немецкого командования. Кроме того, имея в своем распоряжении полицейский аппарат, городское управление содействовало немецкому командованию в проведении карательной политики.

Вопрос: Кто был назначен начальником городского управления?

Ответ: Начальником города был назначен **МЕНЬШАГИН** Борис Георгиевич. Ранее я его не знал, но уже впоследствии мне стало известно о том, что он по профессии адвокат и до оккупации проживал в Смоленске.

Вопрос: Помимо **БАЗИЛЕВСКОГО** были у **МЕНЬШАГИНА** заместители?

Ответ: Примерно около месяца заместителем **МЕНЬШАГИНА** был только **БАЗИЛЕВСКИЙ**, а затем приехал **ГАНДЗЮК**, который был назначен первым заместителем, а **БАЗИЛЕВСКИЙ** вторым.

Вопрос: Кто такой **ГАНДЗЮК**?

Ответ: **ГАНДЗЮК** по национальности украинец, из семьи белоэмигрантов, проживал где-то за границей и прибыл вслед за немецкими войсками.

Вопрос: Кто из интеллигенции г. Смоленска был еще привлечен для работы в городском управлении?

Ответ: Для работы в городском управлении на должности заведующих отделами были привлечены следующие известные мне лица: бывший доцент математики Смоленского пединститута - СОЛОВЬЕВ Иван Иванович, художник МУШКЕТОВ Виталий Ильич, ранее работавший преподавателем в пединституте, архитектор РАЙСКИЙ Илья Петрович, инженер НАУМОВ, бухгалтер РЕПУХОВ, агроном АВСИТИГИЙСКИЙ, профессор МЕЛАНДЕР Владимир Алексеевич и другие, фамилии которых я сейчас не помню.

Вопрос: Кому из руководства городского управления вы, как начальник отдела просвещения, непосредственно подчинялись?

Ответ: Я непосредственно подчинялся БАЗИЛЕВСКОМУ, в ведении которого помимо отдела просвещения находились отделы - жилищный, здравоохранения и впоследствии - отдел общественного призрения.

Вопрос: Какие взаимоотношения были между вами и БАЗИЛЕВСКИМ?

Ответ: Я знаком с БАЗИЛЕВСКИМ с 1918 года по работе в Смоленском университете, где я учился, а затем преподавал. С 1924 года до освобождения Смоленска Красной Армией, я проживал с ним в одном доме. До оккупации Смоленска немецкими войсками, взаимоотношения между нами были официально корректными, ни вражды, ни особой дружбы между нами не было. После же оккупации Смоленска мы с ним постепенно сблизились и нашли общий язык на почве общности наших антифашистских настроений, выявившихся в частных беседах по поводу установленного немцами режима и чинимых ими зверств над гражданским населением и военнопленными, в которых принимало участие и руководство городского управления.

Вопрос: Эти ваши беседы проходили в служебной обстановке?

Ответ: Нет, мы обычно разговаривали дома. При доме, где мы проживали, был небольшой садик и у меня общий с БАЗИЛЕВСКИМ огород. Там мы очень часто, почти ежедневно в свободное от работы время, встречались и делились мнениями по различным вопро-

- 5 -

сам. Вполне естественно, что основным предметом этих разговоров было создавшееся положение в стране в результате войны.

Я также часто встречался с БАЗИЛЕВСКИМ и на метеорологической станции при обсерватории, помещавшейся в нашем доме, где мы совместно с ним продолжали начатые нами еще в 1926 году систематические метеорологические наблюдения.

Вопрос: Какой именно характер носили эти ваши беседы?

Ответ: Наши беседы носили исключительно просоветский характер. Я должен заявить, что советская власть дала мне возможность получить высшее образование, стать научным работником и профессором, занимать кафедру в двух высших учебных заведениях, т.е. получить то о чем я, как сын крестьянина, ни при какой другой власти не мог и мечтать. Являясь по своим убеждениям и политическим взглядам человеком вполне советским, я в беседах с БАЗИЛЕВСКИМ высказывал свои настроения возмущался установленным немцами режимом и совершаемыми ими зверствами.

Вопрос: На какие конкретно темы вы вели эти беседы?

Ответ: Встречаясь с БАЗИЛЕВСКИМ мы обычно делились мнением о лживости военных сводок немецкого командования, в которых явно неправдоподобно указывали о победах немецких войск, даже тогда, когда они отступали, сообщали сильно приувеличенные сведения о потерях противника и умалчивали о своих потерях. Кроме того, мы беседовали о совершаемых немцами зверствах, БАЗИЛЕВСКИЙ как заместитель начальника города был более осведомлен о них и часто с возмущением мне рассказывал о том, что стало ему известно. Вокруг этих вопросов мы и вели обычно беседы.

Вопрос: Как совмещались ваши, как вы говорите, советские убеждения и работа в городском управлении, проводившем в жизнь распоряжения немецкого командования и принимавшем участие в зверствах над населением?

Ответ: Признаюсь, что это обстоятельство меня угнетало, но я не имел никакой возможности выйти из создавшегося положения, так как боялся быть подвергнутым репрессиям со стороны немцев.

- 6 -

Поскольку мог я саботировал распоряжения немецкого командования по школьным вопросам и принимал все зависящие от меня меры к ограждению от проникновения в школы фашистского влияния.

Особенно меня угнетало именно то, что городское управление принимало участие в репрессиях над мирным населением.

Вопрос: Расскажите, что вам конкретно известно о такой работе городского управления?

Ответ: Помимо того, что полиция, находившаяся в ведении городского управления повседневно занималась выискиванием среди населения лиц просоветски настроенных и передавало их на расправу в гестапо, городским управлением проводились и массовые расправы над населением. Так, например, в августе 1941 года по указу немецкого командования МЕНЬШАГИН разработал и провел в жизнь план уничтожения еврейского населения города Смоленска. По этому плану с окраины города, называющейся Садки были переселены все проживавшие там русские и этот район был заселен семьями евреев, в которых были женщины, дети, старики в количестве около полутора-двух тысяч человек. Впоследствии все эти лица при непосредственном активном участии заместителя начальника городского управления ГАНДЗЮКА были зверски убиты.

Об этой зверской расправе знали все сотрудники городского управления, а также и население гор. Смоленска. Несмотря на установленный жестокий террор немецких властей по отношению к мирному населению, об этой неслыханной расправе почти открыто говорили с явным возмущением и мне от многих лиц приходилось слышать в связи с этим антифашистские высказывания.

В колхозе Александровское, расположенном в 3-4 километрах от Смоленска проживало несколько десятков семей цыган, перешедших при советской власти на оседлый образ жизни и занимавшихся земледелием. Вскоре после прихода немцев, без всякой причины, поголовно все жители этого колхоза - мужчины и женщины, старики и дети были немцами расстреляны. Эта зверская расправа была произведена совершенно открыто и население города было крайне возмущено. В местности под названием Гелеоновка в нескольких километрах от Смоленска помещалась психиатрическая больница,

- 7 -

где содержалось около 200 чел. больных. Осенью 1941 года доктор городской больницы СОВОЛЕВ, встретив меня на улице, с большим возмущением рассказал о том, что немцы всех больных из Гедеоновской больницы, под предлогом эвакуации в Могилев, вывезли за город и расстреляли, а помещение этой больницы заняли под военный госпиталь.

Я также считаю возмутительным преступлением немцев - расстрел ими осенью 1941 года военнопленных польских офицеров и организованную впоследствии, весной 1943 года, провокацию под названием "Катинское дело".

Вопрос: Расскажите, что вам известно о расстреле немцами польских офицеров?

Ответ: Осенью 1941 года, однажды, когда я встретил БАЗИЛЕВСКОГО в садике нашего дома, он был очень расстроен, задумчив и, как я заметил, чем-то озабочен. Полагая, что у него произошли какие-то неприятности по службе, я спросил его о причинах такого подавленного настроения. Тогда он с волнением ответил мне, что в связи с полученными им сведениями, он крайне озабочен судьбой русского народа, что теперь ему совершенно ясно, что все зверства, совершаемые немцами в Смоленске, не являются результатом своеволия отдельных немецких офицеров-садистов, пользующихся военным временем и творящих самоуправство, а что вопрос стоит о планомерном массовом истреблении славянского народа и всех народов не относящихся к "арийской" расе и что этот чудовищный план разработан и проводится в жизнь по прямому указанию Гитлера и его клики. Все же зверства, которые нам пришлось увидеть с приходом немцев, сказал БАЗИЛЕВСКИЙ, это только начало планомерного истребления населения, которое намерены провести немцы со свойственной им педантичностью. Теперь мне ясно, продолжал он, что "жизненное пространство", о котором твердят немцы, необходимо им для заселения их "арийцами" и во имя этого они проводят неслыханное в истории массовое, почти поголовное, истребление других народов, оставляя лишь часть населения, необходимую им в качестве

рабов. И мы, русские люди, с горечью заявил он, должны являться невольными пособниками немцев в творимых ими злодеяниях.

На мой вопрос о причине, вызвавшей такие мысли, БАЗИЛЕВСКИЙ ответил, что хотя он и связан данным им словом, но надеется на мою скромность и на то, что я буду хранить в строгой тайне все то, что он мне передаст.

Вопрос: Что вам рассказал БАЗИЛЕВСКИЙ?

Ответ: БАЗИЛЕВСКИЙ рассказал мне, что в этот день утром он был у МЕНЬШАГИНА и узнал от него о том, что немцы расстреляли всех военнопленных польских офицеров, захваченных немецкими войсками во время отступления Красной Армии, которые использовались по ремонту шоссеиных дорог и которых не успели эвакуировать. МЕНЬШАГИНУ об этом рассказал комендант города и объяснил, что это сделано по распоряжению из Берлина "Вы понимаете, что этот чудовищный план уже проводится в жизнь и все то, чему мы были очевидцами только начало и предстоят еще более страшные события," сказал БАЗИЛЕВСКИЙ в конце нашего разговора.

Я был потрясен этим рассказом. Правда, до меня доходили отдаленные слухи о том, что немцы где-то в районе "Красного бора" и Катинского леса производят массовые расстрелы как русских военнопленных, так и поляков, но тогда я этим слухам не придавал значения. Каково же было мое удивление, когда в 1943 году в апреле месяце немцы подняли кампанию по поводу т.н. "Катинского дела", провокационно заявляя о том, что поляков якобы расстреляли большевики весной 1940 года.

Вопрос: Что вам конкретно известно об этом?

Ответ: Весной 1943 года издаваемые в Смоленске фашистские газеты стали публиковать статьи о том, что немцами в Катинском лесу в 15 км от Смоленска обнаружены могилы, в которых погребено около 12 тысяч польских офицеров, якобы расстрелянных большевиками. К месту обнаружения трупов немцы направили специальную комиссию, которая в течение трех дней производила их осмотр и пришла к заключению, что они расстреляны большевиками весной 1940 года. Немецкая пропаганда приняла все меры к

тому, чтобы вокруг этого вопроса поднять возможно больше шума через печать и радио, а также и через штатных агитаторов-пропагандистов, состоявших у них на службе. Вся эта провокационная инсценировка была названа "Катынским делом". Я, как знавший действительных виновников убийства польских офицеров, переживал особенно остро всю эту немецкую провокацию, тем более, что мы с БАЗИЛЕВСКИМ часто, когда приходилось беседовать об очередных немецких зверствах, возвращались к разговору о расстреле польских офицеров немцами, осенью 1941 года. Большинство жителей гор. Смоленска восприняли эти сообщения о событиях в Катынском лесу, как очередную антисоветскую клевету, так как все хорошо знали, что газеты, издаваемые немцами на своих страницах печатают клеветнические измышления о Советском Союзе, Советской власти и Красной Армии. Из бесед с педагогами, работавшими в отдаленных от Смоленска районах, мне стало известно о том, что население этих районов просто не обратило никакого внимания на сообщение немцев о "катынском деле".

Таким образом, шум, поднятый фашистской пропагандой вокруг катынского дела среди русского населения успеха не имел. Всем было ясно, что это очередная немецкая провокация.

Когда немцы поняли, что проводимая ими кампания успеха не возымела, они стали применять новые методы пропаганды своей провокации: на место обнаружения трупов для русского населения были организованы экскурсии, бесплатно предоставлялся авто-транспорт и лица, ездившие на экскурсию, освобождались от работы. На экскурсии должны были ездить в обязательном порядке сотрудники немецких учреждений по спискам, составленным руководителями учреждений и утвержденным немецким комендантом города.

Вопрос: Вы лично ездили на осмотр этих могил?

Ответ: Нет, на осмотр этих могил я не ездил. Во-первых, я знал о том, что это "катынское дело" является сплошной провокацией и что поляки расстреляны немцами, а во-вторых, я боялся, что немцы после посещения могил могут меня, как профессора использовать для различных антисоветских и провокационных выступлений в печати.

- 10 -

Вопрос: Как вам удалось избежать поездки в Катинский лес?

Ответ: Когда была назначена экскурсия сотрудников окружного управления на осмотр могил в Катинский лес, я прикинулся больным и это прошло незаметным.

Вопрос: С кем-либо из лиц, посетивших эти могилы, вам приходилось разговаривать?

Ответ: Я разговаривал с моим б. заместителем ХАЦКЕВИЧЕМ Саввой Васильевичем, и другими сотрудниками окружного управления, побывавшими на этой экскурсии и с их слов понял, что они рассматривают всю эту историю как немецкую провокацию, но открыто высказывать свое мнение в тот период немецкого террора, безусловно никто не смел. Однако, говорили, что трупы, одежда и различные мелкие вещи очень хорошо сохранились и по внешнему виду давность их ни в коей мере не соответствовала трехлетнему пребыванию в земле и что немецкие солдаты, находившиеся около могил не давали возможности подходить близко к трупам и долго их рассматривать.

Вопрос: По этому вопросу вам приходилось разговаривать с БАЗИЛЕВСКИМ?

Ответ: БАЗИЛЕВСКИЙ, который был, как сказано выше, посвящен в действительную сущность этой истории, от поездки на осмотр могил, так же как и я, уклонился и в разговоре со мной во время одной из встреч в нашем саду возмущался методами немецкой провокации.

Вопрос: С кем вы еще разговаривали по этому вопросу?

Ответ: Мне иногда приходилось встречаться с профессором литературы одного из Московских институтов - ГРЕЧИШНИКОВЫМ

Владимиром Константиновичем, который в период оккупации Смоленска работал преподавателем в учительской семинарии и с которым у меня установились хорошие взаимоотношения. ГРЕЧИШНИКОВ часто заходил ко мне домой и когда немцы организовывали кампанию по "катинскому делу", он заявил мне о том, что все это провокация и он рассматривает это, как один из методов немецкой антисоветской пропаганды.

Вопрос: Передавали ли вы ГРЕЧИШНИКОВУ о своем разговоре с БАЗИЛЕВСКИМ осенью 1941 года о расстреле немцами польских офицеров?

Ответ: Нет, я ему об этом не говорил, так как не хотел нарушать слово, данное мною БАЗИЛЕВСКОМУ. Надо сказать, что впоследствии факт расстрела немцами польских офицеров какими-то путями получил широкую огласку среди местного населения и не являлся особым секретом.

Вопрос: Вы ранее показали, что в августе 1943 года перешли на работу в качестве рядового учителя. В связи с чем вы это сделали?

Ответ: За время моей работы как в городском, так и окружном управлениях то обстоятельство, что эти учреждения принимали участие в проведении карательной политики по отношению к населению, меня сильно угнетало и я всячески стремился с этой работы уйти, но так как при существовавшем положении каждый гражданин до 65 лет должен был в обязательном порядке работать, я решил перейти на работу в качестве рядового учителя в одну из школ и только в августе месяце 1943 года мне это удалось сделать.

Вопрос: Почему вы раньше не перешли на работу учителем, а только в августе месяце, когда определилось отступление немцев?

Ответ: Должен сказать, что хотя я стремился раньше уйти с работы из окружного управления, но мне это не удавалось, а в августе месяце я начал особенно активно добиваться ухода с тем, чтобы избежать возможной принудительной эвакуации вместе с немцами. В уходе мне помогло также то обстоятельство, что гестапо я был взят под подозрение.

Вопрос: В чем подозревало вас гестапо?

Ответ: Гестапо заподозрило меня в том, что я расцениваю катынскую историю, как немецкую провокацию.

Когда была немцами поднята кампания по вопросу о "катынском деле" я, видимо, неосторожно поделился с кем-либо из лиц,

- 12 -

связанных с гестапо о том, что рассматриваю эту историю как немецкую провокацию и об этом на меня донесли.

Примерно в мае или июне м-це 1943 года я был вызван в политический отдел городской полиции, так называемый "второй отдел" к следователю ДЕЛЕГИНСКОМУ, который допрашивал меня по вопросу о проведении мною коммунистической пропаганды, и в частности о том, что я высказываю сомнения в правдоподобности немецкой версии о расстреле поляков большевиками.

Вопрос: Чем закончилось это дело?

Ответ: Следователь ДЕЛЕГИНСКИЙ строго предупредил меня о том, что в случае повторения я буду арестован и передан в гестапо.

Вопрос: Как вам удалось избежать эвакуации?

Ответ: 19 сентября МЕНЬШАГИН издал распоряжение о том, что все население гор. Смоленска 20 числа в обязательном порядке должно эвакуироваться по направлению гор. Орши. 20 сентября утром я погрузил часть необходимого имущества и продуктов в ручную тележку и вместе с женой и сыном направился пешком в заранее намеченную мною Кушлянщинскую школу, находящуюся в 22 километрах от гор. Смоленска, расположенную на опушке большого леса, в двух километрах от деревни Дублеевщино Раткевщинского сельсовета, где и скрывался, ожидая окончательного отступления немцев и прихода частей Красной Армии. О том, что я не буду эвакуироваться с немцами, а намерен укрываться до прихода частей Красной Армии я ранее, недели за две, сообщил заведующей школы ОРЛОВОЙ, через районного инспектора школьного отдела РАМЗЕВИЧА, который так же как и я не имел намерения эвакуироваться и вместе со мной скрывался в этой школе.

Вопрос: Чем вы еще хотите дополнить свои показания?

Ответ: Больше дополнить ничем не могу.

Протокол записан с моих слов правильно и мною прочитан.

(ЕФИМОВ)

ДОПРОСИЛ: ПОМ. НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ 2 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР

Майор Госуд. Безопасности:

(ТУМАНОВ)

*Ведно: пом. нач. Отд. 2 Управления НКГБ СССР
майор гос. без. Туманов*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля МОСКОВСКОЙ Александры Михайловны

1922 года рождения, уроженка города Смоленска, русская, из рабочих, беспартийная, гр-ка СССР, до начала Отечественной войны работала в Смоленске на льнокомбинате бригадиром, в период немецкой оккупации работала в городе Смоленске в столовой немецкой строительной команды в качестве официантки и проживала по адресу - Ново-Московская улица дом № 6.

В настоящее время работает в городе Смоленске управляющим домами и проживает по адресу: Соборный Двор, дом № 29.

Вопрос: В своем заявлении от 5 октября 1943 года вы просили Государственную Чрезвычайную Комиссию по расследованию немецких злодеяний о вызове вас для сообщения важных сведений о немецких зверствах. Что вы хотите сообщить?

Ответ: Я хочу сообщить о том, что польские офицеры, похороненные в Катинском лесу, о которых немцы писали как о жертвах НКВД, в действительности расстреляны немцами. Я понимаю, что это вам хорошо известно, но я знаю факты, из которых видно, как немцы готовили всю эту провокацию.

Вопрос: Что именно вам известно?

Ответ: Я хочу об этом рассказать подробно.

В начале апреля месяца 1943 года, однажды утром, я по обыкновению пошла за дровами в свой сарай, где застала постороннего человека в старой, очень загрязненной красноармейской шинели. При моем появлении он вскочил в сильном волнении. Я испугалась. Видя мой испуг, он стал меня успокаивать и умоляюще просить, чтобы я никому не говорила о нем, что сегодня же, как только стемнеет, он покинет сарай. Я сказала ему, что незачем меня бояться и спросила, кто он такой и каким образом попал в сарай.

- 2 -

Этот человек рассказал мне, что является военнопленным красноармейцем, что ему удалось бежать от немцев, пробраться к Смоленску и, поскольку наш дом расположен на окраине города, он зашел во двор и укрылся в сарае для того, чтобы передохнуть, так как в течение трех дней после побега ничего не ел и очень ослаб. Он сказал, что у него есть сестренка, такого же возраста, как я, старуха-мать, которые ждут его возвращения, а если я его выдам, то он будет расстрелян. Я заверила его, что ничего не скажу немцам, затем из дому принесла для него хлеб и ушла на работу.

Придя с работы я зашла к нему, принесла еще кусок хлеба и варенный картофель. Затем, когда стемнело, отнесла ему кипяток и немного табаку.

Из разговора с ним я узнала следующее:

Его фамилия ЕГОРОВ, зовут Николай, ленинградец. С конца 1941 года он все время содержался в немецком лагере для военнопленных № 126 в городе Смоленске. В начале марта 1943 года он с колонной военнопленных в несколько сот человек, был направлен из лагеря в Катинский лес. Там их, в том числе и ЕГОРОВА, заставляли раскапывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров, вытаскивать эти трупы из ям и выбирать из их карманов документы, письма, фотокарточки и все другие вещи. Со стороны немцев был строжайший приказ, чтобы в карманах трупов ничего не оставлять. Два военнопленных были расстреляны за то, что после того, как они обыскали трупы, немецкий офицер у этих трупов обнаружил какие-то бумаги.

Извлекаемые из одежды, в которую были одеты трупы, вещи, документы и письма просматривали немецкие офицеры, затем заставляли пленных часть бумаг класть обратно в карманы трупов, остальные бросали в кучу изъятых таким образом вещей и документов.

Кроме того, в карманы трупов польских офицеров немцы заставляли вкладывать какие-то бумаги, которые они доставали из привезенных с собой ящиков или чемоданов (точно не помню).

Часть военнопленных была занята тем, что откуда-то по ночам возила сотни трупов, которые складывались в могилы вместе с ранее выкопанными трупами. Для этой цели ямы расширялись.

Все военнопленные жили на территории Катынского леса в ужасных условиях, под открытым небом и усиленно охранялись. Кормили плохо.

ЕГОРОВ говорил о своих переживаниях, об ужасных ощущениях, когда возишься с трупами, дышешь их запахом. Он с ужасом думал, что не выдержит и сойдет с ума и твердо решил при первом удобном случае бежать, о чем договорился с другими военнопленными, близкими товарищами по лагерю. Их было вместе с ним 5 человек. Они тщательно присматривались к обстановке, пытались найти возможность использовать какой-нибудь промах охраны и бежать. Однако, это не удавалось.

Лишь в самую последнюю, в самую страшную ночь он бежал один. Дело было так:

В начале апреля месяца 1943 года все работы, намеченные немцами, видимо, были закончены, так как 3 дня никого из военнопленных не заставляли работать. Обессиленные, изголодавшиеся, они лежали группами на земле возле того места, которое было отведено им в Катынском лесу "для отдыха".

Вдруг ночью их всех без исключения подняли и куда-то повели. Охрана была усилена. ЕГОРОВ заподозрил что-то неладное и стал с особым вниманием следить за всем тем, что происходило. Шли они часа 3-4 в неизвестном направлении. Остановились в лесу на какой-то полянке у ямы. Он увидел, как группу военнопленных отделили от общей массы, погнали к яме, а затем стали расстреливать.

Создалась крайне напряженная обстановка, военнопленные заволновались, зашумели, задвигались. Недалеко от ЕГОРОВА несколько человек военнопленных набросились на охрану, другие охранники побежали к этому месту. ЕГОРОВ воспользовался этим моментом замешательства и бросился бежать в темноту леса, слыша за собой крики и выстрелы. Напрягая силы, ему удалось скрыться от преследования.

Два или три дня ЕГОРОВ скрывался в лесу. Видел неподалеку деревню, но не решился туда зайти, учитывая, что в окрестных селениях его будут особенно усиленно разыскивать. Потом ночью вышел из леса и пробрался в Смоленск.

После этого страшного рассказа, который врезался в мою память на всю жизнь, мне ЕГОРОВА стало очень жаль и я просила его зайти ко мне в комнату отогреться и скрываться у меня до тех пор, пока он не наберется сил. Но ЕГОРОВ не согласился, сказав, что ему нельзя задерживаться и что он не хочет подвергать меня опасности, так как немцы, обнаружив его у меня на квартире, могут меня также расстрелять. Он сказал, что во что бы то ни стало сегодня ночью уйдет и постарается пробраться через линию фронта к частям Красной Армии, или уйти к партизанам.

На прощанье ЕГОРОВ сказал, что никогда не забудет меня и после войны, если будет жив, обязательно приедет в гости.

Но в этот вечер ЕГОРОВ не ушел. На утро, когда я пошла проверить, он оказался в сарае. Как выяснилось, ночью он пытался уйти, но после того, как прошел шагов пятьдесят, почувствовал такую слабость, что вынужден был возвратиться. Видимо, сказалось длительное истощение в лагере и голод последних дней. Мы решили, что он еще день-два побудет у меня с тем, чтобы окрепнуть.

Накормив ЕГОРОВА, я ушла на работу.

Когда вечером я возвратилась домой, мои соседки — БАРАНОВА Мария Ивановна и КАБАНОВСКАЯ Екатерина Викторовна сообщили мне, что днем во время облавы, немецкими полицейскими в моем сарае был обнаружен пленный красноармеец, которого они увели с собой.

Вопрос: Кто такие БАРАНОВА и КАБАНОВСКАЯ и где они находятся в настоящее время?

Ответ: БАРАНОВА и КАБАНОВСКАЯ при немцах являлись домохозяйками. Муж БАРАНОВОЙ служил в Красной Армии.

Во время отступления немцев из гор. Смоленска, я переехала на жительство по адресу Соборный Двор, дом 29 и с тех пор я с ними не встречалась и не знаю о их местонахождении.

Вопрос: Что вам известно о дальнейшей судьбе ЕГОРОВА?

- 5 -

Ответ: Дня через два после ареста ЕГОРОВА меня вызвали в гестапо и обвинили в том, что я скрывала бежавшего военнопленного. В ответ на это я заявила, что никого не скрывала и военнопленного, о котором они говорят, даже не видела.

Немецкий офицер на меня накричал, заявив, что я напрасно отпираюсь, так как сам военнопленный показал, что я его скрывала. Я ответила, что военнопленный говорит неправду. Тогда офицер, через переводчика, спросил меня - "ведь вы знаете, что в вашем сарае скрывался военнопленный". Я ответила, что знаю от соседей, что во время облавы в моем сарае обнаружен какой-то человек, но в этом я не повинна, так как у меня сарай на замок не запирается и любой человек мог туда проникнуть. Мне не поверили и сказали, что это ложь. Я продолжала стоять на своем. Затем меня выставили в коридор, продержали там до вечера и отпустили домой. Я поняла, что ЕГОРОВ меня не выдал.

С тех пор о судьбе ЕГОРОВА я ничего не знаю.

Вопрос: Знал ли кто-либо кроме БАРАНОВОЙ и КАВАНОВСКОЙ о том, что у вас в сарае в начале апреля месяца 1943 года скрывался военнопленный, который во время облавы был немцами задержан?

Ответ: Мне об этом неизвестно. С другими соседями я на эту тему не говорила.

Вопрос: В период немецкой оккупации города Смоленска вы рассказывали кому-либо о ЕГОРОВЕ?

Ответ: Нет, во время пребывания немцев в Смоленске, о ЕГОРОВЕ и обо всем, что он мне рассказал, никому не говорила, так как боялась, что меня за это немцы арестуют и расстреляют.

Протокол записан с моих слов правильно и мною прочитан.

(МОСКОВСКАЯ)

ДОПРОСИЛ: НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ 2 УПР. НКГБ СССР
Майор Госбезопасности

(МЕРЕТУКОВ)

октября 1943 года
гор. Смоленск.

Верно: Нач. кан. Упр. 2 Упр. НКГБ СССР
майор гос. без. [подпись]
[подпись]

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля СУХАЧЕВА Павла Федоровича

СУХАЧЕВ П.Ф., 1912 года рождения, уроженец гор. Москвы, русский, сын кондитера, гр-н СССР, с высшим техническим образованием, работает в гор. Смоленске в качестве инженера по строительству в тресте "Росглавхлеб". Проживает по адресу - Рославльское шоссе дом № 1.

Предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР за дачу ложных показаний.

Вопрос: В своем заявлении от 8 октября 1943 года Вы просили о вызове Вас для сообщения известного Вам факта, который может помочь советским органам выяснить, каким образом немцы организовали Катынскую провокацию. Расскажите об этом факте.

Ответ: Прежде чем изложить суть этого факта, я хочу, в порядке последовательности, рассказать, как это все происходило.

Во время немецкой оккупации я работал на Смоленской городской мельнице в качестве механика-машиниста.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах Вы стали работать на мельнице?

Ответ: На мельнице я стал работать с 15 декабря 1942 года. До этого я находился в Смоленском лагере № 126 в качестве военнопленного. Из лагеря я был освобожден по

2.-

просьбе горуправы в числе 17 военнопленных специалистов для использования в городском хозяйстве.

Вопрос: Где Вы проживали и чем занимались до начала великой Отечественной войны?

Ответ: Проживал в гор.Москве по адресу - Некрасовская № 12, кв.7 и работал на заводе "Камега" в качестве руководителя группы нормирования. 5 июля 1941г. я ушел добровольцем в Красную Армию; 11 октября 1941г. около станции Издешково я, будучи ранен, попал в плен к немцам и был направлен в Смоленский лагерь № 126.

Вопрос: Продолжайте показания по существу поданного Вами заявления.

Ответ: Городская мельница по требованию комендатуры выполняла вне очереди заказы немецких воинских частей, расположенных в городе и его окрестностях. В этой связи на мельницу часто приезжали за мукой немецкие автомашины.

Как то раз на мельнице, во 2-й половине марта месяца 1943 года, я заговорил с немецким шофером, слабо владевшим русским языком. Выяснив у него, что он везет муку в деревню Савенки для воинской части и на другой день возвращается в Смоленск, я попросил его захватить меня с собой, дабы иметь возможность купить в деревне жировые продукты. При этом я учитывал, что проезд на немецкой машине для меня исключал риск быть задержанным на пропускном пункте. Немецкий шофер согласился за плату. В тот же день, в десятом часу вечера, мы выехали на шоссе Смоленск-Витебск. Нас в ма-

шине было двое - я и немец-шофер. Ночь была светлая, лунная, однако, устилавший дорогу туман несколько снижал видимость. Примерно на 23-25 километре от Смоленска, у разрушенного мостика на шоссе, был устроен об"езд с довольно крутым спуском. Мы стали уже спускаться с шоссе на об"езд, как нам навстречу из тумана внезапно показалась грузовая машина. То-ли от того, что тормоза у нашей машины были не в порядке, то-ли от неопытности шофера, но мы не сумели затормозить нашу машину и вследствие того, что об"езд был довольно узкий, столкнулись с шедшей на встречу машиной. Столкновение было не сильным, так как шофер встречной машины успел взять в сторону, вследствие чего произошел скользящий удар боковых сторон машин. Однако, встречная машина, попав правым колесом в канаву, свалилась одним боком на косогор, наша машина остановилась на колесах, я и шофер немедленно выскочили из кабинки и подошли к свалившейся машине. Еще не доходя до нее, меня поразил сильный трупный запах, очевидно, шедший от машины. Подойдя ближе, я увидел, что машина была заполнена грузом, покрытым сверху брезентом, затянутым веревками. От удара веревки лопнули и часть груза вывалилась на косогор. Это был страшный груз. Это были трупы людей, одетых в военную форму. Трупы были, видимо, основательно разложившимися, так как они издавали, как я уже сказал, сильный специфический запах.

Около машины находилось, насколько я помню, человек 6-7, из них один немец-шофер, два вооруженных автомат-

тами немца, а остальные были русскими военнопленными, так как говорили по-русски и одеты были соответствующим образом.

Немцы с руганью набросились на моего шофера, затем предприняли попытки поставить машину на колеса. Минуты через две к месту аварии под"ехали еще две грузовых машины и остановились. С этих машин к нам подошла группа немцев и русских военнопленных, всего человек 10. Общими усилиями все стали поднимать машину. Воспользовавшись удобным моментом, я тихо спросил одного из русских военнопленных: "что это такое?" Тот также тихо мне ответил: "Которую уж ночь возим трупы в Катынский лес."

Свалившаяся машина еще не была поднята, как ко мне и моему шоферу подошел немецкий унтер-офицер и отдал приказание нам немедленно ехать дальше. Так как на нашей машине никаких серьезных повреждений не было, то шофер, отведя ее немного в сторону, выбрался на шоссе и мы поехали дальше.

Проезжая мимо подошедших позднее двух машин, крытых брезентом, я также почувствовал страшный трупный запах.

Раздумывая об этом случае позже, после того, как немцы начали известную кампанию о Катынском деле, я решил, что очевидно, немцы расстреляли военнопленных поляков не только в Катынском лесу, а и в других местах, а затем, организовав Катынскую провокацию, стали трупы всех расстрелянных ими поляков свозить в одно место в "Козьи горы" может быть потому, что в "Козьих горах", как из-

5.-

вестно, находился дом отдыха НКВД, что в глазах немцев придавало правдоподобность их версии о том, что расстрел поляков "дело рук НКВД."

Вопрос: Во время оккупации Вы с кем-нибудь говорили об этом случае?

Ответ: Нет, не говорил. Тогда я не мог об этом делиться с другими, так как опасался репрессии со стороны немцев.

Проткол записан с моих слов правильно, мною прочитан:

(СУХАЧЕВ)

Допросил: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ 2 УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР
Майор Госуд. Безопасности

(МЕРЕТУКОВ).

20-го октября 1943 года.

*Верно: Гов. на. Отд. 2 Упр. НКВД СССР
майор гос. без. А. И. Мухомов -
/Мухомов/*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Е Г О Р О В А Владимира Афанасьевича

15 декабря 1943 года

ЕГОРОВ Владимир Афанасьевич, 1924 года рождения, уроженец дер.Потякино, Темкинского р-на, Смоленской обл., из крестьян-середняков, беспартийный.

В период оккупации Смоленской области состоял на службе в полиции в качестве полицейского.

Вопрос: Где вы проживали и чем занимались до начала войны?

Ответ: Я учился, был учеником 7 класса неполной средней школы в дер.Печурино, Изновковского района Смоленской области.

Вопрос: В этой же деревне жили и ваши родители?

Ответ: Нет, отец мой умер в 1924 году, когда я был еще грудным ребенком, а мать примерно с 1930 года проживает в Москве и все время работает портнихой при Боткинской лечебнице.

До 1937 года я жил вместе с матерью в Москве и учился, потом уехал в деревню Печурино.

Вопрос: В связи с чем?

Ответ: Я поехал к своей тетке (сестра моей матери) - ВОРОВЬЕВОЙ Варваре Ивановне, муж которой был в деревне Печурино заведующим водяной мельницы.

Сперва я думал провести в деревне каникулы, т.е. погостить и вернуться в Москву, но тетка уговорила меня остаться у них и продолжать учебу в местной школе. Я согласился и вместе с ее сыном Николаем до 1941 года учился в школе.

Вопрос: А затем возвратились в Москву?

Ответ: Нет, я остался в деревне Печурино.

Вопрос: Почему?

Ответ: Потому что начал работать на мельнице, а осенью 1941 года деревня Печурино была уже занята немцами и попасть в Москву невозможно было.

- 2 -

Вопрос: Чем вы занимались при немцах?

Ответ: Некоторое время работал мельником, а с ноября 1941 года был без работы.

Вопрос: Немцы мобилизовывали вас на какие-нибудь работы?

Ответ: Они проводили принудительную мобилизацию на работы, но мне со своими товарищами удалось некоторое время скрываться в лесу, расположенном вблизи нашей деревни. Когда же немцы начали простреливать лес из пулемета, мы вынуждены были вернуться в деревню.

В январе 1942 года, меня, в числе многих других молодых мужчин деревни, немцы под конвоем направили чистить снег на шоссе на дорогах.

Возле одного из населенных пунктов Кардымовского района, воспользовавшись тем, что охранявший нас немецкий солдат зашел в избу погреться, я сбежал.

Вопрос: Куда?

Ответ: Я пешком добрался до деревни Архиповки, расположенной на расстоянии не более полукилометра от моста на перекрестке автомагистрали Москва-Минск и шоссе на дороге Смоленск-Витебск. В этой деревне я прожил три дня у старушки-крестьянки по имени "бабка Таня", которую просил зайти в волостное управление и прописать меня. После этого я получил повестку явиться в полицейский участок.

Вопрос: Для чего?

Ответ: В то время производилась вербовка мужчин в полицию. Мне также предложили поступить полицейским.

Вопрос: Вы согласились?

Ответ: Я первоначально пытался было отказаться, ссылаясь на то, что по молодости не могу быть полицейским, но мне заявили - раз отказываешься быть полицейским, отправим на принудительные работы в Германию. Я этого очень боялся и поэтому согласился служить в полиции. С тех пор, до августа 1943 года я был полицейским и в течение года служил там же, в дер. Архиповке.

- 3 -

Вопрос: Какие обязанности вы выполняли, как полицейский?

Ответ: Меня использовали только для несения охраны казармы полицейских и моста на перекрестке шоссе на дороги Москва-Минск и Смоленск-Витебск.

Вопрос: На полицейских, как известно, возлагались и другие обязанности. Видимо, и вы занимались не только охраной моста и казармы?

Ответ: Я честно говорю, что никаких других обязанностей и отдельных заданий не имел.

Вопрос: К борьбе с партизанами вас не привлекали?

Ответ: Нет. Вблизи деревни Архиповка больших лесных участков нет, поэтому и партизаны в том районе не появлялись. Я лично, как и другие полицейские этого участка, нес только охрану моста и своей казармы.

Вопрос: Не приходилось ли вам охранять военнопленных?

Ответ: Для этого нас, полицейских, не привлекали. С военнопленными немцы сами расправлялись как хотели - по-зверски.

Вопрос: Известны ли вам конкретные факты зверского обращения немцев с военнопленными?

Ответ: Я знаю, что немцы расстреливали пленных в Катинском лесу.

Вопрос: Вы там были?

Ответ: Я лично в Катинском лесу не был.

Вопрос: Откуда вы знаете об этом?

Ответ: О расстреле немцами военнопленных в Катинском лесу говорил мне полицейский нашего участка ТОКМАКОВ Иван.

Вопрос: Когда и что именно он вам рассказывал?

Ответ: Весной 1943 года, когда немцы стали писать в своих газетах о произведенных ими раскопках могил в Катинском лесу, где похоронены расстрелянные будто бы большевиками тысячи польских офицеров, я с тремя полицейскими нашего участка разговаривал по этому вопросу.

Вопрос: Кто именно из полицейских принимал участие в этом разговоре?

Ответ: Кроме меня и ТОКМАКОВА в этом разговоре принимали участие еще двое полицейских нашего участка, но я не помню кто именно присутствовал.

Все мы высказывали уверенность, что русские так не поступают и возмущались сообщением немцев, а ТОКМАКОВ прямо сказал, что это немецкие враки, они сами расстреляли в Катынском лесу много польских офицеров, а теперь хотят свалить на русских.

Вопрос: Не было ли это только предположением ТОКМАКОВА?

Ответ: Нет, ТОКМАКОВ лично был в Катынском лесу при раскопках могил, где убедился, что расстреляли поляков сами немцы и приводил некоторые факты.

Вопрос: Какие же это факты?

Ответ: ТОКМАКОВ видел в Катынском лесу много хорошо сохранившихся трупов: обмундирование, а также обувь на ногах расстрелянных еще не сопрели, кожа на лице и руках тоже сохранилась. ТОКМАКОВ тогда заявил нам: "Если бы в самом деле поляков расстреляли русские, то от трупов за это время остались бы только одни кости."

Тогда же ТОКМАКОВ рассказал нам, что немцы хотели заставить пленных поляков воевать против Красной Армии, но они отказались и за это их расстреляли.

Вопрос: Каким образом ТОКМАКОВУ стал известен этот факт?

Ответ: Не знаю, об этом ТОКМАКОВ ничего нам не говорил. После того, как ТОКМАКОВ рассказал об этих зверствах немцев в отношении военнопленных поляков, все нам стала понятна немецкая провокация с "катынским делом". Один из присутствовавших полицейских, по словам своего родственника, проживающего в деревне вблизи Катынского леса, сообщил тогда же, что немцы со стороны Минска подвозили на машинах трупы в Катынский лес и там зарывали их.

В этой связи я вспомнил известные мне лично некоторые факты, которым ранее значения не придавал.

- 5 -

Вопрос: А именно?

Ответ: Я сам наблюдал, что немцы перевозили на автомашинах какие-то трупы со стороны Минска по направлению к Смоленску.

Вопрос: Когда это было?

Ответ: В конце марта и в первые дни апреля 1943 года. Во время несения охраны моста на перекрестке шоссе Минск-Москва и Смоленск-Витебск я несколько раз наблюдал, как между 12-ю и 4-мя часами ночи со стороны Минска по направлению к Смоленску проезжали большие грузовые машины, крытые брезентом, от которых шел сильный трупный запах.

Вопрос: Повторите, когда вы наблюдали эти факты?

Ответ: Точно числа не помню, но было это в конце марта и начале апреля 1943 года.

Вопрос: А до этого вы не замечали таких случаев?

Ответ: Нет, не замечал. До марта 1943 года я целый год нес охрану моста. Дежурить приходилось главным образом ночью. В мои обязанности входило: наблюдать за состоянием моста на перекрестке магистрали Москва-Минск и шоссе Смоленск-Витебск, а также состоянием путепровода, что находится на шоссе Смоленск-Витебск на расстоянии 250-300 метров от моста в сторону Смоленска.

Я должен был задерживать лиц из русского населения, не имеющих соответствующих документов на право хождения ночью и следить за возможным появлением подозрительных людей-партизан.

Обычно дежурства проходили спокойно, никаких особых происшествий не было. Во время ночных дежурств за весь год до марта 1943 года я видел, как по обоим шоссе в разные стороны проходило много грузовых открытых и закрытых машин, но никогда трупного запаха не чуял, а в марте и первые дни апреля 1943 года это было.

Я трижды наблюдал, как в ночное время со стороны Минска по направлению к Смоленску проходили крытые брезентом грузовые машины. В кабине каждой машины рядом с шофером сидел вооруженный немецкий солдат и наверху в кузове находилось также по 5-7 человек, причем некоторые из них были в немецкой

- 6 -

форме, с оружием. Эти машины шли обычно одновременно по 2-3, а один раз, помню, их было пять; двигались они друг за другом, с интервалом между каждой в 40-50 метров.

Как правило, эти немецкие грузовые машины шли быстрым ходом, несколько замедляя его на повороте с Минского на Витебское шоссе в сторону Смоленска, затем снова начинали газовать.

Вопрос: Изложите точнее, где именно и при каких обстоятельствах вы наблюдали продвижение этих машин?

Ответ: Однажды в самом конце марта 1943 года во время своего дежурства на мосту, приблизительно около двух часов ночи я заметил, что со стороны Минска по направлению к Минску шли три грузовых машины, однако, не доходя метров 150-200 до моста они повернули направо в сторону Смоленска. Когда прошли эти машины, я почувствовал сильный трупный запах и даже вынужден был заткнуть нос рукавом шинели.

Вопрос: Вы в то время находились на мосту?

Ответ: Нет, в тот момент, когда эти машины приближались к мосту, я находился на магистрали Москва-Минск на расстоянии 350-400 метров от моста и в 200-250 метрах от домика на правой стороне шоссе по направлению к Минску. Поэтому еще до поворота с Минской магистрали на Смоленск, машины прошли мимо меня и я ясно чувствовал трупный запах.

Вопрос: Имели ли вы право отлучаться от моста на такое расстояние?

Ответ: Мы даже обязаны были это делать. Охрана моста заключалась в том, что мы, полицейские, должны были не только стоять на мосту, но и производить проверку скрепляющих дорог примерно на километр во все стороны вокруг моста и путепровода за ним на Витебском шоссе в сторону Смоленска. Такие указания мы получали от начальника полицейского участка ГОЛОВНЕВА и немецкого коменданта деревни Архиповка. Поэтому, когда я стоял на посту и нес охрану моста, то должен был обязательно проверять шоссе на километр-два в сторону от моста к Смоленску, а также спускаться для проверки на магистраль Москва-Минск, которая проходила под мостом.

- 7 -

Вопрос: К какому времени относятся другие случаи ваших наблюдений?

Ответ: Тоже к концу марта и первым числам апреля 1943 года.

Через сутки после первого случая, я снова нес охрану моста. В этот раз, когда приблизительно в три часа ночи я проверял шоссе за мостом в сторону Смоленска и миновал путепровод, мимо меня со стороны Минска опять же на Смоленск прошли 5 крытых брезентом грузовых автомашин, от которых шел резкий трупный запах.

В первых числах апреля 1943 года, во время очередного ночного дежурства, приблизительно в час ночи, я направлялся к путепроводу в направлении Смоленска и когда подходил к тому месту, где идущие из Минска машины сварачивали непосредственно на Витебское шоссе, мимо меня на быстром ходу, под сильной охраной, прошли две крытых брезентом грузовых машины, от которых также несло трупным запахом.

Больше я таких случаев не наблюдал, так как вскоре был переведен на другой полицейский участок.

Вопрос: Могли бы ли вы указать места, где наблюдали эти случаи?

Ответ: Конечно могу.

Вопрос: Рассказывали ли вы кому-нибудь об этих фактах?

Ответ: О моих наблюдениях за этими машинами я рассказал только одному человеку - начальнику полицейского участка в дер.Архиповка - ГОЛОВНЕВУ Кузьме Демьяновичу.

Вопрос: Что вам на это сказал ГОЛОВНЕВ?

Ответ: Он мне посоветовал "держат язык за зубами" и сказал: "Это нас не касается, нечего нам путаться в немецкие дела".

Следуя совету ГОЛОВНЕВА и понимая, что за болтливость меня немцы могут расстрелять, я больше никому об этом не рассказывал.

- 8 -

Вопрос: Где находится ГОЛОВНЕВ в данное время?

Ответ: Не знаю. В последнее время ГОЛОВНЕВ был начальником полицейского участка в дер. Мозальцево. Среди полицейских были слухи, что немцы при отступлении будто бы захватили ГОЛОВНЕВА с собой.

Вопрос: Куда вас перевели из деревни Архиповка?

Ответ: В середине апреля 1943 года меня почему-то перевели на другой полицейский участок в дер. Шоломец Смоленского района. Там я также нес охрану полицейской казармы и двух мостов на магистрали Москва-Минск. Один из них расположен вблизи деревни Ольша, а второй - неподалеку от деревни Прудино. Охранять эти мосты и казармы приходилось поочередно.

В начале сентября 1943 года, когда стало ясно, что немцы удирают, а части Красной Армии приближаются, я вместе с группой других полицейских в числе 6 человек с оружием ушли в лес. В нашей группе был военнопленный лейтенант Красной Армии БЕЛОЗЕРОВ Макс, а также военнопленные красноармейцы КУЗЬМИН Алексей, ЗУЕВ Владимир, АНИСИН Федор и ЯКУШЕНКОВ Петр.

В лесу мы находились до 24 сентября и узнав, что Красная Армия заняла деревню Холм, направились туда, сдали оружие и заявили о своей службе в полиции. Всех нас и других задержанных направили для проверки в Духовщину, а затем в Смоленск.

Вопрос: Имеете ли вы чем-либо дополнить свои показания?

Ответ: Я рассказал правдиво все, что видел и знал. Дополнить свои показания ничем не имею.

Протокол лично читал, все записано с моих слов правильно.

(ЕГОРОВ)

ДОПРОСИЛ: ЗАМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ НКГБ СССР
Полковник Госбезопасности

(РОДОС)

*Взят: Нач. След. Отд. 2 Упр. НКГБ СССР
майор гос. без. Сурманов.
/Сурманов/*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованного ЯКОВЛЕВА-СОКОЛОВА Фрола Максимовича

от 21 ноября 1943 года

ЯКОВЛЕВ-СОКОЛОВ Ф.М., 1896 года рождения, уроженец деревни Сож, Смоленского района, Смоленской области, русский, гр-н СССР, из крестьян-середняков, беспартийный, с высшим образованием.

До начала войны - агент по снабжению столовой № 1 Смоленского треста столовых.

На оккупированной немцами территории являлся начальником участковой полиции.

Вопрос: Вы обвиняетесь в том, что перешли на сторону немцев, и, будучи начальником участковой полиции, проводили предательскую работу. Признаете себя виновным в этом?

Ответ: Признаю, что я действительно добровольно сдался немцам, затем по личной инициативе поступил на службу в полицию и до освобождения Смоленского района Красной Армии, являясь начальником участковой полиции, проводил предательскую работу, в чем искренне раскаиваюсь и намерен обо всем чистосердечно рассказать.

Вопрос: Покажите прежде всего - когда и при каких обстоятельствах вы перешли на сторону немцев?

Ответ: В первый день начала войны, т.е. 22 июня 1941г. я был призван по мобилизации в ряды Красной Армии и до 15 июля 1941 года находился в составе команды медико-

санитарной службы МПВО гор. Смоленска в качестве командира взвода и заместителя начальника команды.

В связи с оккупацией немцами Смоленска, я вместе с сотрудниками службы МВПО выехал в Дорогобуж, где был зачислен старшим санитаром 505-го полевого госпиталя.

Примерно 12-го или 13-го октября 1941 года в районе г. Вязьмы наша часть попала в окружение. Не оказывая немцам сопротивления и не предпринимая попыток к выходу из окружения, я добровольно сдался немцам и пробрался в деревню Сож, где проживали мои родственники.

Вопрос: Чем вы там занимались?

Ответ: До 28-го марта 1942 года я болел, а потом добровольно поступил на службу в Соженскую волостную полицию на должность начальника полиции.

Вопрос: Чем об"ясняется ваш переход на сторону немецких захватчиков и добровольная служба в созданной ими полиции?

Ответ: Откровенно говоря, под впечатлением временных неудач Красной Армии на фронте, я был пораженчески настроен и пришел к выводу, что немцы одержат победу, Красная Армия будет разбита и Советская власть прекратит свое существование.

Вследствие таких настроений, я не пытался выйти из окружения и твердо решил перейти на сторону немцев, приспособиться к "новому порядку" и путем сотрудничества с представителями германского командования сохранить себе жизнь и обеспечить безопасное существование.

Вопрос: Вы, стало-быть, сознательно изменили Родине и шли на предательство?

Ответ: Я этого не отрицаю. Будучи начальником первоначально волостного, а затем участковых аппаратов полиции, я проводил в жизнь приказы и распоряжения немецких карательных органов, поддерживая установленный немцами режим и вел борьбу с партизанами.

Должен, однако, заявить, что с марта до конца июня 1942 года, являясь начальником Сожинской волостной полиции, моя практическая работа заключалась только в организации самоохраны волости. Карательных действий я не проводил в тот период.

Вопрос: А в дальнейшем?

Ответ: С июля по ноябрь 1942 года я был начальником 4-го участка Смоленской районной полиции и имел в своем распоряжении 90 человек полицейских, большая часть которых входила в 4-ый подотдел и предназначалась для борьбы с партизанами.

Вопрос: Функции полиции общеизвестны. Вы показывайте о конкретных фактах своей предательской работы.

Ответ: Перечислю по порядку все. В начале сентября 1942 года в деревне Русиново нами был обнаружен и арестован политрук Красной Армии - СЕРГЕЕВ, которого я направил в распоряжение начальника районной полиции - КАМЕНЕЦКОГО.

В этой же деревне нами были задержаны и направлены в районную стражу СОЛОПОВ Максим Петрович, и ЛИЗУНОВ,

подозревавшиеся в связи с партизанами.

12-го октября 1942 года мною были организованы две засады против партизан в деревне Мужилово и на Моготовском заводе. В деревне Мужилово во время перестрелки моего полицейского отряда с партизанами был убит один партизан, а второго мы захватили в плен. По моему указанию его направили в распоряжение начальника Смоленской районной полиции - КАМЕНЕЦКОГО. Дальнейшая судьба этого партизана мне не известна.

В конце октября 1942 года начальник подчиненного мне полицейского отряда - ЗОЛОТАЙКО задержал партизана (фамилию его не помню), которого я допросил и отправил в районную стражу. Что было с ним дальше, я также не знаю.

В 20-х числах ноября 1942 года возглавлявшийся мной полицейский отряд принимал участие в облаве на партизан в районе деревень Яново, Волково, Букино и Хламово Красненского района.

Полицейскими моего участка в тот же период были задержаны и по моему распоряжению отправлены в районную полицию 18 русских военнопленных, бежавших из немецких лагерей и 13 неизвестных, или, как мы их называли, "подозрительных". Их дальнейшая судьба мне неизвестна.

Никаких других карательных действий я лично ни руководивший мною отряд полицейских не проводили.

Вопрос: Сомнительно, чтобы это было так. Рассказывайте правду до конца.

Ответ: Я, очевидно, не точно выразился, а имел в виду сказать, что за время службы в 4-м участке Смоленской

районной полиции мы не провели больше никаких карательных действий. По последующему же периоду я этого не отрицаю.

Вопрос: Вот и расскажите, что именно было вами проделано?

Ответ: С декабря 1942 года по август 1943 года я являлся начальником полиции 7-го участка Смоленского района, куда входили Катинская, Почаевская, Никулинская и Коробинская волости и провел следующую работу:

В июне 1943 года в деревне Таракановка мною была организована засада, причем, во время перестрелки мы убили одного партизана, труп которого зарыли в селе Катинь.

В течение июня-августа 1943 года я организовал еще три засады в деревне Башутка, но партизан мы не встретили.

5-го июня 1943 года немцами была организована большая облава на партизан, одновременно в Смоленском, Монастырщинском и Красненском районах. В этой облаве, наряду с немцами и так называемыми "власовцами", принимал участие и мой полицейский отряд.

Аналогичная облава была проведена немцами при участии моего вооруженного полицейского отряда и в августе месяце 1943 года в Голосовском лесу, в районе границ Монастырщинского, Красненского и Смоленского районов.

В первых числах августа того же 1943 года мною были задержаны и допрошены в Катини два партизана, которых я затем направил в распоряжение начальника районной полиции. О дальнейшей судьбе этих партизан я не осведомлен.

6.-

Вопрос: Не припомните ли вы фамилии этих партизан?

Ответ: Фамилия одного из них РАСТОРГУЕВ, а второго запамятовал.

Вопрос: Что было дальше?

Ответ: Будучи начальником Катинского участка полиции, я в разное время задержал человек 20-25 "подозрительных" и направил их в распоряжение начальника районной стражи.

Служил я также очень ^{не}долго, т.е. с 27 августа по 23 сентября 1943 года в 6-м участке полиции, но за это время никаких карательных действий не проводил.

Хочу заметить, что преступную работу я проводил по приказам и распоряжениям немецких карательных органов, в частности 7-го отдела немецкой окружной Смоленской комендатуры, руководившего деятельностью полицейских органов на местах, в лице начальника этого отдела полковника, фамилию которого не помню и его заместителя - лейтенанта ОНЕЦ.

Вопрос: Не для того ли, чтобы смазать свою роль в карательных действиях против советских людей, вы подчеркиваете это обстоятельство?

Ответ: Я крепко виноват перед советской властью и заслуживаю сурового наказания. Однако, я не намерен принижать роль полиции и свою лично, как начальника одного из ее участка, в действиях, направленных против интересов страны и русского народа, и не снимая с себя большой ответственности за фактически проведенную мною предательскую работу за время службы в полиции,

хочу сказать, что все содеянное мною не может идти ни в какое сравнение со зверствами, осуществленными непосредственно немцами.

Созданный советским правительством, насколько и мне известно, Чрезвычайная Комиссия по расследованию зверств немцев, имеет вполне очевидно, множество доказательств их - немцев бесчеловеческого, варварского отношения к русским военнопленным и мирному населению на территории, оккупированных германскими войсками советских районов. Независимо от этого, если такие факты могут представлять какой-либо интерес, я изложу что в этой части известно мне лично.

Вопрос: Говорите.

Ответ: Я был очевидцем немецкой расправы над советскими гражданами по той или иной причине оставшимися на оккупированной территории и русские военнопленные.

Находясь в октябре 1941 года в Дорогобужском лагере для военнопленных, я наблюдал, как русские военнопленные совершенно безосновательно подвергались со стороны надзорсостава и немецких офицеров телесным наказаниям, т.е. побоям палками и прикладами винтовок.

Военнопленные по несколько дней сидели совсем без пищи и воды, вследствие чего, смертность в лагере достигала невероятных размеров: в день умирало несколько сот человек. Немцы без всяких предупреждений расстреливали из пулемета и автоматов поенных, пытавшихся набрать грязной воды из лужи вблизи проволоочной ограды лагеря.

Когда я, в числе других военнопленных, следовал в колонне к городу Смоленску, то наблюдал как немцы расстреливали десятки пленных, отстававших от колонны или заболевших в пути следования. В ряде случаев пленных, пытавшихся присесть на несколько минут для отдыха, немцы добивали прикладами.

Особо зверский режим содержания русских военнопленных немцы ввели в лагере № 126, что был на окраине города Смоленска по Красненскому шоссе.

Осенью и зимой 1941 года в этом лагере немцы истребили свыше 20 тысяч русских военнопленных. Каждый день в лагере умирали сотни пленных от голода, холода и эпидемических заболеваний.

Об этом я знаю со слов сотрудников Смоленской районной полиции.

В 20-х числах октября 1941 года немцы доставили в гор. Смоленск до 10 тыс. русских военнопленных, многие из которых были расстреляны прямо на улицах города. Трупы убитых несколько дней не убирались, а затем, были частично сожжены, а остальные свалены и зарыты в специально вырытых глубоких ямах.

Не менее жестоко немцы относились к мирному населению советских деревень. Так, примерно в апреле 1942 г. немцами была сожжена до тла деревня Титово, Духовщинского района, состоявшая из 124 дворов и расстреляны все жители этой деревни только за то, что в этом населенном пункте был обнаружен один партизан.

Также без всяких причин немцы сожгли ряд деревень Красненского, Касплянского и Монастырщинского районов,

расстреляв одновременно многих жителей.

В деревне Береснево Духовщинского района немцы согнали больных тифом жителей в 4 изолированных больших постройки и подожгли их.

Вопрос: А об этом вы откуда знаете?

Ответ: Об этих фактах немецких зверств рассказал мне очевидец - староста деревни Селишки Духовщинского района Смоленской области - ПОЛЯКОВ Федор Иванович.

Ко всему изложенному следует добавить, что немцы повсеместно в Смоленской области поголовно истребили еврейское население, а в ряде районов, в частности - Смоленском - и всех цыган.

И, наконец, считаю необходимым рассказать об одном факте, свидетельствующем не только о беспримерных зверствах немцев, но и являющемся доказательством гнусной их провокации в отношении Советского Союза .

Вопрос: Что именно вы имеете в виду?

Ответ: Я говорю о принявшем в 1943 году широкую огласку в немецкой печати сообщении немцев о расстреле большевиками в Катынском лесу нескольких тысяч пленных польских офицеров.

По всему видно, что это грубая фальшивка немцев, так как русские не имели никакого отношения к этому делу. Расстреляли-же военнопленных поляков сами немцы, видимо, для того, чтобы прикрыть свою бесчеловечную расправу над пленными поляками и, наряду с этим, спровоцировать конфликт между Польским и Советским правительствами, а также поссорить Англию и Соединенные Штаты Америки с Советским Союзом.

10.-

Могу привести конкретные факты, свидетельствующие о том, что версия о расстреле большевиками польских офицеров в Катынском лесу - выдумана немцами, чтобы скрыть свои зверства.

Вопрос: Какие факты вам известны?

Ответ: О немецкой провокации свидетельствует то, что:

1. версию о расстреле большевиками польских офицеров в Катынском лесу немцы опубликовали лишь в апреле 1943 года, т.е. впусая 22 месяца после оккупации ими Смоленского района. Если бы такой факт действительно имел место, то немцы знали бы об этом и широко раструбили значительно раньше;

2. еще за долго до опубликования в печати сообщения о расстреле большевиками военнопленных поляков, немцы установили вокруг Катынского леса специальную охрану и близко никого не подпускали. Это я лично наблюдал, являясь начальником Катынского участка полиции и проживая с декабря 1942 года в селе Катынь, что в 4-х километрах от Катынского леса;

3. расположенные вблизи Катынского леса населенные пункты находились под особым контролем немецких властей. Конкретно я имею ввиду деревню Борок, которая расположена в 2-х километрах от Катынского леса. В этой деревне через реку Катынка проложен небольшой мост, для охраны которого немцы потребовали 6 полицейских из моего штата: СИЛИНА Николая, КАРАСЕВА Андрея и АНТОНОВА Николая; фамилии остальных трех полицейских не помню.

Несмотря на то что деревня Борок территориально входила в обслуживание возглавлявшегося мною полицейско-

го участка, мне запрещено было проверять посты полиции в деревне Борок. Руководство работой этих шести полицейских моего участка осуществляли непосредственно немцы;

4. население из окружающих Катынский лес деревень упорно высказывало неверие в сообщения немцев о расстреле военнопленных поляков большевиками.

Вопрос: Но это ведь только логические предположения?

Ответ: Я привел некоторые об"ективные доказательства провокации со стороны немцев. А сейчас изложу ряд конкретных фактов, прямо подтверждающих, что расстрел военнопленных поляков в Катынском лесу - дело рук самих немцев.

Вопрос: Рассказывайте.

Ответ: По делам службы, а также по личным вопросам мне неоднократно приходилось ездить в гор. Смоленск.

Однажды, в первых числах апреля 1943 года, я возвращался на повозке из Смоленска домой - в село Катынь. Приблизительно в 3 часа ночи, когда я на 30-40 метров от"ехал от поворота шоссе в Катынский лес, мимо меня с противоположной стороны на быстром ходу прошли с некоторым интервалом, одна за другой 4 крытых брезентом грузовых автомашин⁴¹, причем, на каждой из них сидело по несколько человек вооруженных автоматами и винтовками.

Вопрос: Что же в этом особенного? Почему вы подчеркиваете данное обстоятельство?

Ответ: Я обратил внимание на эти машины потому, что от них шел резкий трупный запах и все они повернули с

шоссе в Катынский лес. Мне и тогда показалась подозрительной эта ночная "автомобильная прогулка" в Катынский лес. А через некоторое время, когда немцы начали расписывать в печати результаты произведенных ими раскопок в Катынском лесу, мне стало ясно, что они откуда то заблаговременно свозили трупы с целью провокации.

Вскоре после этого, т.е. в начале мая 1943 года со мной по секрету о событиях в Катынском лесу разговаривал полицейский моего участка ИВАНОВ Андрей, который до начала войны был работником склада Заготзерно на ст. Гнездово, что в 2-3-х километрах от Катынского леса.

Вопрос: Какой именно разговор происходил между вами?

Ответ: Иванов два дня не являлся на службу, а когда пришел, то я потребовал от него объяснения. ИВАНОВ мне заявил, что не мог явиться на службу потому, что его вызывали на допрос в гестапо. На мой вопрос ИВАНОВУ - по какому поводу его допрашивали, он, повторяю, по секрету ответил: "Допрашивавший меня офицер требовал дать вымышленные показания, будто бы в 1940 году я наблюдал, что НКВД доставлял на ст. Гнездово военнопленных поляков, которые в вагонах загонялись в станционный тупик, а затем направлялись в Катынский лес, где их расстреливали."

Вопрос: ИВАНОВ дал такие показания?

Ответ: Мне трудно точно ответить на этот вопрос, я ведь при допросе его не присутствовал. Во всяком случае ИВАНОВ мне заявил, что он требуемых показаний не дал.

Свои показания о провокации немцев по Катынскому лесу я могу дополнить и другими фактами.

Вопрос: А именно?

Ответ: Для того, чтобы убедить население в правдоподобности своего сообщения о расстреле военнопленных поляков большевиками, немцы в определенные часы организовывали "экскурсии" в Катинский лес. Однако, посещения леса окружающими крестьянами дали неожиданный для немцев обратный результат. Русские крестьяне выражали явное неверие в сообщения немцев и высказывали уверенность в провокации со стороны германских властей.

В связи с этим создалась обстановка, вызвавшая серьезную тревогу в немецкой комендатуре и на места - полицейским аппаратом срочно были даны указания: во что бы то ни стало пресечь "вредные" разговоры и репрессировать всех лиц, высказывающих неверие в сообщения немецкой печати по Катинскому лесу.

Мне лично, как начальнику участковой полиции, такие указания дали: в конце мая 1943 года немецкий комендант села Катынь оберлейтенант БРАУНГ и в начале июня - начальник Смоленской районной полиции - КАМЕНЕЦКИЙ.

В соответствии с этими указаниями, я созывал инструктивное совещание полицейских своего участка, на котором предложил задерживать и доставлять в полицию каждого высказывающего неверие и сомневающегося в правдоподобности сообщений немцев о расстреле польских военнопленных большевиками. Эти указания и проводились в жизнь. Такую же директиву - выявлять сомневающихся дал секретной агентуре мой заместитель - он же начальник 2-го подотдела Катинского участка полиции - РЫДИН Николай Иванович.

Выполняя эти указания немецких властей, я явно кривил душой, так как сам был уверен, что Катынское дело - немецкая провокация. Полностью^я убедился в этом, когда лично побывал на "экскурсии" в Катынском лесу.

Вопрос: Когда это было?

Ответ: Назвать точно дату затрудняюсь, но хорошо помню, что это было в середине июня 1943 года. Был праздничный-воскресный день. Ко мне в село Катынь на полутаратонной машине заехал начальник 8-го полицейского участка Смоленского района - ГОЛОВНЕВ Кузьма Демьянович и предложил поехать вместе с ним в Катынский лес на осмотр трупов. Я согласился.

Мне, как и ГОЛОВНЕВУ, при осмотре трупов бросилось в глаза, что кожа на лице и руках расстрелянных хорошо сохранилась и одежда на них лишь в незначительной степени сгнила. По этим признакам можно с уверенностью сказать, что поляки были расстреляны не в 1940 году, а значительно позже, т.е. немцами, так как уже с середины 1941 года Катынский лес находился в их руках.

Наряду с этим, ГОЛОВНЕВ и я обратили внимание, что у ряда расстрелянных руки были связаны за спиной веревкой немецкого образца: светложелтого цвета, плотно скрученная, бумажная.

Вопрос: Почему вы думаете, что эта веревка немецкого типа?

Ответ: Я не думаю, а уверен в этом, так как такой же самой веревкой были связаны винтовки, которые я получал в немецкой комендатуре села Катынь для полицейских своего участка.

15.-

По выходе из леса я пригласил ГОЛОВНЕВА к себе на обед. Мы сели на его машину и приехали в село Катнень. После обеда, мы обменялись впечатлениями по поводу осмотра трупов и мнения наши не разошлись: оба мы были твердо уверены, что военнопленные поляки расстреляны немцами.

ГОЛОВНЕВ рассказал мне тогда, что во время оккупации Смоленской области немецкими войсками, последние захватили не эвакуированных советскими властями военнопленных поляков, которых затем, под усиленным конвоем немецких солдат осенью 1941 года вели по шоссе в сторону Минска.

Больше ничем дополнить свои показания не имею. Прошу верить, что о немецких зверствах я говорю не для того, чтобы хотя в какой-либо степени принизить свою лично роль в предательской работе.

Протокол записан с моих слов верно и мною прочитан:

(ЯКОВЛЕВ-СОКОЛОВ)

Допросил: ЗАМ. НАЧ. СЛЕД. ЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ
НКГБ СССР

Полковник Государственной Безопасности

(Р О Д О С).

Ведено: Грозко

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К И С Е Л Е В А Парфена Гавриловича

От 9-го октября 1943 года

КИСЕЛЕВ П.Г., 1870 г.р., урож. деревни Ершиновищи, Смоленского района Смоленской обл., русский, беспартийный, гр-н СССР, проживает на хуторе в районе "Козьих гор", Гнездовского сельсовета, Смоленского района.

Вопрос: Следствию известно, что в период оккупации Смоленской области немцами, Вы принимали участие в организованной ими катынской провокации. Вы признаете это?

Ответ: Да, признаю, я действительно принимал участие в катынской провокации, но я это делал по принуждению немцев.

Вопрос: В чем конкретно выражалось это принуждение? Расскажите об этом подробно.

Ответ: Осенью 1942 года ко мне домой пришли два полицейских и предложили явиться в гестапо на станцию Гнездово. В тот же день я пошел в гестапо, которое помещалось в двухэтажном доме рядом с железнодорожной станцией. В комнате, куда я зашел, находились немецкий офицер и переводчик. Немецкий офицер, через переводчика, стал расспрашивать меня - давно ли я проживаю в этом районе, чем занимаюсь и каково мое материальное положение.

Я рассказал ему, что проживаю на хуторе в районе "Козьих гор" с 1907 года и работаю в своем хозяйстве. О своем материальном положении я сказал, что приходится испытывать трудности, так как сам я в преклонном возрасте, а сыновья на войне. .

После непродолжительного разговора на эту тему, офицер заявил, что по имеющимся в гестапо сведениям, сотрудники НКВД в 1940 году в Катинском лесу на участке "Козьих гор" расстреляли польских офицеров и спросил меня - какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что вообще никогда не слышал, чтобы НКВД производило расстрелы в "Козьих горах", да и

- 2 -

вряд ли это возможно, об"яснил я офицеру, так как "Козьи горы" совершенно открытое многолюдное место и, если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население близлежащих деревень.

Офицер ответил мне, что я все же должен дать такие показания, так как это якобы имело место. За эти показания мне было обещано большое вознаграждение.

Я снова заявил офицеру, что ничего о расстрелах не знаю и что этого вообще не могло быть до войны в нашей местности. Несмотря на это офицер упорно настаивал, чтобы я дал ложные показания. Офицер убеждал меня, заявляя: "Германия ведет борьбу с большевизмом и мы должны показать русскому народу, какие большевики звери".

Я решительно отказался сделать это, заявив. "Ищите себе для этого дела другого человека". Тогда офицер сказал, что германское командование настаивает на том, чтобы именно я дал такие показания, так как мое долголетнее проживание в этом районе, рядом с дачей НКВД, делает мои показания убедительными.

Вопрос: Вы дали показания, требуемые от вас гестапо?

Ответ: Нет, я таких показаний не дал и категорически заявил офицеру, что не могу показывать ложь. Офицер, предложив подумать, отпустил меня домой.

Вопрос: Из ваших ответов вытекает, что вы, якобы, не дали ложесвидетельских показаний, какие от вас требовали в гестапо. Следствию известно, что вы такие показания дали и, больше того, публично выступали в роли "очевидца". Почему вы не отвечаете правдиво на вопросы следствия?

Ответ: Я говорю правду. В этот раз я действительно не дал ложных показаний, какие от меня требовали в гестапо. Такие показания я дал лишь после того, как меня арестовали и свыше месяца били и истязали в гестапо. Разрешите мне об этом рассказать подробно.

Вопрос: Рассказывайте.

Ответ: После первого разговора, о котором я уже показал,

- 3 -

я был вторично вызван в гестапо лишь в феврале 1943 года. К этому времени мне было известно о том, что в гестапо вызывались и другие жители окрестных деревень и что от них также требовали такие показания, как и от меня.

В гестапо тот же офицер и переводчик, у которых я был на первом допросе, опять требовали от меня, чтобы я дал показания о том, что являлся очевидцем расстрела польских офицеров, произведенного, якобы, НКВД в 1940 г. Я снова заявил офицеру гестапо, что это ложь, так как до войны ни о каких расстрелах ничего не слышал и что ложных показаний давать не стану. Но переводчик не стал меня слушать, взял со стола написанный от руки документ и зачитал его. В нем было сказано, что я, КИСЕЛЕВ, проживая на хуторе в районе "Козьих гор" сам видел, как в 1940 году сотрудники НКВД расстреливали польских офицеров. Прочитав этот документ, переводчик предложил мне его подписать. Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал понуждать меня к этому бранью и угрозами. Под конец он заявил: "Или вы сейчас же подпишите, или мы вас уничтожим. Выбирайте!"

Испугавшись угроз, я подписал этот документ, решив, что на этом дело кончится.

В действительности получилось не так.

Весной 1943 года немцы оповестили о том, что ими в Катынском лесу в районе "Козьих гор" обнаружены могилы польских офицеров, якобы расстрелянных органами НКВД в 1940 году.

Вскоре после этого ко мне в дом пришел переводчик гестапо и повел меня в лес в район "Козьих гор".

Когда мы вышли из дома и остались вдвоем, переводчик предупредил меня, что я должен сейчас рассказать присутствующим в лесу людям все в точности, как было изложено в подписанном мною в гестапо документе.

Придя в лес, я увидел разрытые могилы и группу неизвестных мне лиц. Переводчик сказал мне, что это "польские делегаты", прибывшие для осмотра могил.

Когда мы подошли к могилам "делегаты" на русском языке стали задавать мне различные вопросы по поводу расстрела поляков. Но так как со времени моего вызова в гестапо прошло

более месяца, я забыл все, что было в подписанном мною документе и стал путаться, а под конец сказал, что ничего о расстреле польских офицеров не знаю.

Немецкий офицер очень разозлился, а переводчик грубо оттащил меня от "делегации" и прогнал.

На следующий день, утром, к моему двору подехала машина, в которой был офицер гестапо. Разискав меня во дворе, он объявил, что я арестован, посадил в машину и увез в Смоленскую тюрьму.

Вопрос: О чем вас в этот раз допрашивали в гестапо?

Ответ: После моего ареста, я много раз вызывался на допросы, но меня больше били, чем допрашивали. Первый раз вызвали, сильно избили и обругали, заявляя, что я их подвел и потом отправили в камеру.

При следующем вызове мне сказали, что я должен публично заявлять о том, что являюсь очевидцем расстрела польских офицеров большевиками и что до тех пор, пока гестапо не убедится, что я это буду добросовестно делать, я не буду освобожден из тюрьмы. Я заявил офицеру, что лучше буду сидеть в тюрьме, чем говорить людям в глаза ложь. После этого меня сильно избили.

Таких допросов, сопровождавшихся побоями было несколько, в результате я совершенно обессилел, стал плохо слышать и не мог двигать правой рукой.

Примерно через месяц после моего ареста, немецкий офицер вызвал меня и сказал: "Вот видите, КИСЕЛЕВ, к чему привело ваше упрямство. Мы решили казнить вас. Утром повезем в Катинский лес и повесим". Я просил офицера не делать этого, стал убеждать его, что я не подхожу для роли "очевидца" расстрела, так как вообще врать не умею и поэтому снова что-нибудь напутаю. Офицер настаивал на своем. Через несколько минут в кабинет вошли солдаты и начали избивать меня резиновыми дубинками.

Не выдержав побоев и истязаний, я дал согласие выступать публично с вымышленным рассказом о расстреле поляков большевиками. После этого я был освобожден из тюрьмы с условием - по первому требованию немцев, выступать перед "делегациями" в Катинском лесу.

- 5 -

Вопрос: Вы выступали публично с лживыми рассказами о расстреле поляков советскими властями?

Ответ: Да, выступал.

Вопрос: Как это происходило?

Ответ: Ко мне много раз приходил переводчик гестапо, заявляя, что в Катинский лес прибыли люди и что мне нужно выступить перед ними. В каждом случае перед тем, как вести меня в лес к раскопкам могил, переводчик приходил ко мне домой, вызывал во двор, отводил в сторону, чтобы никто не слышал, и в течение получаса заставлял заучивать наизусть все, что мне нужно будет говорить о якобы имевшем место расстреле НКВД польских офицеров в 1940 году.

Вопрос: Уточните, что именно вам нужно было рассказывать.

Ответ: Я вспоминаю, что переводчик говорил мне примерно следующее: "Я живу на хуторе в районе "Козьих гор" недалеко от дачи НКВД. Весной 1940 года я видел, как свозили в лес поляков и по ночам их там расстреливали". И обязательно нужно было дословно заявить, что "это дело рук НКВД".

После того как я заучивал то, что мне говорил переводчик он отводил меня в лес к разрытым могилам и заставлял повторять все это в присутствии прибывших "делегаций". Мои рассказы строго контролировались и направлялись переводчиком гестапо.

Однажды я выступал перед какой-то "делегацией" и мне задали вопрос: "Видел ли я лично этих поляков до расстрела их большевиками". Я не был подготовлен к такому вопросу и ответил как было в действительности, т.е. что видел польских военнопленных до начала войны, так как они работали на дорогах. Тогда переводчик грубо оттащил меня в сторону и прогнал домой.

Прошу мне верить, что меня все время мучила совесть, так как я знал, что в действительности расстрел польских офицеров производился немцами в 1941 году, но у меня другого выхода не было, так как я постоянно находился под страхом повторного ареста и пыток.

- 6 -

Вопрос: Что именно вам известно о расстреле немцами польских офицеров в 1941 году?

Ответ: Лично я не видел, как немцы расстреливали поляков, но мне известны факты, которые дают право утверждать, что в сентябре 1941 года немцы расстреляли поляков в лесу в районе "Козьих гор".

Вопрос: Какие именно факты вы имеете в виду?

Ответ: Я имею в виду следующее: через некоторое время после прихода немцев, Катинский лес вблизи "Козьих гор" был взят под охрану. Местное население было оповещено, что каждый человек, появившийся в лесу, будет расстрелян. Я лично читал одно из таких об"явлений, вывешенное на столбике на шоссе. В этом об"явлении было написано: "Кто сойдет с шоссе в сторону леса на сто шагов, будет расстрелян без окрика."

Немного позже, в конце августа или начале сентября 1941 года, в район "Козьих гор" стали прибывать на грузовых автомашинах, под охраной, группы польских военных. Кроме того, иногда в это место гнали поляков пешком группами по 30-40 человек. Какое количество поляков было доставлено немцами в Катинский лес я не знаю. Но их было довольно много, так как машины с польскими военнопленными очень часто появлялись на шоссе в течение 10-15 дней. После прибытия машин в Козьи горы я в разное время суток слышал из леса стрельбу.

Вопрос: Откуда вам известно, что это были польские военные?

Ответ: Мне известно, что до прихода немцев, где-то вблизи Смоленска были лагеря для польских военнопленных. Эти военнопленные работали по ремонту шоссе и я так же как и многие местные жители видел их. Лица, которых немцы привозили на автомашинах в Катинский лес, были одеты в такую же форму, как и поляки, работавшие на дороге.

Вопрос: Кому известно, что вы арестовывались гестапо в 1943 году?

Ответ: Это знают: моя жена - КИСЕЛЕВА Акси́нья Антоновна, жена моего сына Василия - КИСЕЛЕВА Мария Калистратовна и прожи-

- 7 -

равший у меня в доме СЕРГЕЕВ Тимофей.

Хотя меня и предупредили в гестапо, чтобы я никому не рассказывал о том, что меня избивали на допросах, но по выходе из тюрьмы я рассказал своей жене, жене сына и СЕРГЕЕВУ о том, как меня избивали и заставляли давать ложные показания. Они также видели, как ко мне на квартиру приходил переводчик гестапо и уводил меня в лес для публичного выступления перед "делегацией".

Вопрос: Чем вы можете дополнить ваши показания?

Ответ: К тому, что я уже показал, могу лишь добавить, что перед самым отступлением немцев, я опасаясь, что меня принудительно эвакуируют, скрылся. Взяв свою семью, я на лошади уехал в лес, где и дождался прихода советских войск.

Мои опасения оправдались. Когда я возвратился в свой дом, то проживающий у меня СЕРГЕЕВ Тимофей рассказал, что приходили немцы и спрашивали где я нахожусь. Когда СЕРГЕЕВ ответил, что ему неизвестно мое местонахождение, они усиленно разыскивали меня в соседних домах.

Протокол допроса записан с моих слов верно и мною прочитан.

(КИСЕЛЕВ)

ДОПРОСИЛ: ЗАМ. НАЧ. ОТД-НИЯ 2 УПР. НКГВ СССР
Майор Госбезопасности

(КОЗЫРЕВ)

*Взнос: Ком. Нар. Вост. 2 Упр. НКГВ СССР
майор гос. без. А. И. Иванов -
/И. И. Иванов/*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля СЕРГЕЕВА Тимофея Ивановича

СЕРГЕЕВ Т.И., 1901 года рождения, уроженец Смоленского района, Шейновского сельсовета, дер. Тихвинская, русский, гр-н СССР, с высшим образованием, беспартийный, работает дорожным мастером шоссе Смоленск-Витебск, проживает на хуторе "Козьи горы".

от 28 октября 1943 года.

Об ответственности за ложные показания по ст.95 УК РСФСР предупрежден.

Вопрос: Где и в качестве кого Вы работали до начала Отечественной войны с немецкими захватчиками?

Ответ: Начиная с 1930 года я работал на шоссе Смоленск-Витебск ремонтным рабочим. В первых числах июля 1941 года меня назначили дорожным мастером и работал я в этой должности до оккупации немецкими войсками нашей местности.

Вопрос: Что Вы делали в период немецкой оккупации Смоленской области?

Ответ: Во вторую половину июля 1941 года я находился без работы. В начале августа ко мне на квартиру внезапно явился немецкий офицер с переводчиком также немцем по национальности в сопровождении жителя деревни Новые Батеки Гнездовского сельсовета ЧЕРНИС Ивана, отчества не знаю. ЧЕРНИС указал на меня и сообщил немцам, что я работал дорожным мастером.

2.-

Переводчик приказал мне на следующий день выходить на работу в 6 часов утра и принять участок, так как немецким командованием я назначаюсь дорожным мастером. Сославшись на свою малограмотность, я сказал, что дорожным мастером работать не смогу, так как не имею надлежащего опыта и стажа в работе и просил освободить меня от этой должности.

В ответ офицер, которому перевели мой отказ, закричал, а затем угрожающе сказал: "У русских работать смог, будешь работать и у нас, если откажешься, мы сумеем расправиться с тобой". На утро следующего дня он предложил мне быть на работе. Из-за боязни наказания я, против воли, подчинился требованию немецкого офицера. На другой день пошел на участок и до прихода Красной Армии работал все время дорожным мастером. Должен сказать, что вскоре после этого немцы предложили мне выбраться из моего дома в связи с тем, что он был занят немецкими солдатами. И я поселился у КИСЕЛЕВА, который проживал на хуторе в "Козьих горах".

Вопрос: Кто такой КИСЕЛЕВ?

Ответ: КИСЕЛЕВА Парфена Гавриловича я знаю с 1930г., т.е. с начала моей работы на дорожном участке. Мне известно, что еще до октябрьской революции 1917 года он поселился на хуторе в "Козьих горах" и проживая там занимался сельским хозяйством. Хозяйство у КИСЕЛЕВА было середняцкое. С его слов мне известно, что в 1928 году он был обложен твердым заданием, но вскоре оно было снято. КИСЕЛЕВ имеет 5 сыновей: Филиппа, Гавриила, Ефима, Василия и Якова. Филипп и Гавриил работали на железной

3.-

дороге стрелочниками, после прихода немцев они продолжали свою работу на станции Гнездово. Ефим и Яков работали в других городах и о их судьбе мне ничего неизвестно. Василия в 1941 году призвали в действующую Красную Армию и, как мне стало известно впоследствии со слов КИСЕЛЕВА Парфена, Василий в 1942 году попал в плен к немцам и весной 1943 года содержался в лагере для русских военнопленных в поселке Катынь.

Вопрос: Когда Вы переехали на жительство к КИСЕЛЕВУ?

Ответ: Переехал я в дом КИСЕЛЕВА в декабре 1941 года и проживаю у него в настоящее время ввиду того, что немцы при отступлении сожгли принадлежащий мне дом.

Вопрос: Чем занимался КИСЕЛЕВ Парфен при немцах?

Ответ: Во время немецкой оккупации КИСЕЛЕВ продолжал свою работу в хозяйстве. Жил он мирно, никуда особенно не ходил. Так продолжалось до глубокой осени 1942г. Осенью 1942 года на квартиру КИСЕЛЕВА пришли два полицейских и предложили ему явиться в Гнездово, где находилось отделение гестапо. Он пошел туда и возвратился через несколько часов. После возвращения из гестапо, КИСЕЛЕВ был очень взволнован, все время ходил по хате и с домашними не разговаривал.

Вопрос: Рассказывал ли вам что-либо КИСЕЛЕВ о своем вызове в гестапо?

Ответ: Сразу по возвращении КИСЕЛЕВА с допроса я спросил его о причинах вызова в гестапо. Однако, он мне ничего не ответил. Вечером во время ужина, когда мы находились вдвоем, я, видя волнение КИСЕЛЕВА, снова попытал-

4.-

ся узнать у него о причинах вызова. КИСЕЛЕВ взяв с меня слова никому не рассказывать, сообщил мне, что немецкий офицер гестапо требовал от него вымышленных показаний о том, что он - КИСЕЛЕВ как будто был свидетелем расстрела в 1940 году большевиками польских офицеров. КИСЕЛЕВ, по его словам, был возмущен этим требованием немцев и их наглостью и отказался давать вымышленные показания. Рассказывая это, КИСЕЛЕВ начал вспоминать, что в сентябре 1941 года, вскоре после прихода немцев, в Катынский лес в район "Козьих гор" под конвоем немцами доставлялись на автомашинах и направлялись по шоссе пешком группы польских офицеров и что в это время слышалась стрельба в разные часы суток. Беседуя с ним, таким образом, я также вспомнил, как в примерно указываемое КИСИЛЕВЫМ время, немцы гнали в Катынский лес партии военнопленных поляков. Лес в это время усиленно охранялся немцами. Продолжая рассказывать, КИСЕЛЕВ высказал убеждение, что в этот период немцами производился расстрел поляков, а теперь они ищут людей, посредством которых могли бы свалить вину "с больной головы на здоровую". По словам КИСЕЛЕВА, офицер гестапо, требуя у него вымышленных показаний, обещал за это крупную сумму денег. КИСЕЛЕВ поделился со мной, что он теперь живет под страхом, так как ему было сказано, что его еще вызовут в гестапо.

Вопрос: Вызывался ли после этого КИСЕЛЕВ в гестапо?

Ответ: В феврале 1943 года КИСЕЛЕВ был вызван вторично в гестапо. На этот раз он прибыл там целый день.

5.-

По приезде домой КИСЕЛЕВ рассказал мне, что немцы опять требовали от него ложных показаний, а затем угрожали избить, заставили подписать документ, в котором, как он мне рассказывал, было написано, что он является очевидцем расстрела поляков в 1940 году. Примерно через полтора месяца после этого, за КИСЕЛЕВЫМ пришел переводчик и сказал, чтобы он шел к офицеру, который находится в лесу у вскрытых могил польских офицеров. Я ушел на работу и увиделся с КИСЕЛЕВЫМ только вечером. Увидев меня во дворе около дома он сказал; "ожидаю неприятностей", переводчик мне сказал, что я должен подтвердить прибывшим в Катынский лес полякам все, как было изложено в подписанном мною в гестапо документе, а я забыл, что там было написано, запутался и сказал, что ничего не знаю. Офицер разозлился и прогнал меня домой. Думаю, продолжал КИСЕЛЕВ, что они от меня теперь не отстанут!

Вопрос: Оправдались опасения КИСЕЛЕВА?

Ответ: На другой день к дому КИСЕЛЕВА подошла легковая машина, из нее вышел немецкий офицер и женщина-переводчица, лет 30, русская, фамилию ее не знаю и спросили где КИСЕЛЕВ? Его в это время не было дома. Минут через 20 КИСЕЛЕВ возвратился и ему было об"явлено, что он арестован. КИСЕЛЕВА посадили в машину и увезли.

Вопрос: Сколько времени находился под арестом КИСЕЛЕВ?

Ответ: КИСЕЛЕВ находился в тюрьме что то около месяца, может быть и больше, после чего вернулся домой.

Вопрос: Он Вам рассказывал что-либо о своем пребывании в гестапо?

6.-

Ответ: Да, рассказывал, но немного позднее. По возвращении же в первое время он вообще ни с кем не говорил. Увезли его вполне здоровым человеком, привезли же совершенно больным. Он потерял слух и не владел правой рукой и я начал выполнять за него всякую хозяйственную работу. Первую неделю пребывания дома КИСЕЛЕВ вообще не вставал с кровати и все время жаловался, что у него болит все тело и особенно голова. В семье всем было ясно, что КИСЕЛЕВ крепко избит в гестапо, но он сам ничего не говорил и даже старался скрыть это. Через некоторое время я мылся в бане вместе с КИСЕЛЕВЫМ и увидел на его теле следы побоев. На мой вопрос - откуда у него такие синяки, он рассказал как его били в гестапо.

Вопрос: Что Вам именно рассказал КИСЕЛЕВ?

Ответ: Он мне рассказал, что во время нахождения в тюрьме, его из камеры приводили в кабинет к следователю, клали на скамью и избивали. Били часто и всегда до потери сознания, после чего бросали в камеру и обливали холодной водой. Как мне рассказывал КИСЕЛЕВ, били его за то, что он отказывался дать согласие выступать в роли "очевидца" расстрела польских офицеров советскими властями в 1940 году.

На следующий день КИСЕЛЕВ мне признался, что он не выдержал этих пыток и постоянных угроз расстрела и дал согласие выступать открыто с лживым рассказом о "большевистских зверствах".

Вопрос: Заставляли ли немцы КИСЕЛЕВА подтверждать свои вымышленные показания публично?

Ответ: Да, мне известно, что за КИСЕЛЕВЫМ часто приходил переводчик и они вместе направлялись в лес, когда туда приезжали заграничные делегации или из оккупированных немцами городов, а также жителей гор. Смоленска. Там он выступал и рассказывал, что якобы НКВД расстреляло польских офицеров в 1940 году. Причем, я лично наблюдал, как подготавливались эти "выступления" КИСЕЛЕВА. Переводчик обычно перед тем, как отправиться в "Козьи горы" отводил во двор КИСЕЛЕВА под навес и заставлял повторять за собой все, что он говорит. Так он заучивал сказанные ему переводчиком фразы минут 30-40., а затем вместе отправлялись в лес. Вспоминаю такой случай известный мне со слов ЧЕНЧИКОВА Михаила, отчества не знаю, жителя деревни Гнездова, призванного с приходом советских войск в Красную Армию. ЧЕНЧИКОВ мне рассказывал что однажды КИСЕЛЕВ выступая перед микрофоном забыл что именно ему нужно было говорить по приказанию переводчика и начал говорить невпопад. Стоящий рядом переводчик быстро выключил микрофон, а КИСЕЛЕВА, буквально, оттащили от места выступления. КИСЕЛЕВ очень тяготился ролью, навязанной ему немцами и говорил, что у него безвыходное положение, его заставляют так поступать и он ничего изменить не может.

Вопрос: Вы лично слышали выступления КИСЕЛЕВА?

Ответ: Нет, мне не приходилось слышать его выступления, так как могилы я никогда не посещал, всячески избегая встречи с немцами.

8.-

Вопрос: Чем вы можете дополнить свои показания?

Ответ: Больше дополнить ничем не могу.

Протокол допроса записан с моих слов правильно,
мною прочитан в чем и расписываюсь:

(СЕРГЕЕВ)

Допросил: ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛЕНИЯ 2 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ
Майор Госуд. Безопасности

(КОЗЫРЕВ).

*Ведно: Ком. Нар. Внш. 2 Ку. НКГБ СССР
майор гос. без. Суляев
/Суляев/*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля ИВАНОВА Сергея Васильевича

ИВАНОВ С.В., 1882г. рождения, уроженец гор. Смоленска, русский, гр-н СССР, беспартийный, из крестьян-середняков, не судим, инженер-практик службы движения Западной жел. дороги.
Проживает - станция Гнездово, пос. Софиевка, Смоленского района.

От 15 ноября 1943 года.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст.95 УК РСФСР предупрежден. Значение этой статьи мне разъяснено.

Вопрос: Сколько времени и в качестве кого Вы работаете на железнодорожном транспорте?

Ответ: На железнодорожном транспорте я работаю 44 года, из них большую часть лет я прослужил на Западной железной дороге. Свою службу на транспорте я начал телеграфистом при станции Смоленск, теперь же работаю инженером.

Вопрос: А чем Вы занимались в период оккупации немцами гор. Смоленска?

Ответ: Заняв Смоленск, немцы на все командные должности посадили своих представителей, а русских с ответственных постов отстранили. Поэтому, несмотря на мою долгую практику и знание дела, немцы предоставили мне работу только в качестве переездного сторожа на станции Гнездово.

Вопрос: Арестовывались ли Вы немцами?

Ответ: Да, меня, вместе со мной и соседей по дому: РОМА-

НОВА Георгия Ефимовича с женой и беженок сестер СМИРНОВЫХ немцы арестовали в конце ноября 1942 года. Продержав нас трое суток в тюрьме и жестоко избив, немцы нас освободили.

Вопрос: За что Вы были арестованы немцами?

Ответ: Как я, так и мои соседи арестовывались гестапо по ложному доносу. Нас обвиняли в нелегальном хранении радиоприемника и слушании советских радиопередач. На самом деле радиоприемника мы не имели и, как я уже показал, несмотря на то, что мы не совершили никакой вины, поиздевавшись над нами, немцы лишь на четвертые сутки освободили нас. Кроме того, я и ряд других железнодорожников, работавших на станции Гнездово вызывались немецкими властями в связи с организованной ими провокацией в Катынском лесу.

Вопрос: Расскажите об этом подробнее.

Ответ: Дело в том, что немцы путем угроз и подкупа, пытались втянуть рабочих станции Гнездово в организованное ими грязное дело. Они всячески искали ложных свидетелей, которые показали бы, что расстрел 12 тысяч польских военнопленных произведен не ими - немцами, а большевиками. В этих целях они и использовали факт прибытия в 1940 году в Смоленскую область военнопленных поляков.

Вопрос: Почему именно рабочих и служащих станции Гнездово немцы принуждали к даче ложных показаний? по вопросу расстрела военнопленных поляков?

Ответ: Это нетрудно объяснить. В начале 1940 года военнопленные поляки прибывали на станцию Гнездово, откуда направлялись в лагеря, а затем использовались на работах по ремонту и строительству шоссе и дорог.

3.-

Прибывшие на станцию Гнездово польские военнопленные строили и ремонтировали дорогу на шоссе Смоленск-Минск до самого момента вступления немцев в наш район. Я лично в 1940 и 1941 г.г. неоднократно видал военнопленных поляков на этой магистрали за указанной работой. После того, как началась война, польские военнопленные не успели эвакуироваться в советский тыл, потому, что Управление Западной дороги не имело в то время возможности удовлетворить требование администрации лагеря польских военнопленных о предоставлении необходимого количества вагонов. Поэтому военнопленные поляки были захвачены вступившими в наш район немцами. Вскоре немцы начали сгонять и перевозить военнопленных поляков в лес "Козьи горы", который расположен по близости от станции Гнездово. Поскольку в 1943 году немцы именно в этом лесу "обнаружили" трупы расстрелянных польских офицеров, то лично у меня нет сомнения в том, что военнопленные поляки расстреляны самими немцами. Расстреляв поляков, немцы решили свалить вину на русских и чтобы придать достоверность выдуманной ими версии, гестапо принудило рабочих станции Гнездово давать ложные показания о том, что проследовавшие весной 1940 года через станцию Гнездово военнопленные поляки вскоре были расстреляны органами НКВД.

Вопрос: Вас лично принуждали немцы к такого рода показаниям?

Ответ: Да. За этим меня и вызывали в гестапо, помещавшееся в станционном доме при станции Гнездово. Это было в марте 1943 года. Меня допрашивал немецкий офицер в присутствии переводчика. Распросив меня через перевод-

чика о том кто я такой и какую должность занимал на станции Гнездово до оккупации района немцами, офицер спросил меня, известно-ли мне о том, что весной 1940 года на станцию Гнездово в нескольких поездах, большими партиями, прибыли военнопленные польские офицеры.

Я сказал, что об этом я знаю.

Тогда офицер спросил меня, известно ли мне, что большевики той же весной 1940 года, вскоре после прибытия польских офицеров всех их расстреляли в Катынском лесу.

Я ответил, что об этом мне ничего неизвестно и что этого не может быть, потому что прибывших весной 1940 года на станцию Гнездово военнопленных польских офицеров я встречал на протяжении 1940-1941 г.г., вплоть до занятия немцами Смоленска, на дорожно-строительных работах.

Офицер тогда заявил мне, что если германский офицер утверждает, что поляки были расстреляны большевиками, то значит так было на самом деле. "Поэтому, продолжал офицер, Вам ничего бояться и Вы можете со спокойной совестью подписать протокол, что военнопленные польские офицеры были расстреляны большевиками и что Вы являлись очевидцем этого".

Я ответил ему, что я старик, мне уже 61 год и на старости лет я не хочу брать греха на душу. Я могу только показать, что военнопленные поляки действительно прибыли на станцию Гнездово весной 1940 года.

Тогда германский офицер стал уговаривать меня дать требуемые показания, обещая в положительном случае, перевести меня с должности сторожа на переезде и назначить на должность начальника станции Гнездово, которую я занимал при советской власти и обеспечить меня материально.

Переводчик подчеркнул, что мои показания, как бывшего железнодорожного служащего станции Гнездово, расположенной ближе всего к Катынскому лесу, чрезвычайно важны для германского командования и что я жалеть не буду, если дам такие показания.

Я понял, что попал в чрезвычайно тяжелое положение и что меня ожидает печальная участь, но тем не менее я вновь отказался дать германскому офицеру вымышленные показания.

После этого офицер стал на меня кричать, угрожать избиением и расстрелом, заявляя, что я не понимаю собственной выгоды. Однако, я твердо стоял на своем.

Тогда переводчик составил короткий протокол на немецком языке на одной странице и рассказал своими словами его содержание.

В этом протоколе был записан, как мне рассказал переводчик, только факт прибытия польских военнопленных на станцию Гнездово. Когда я стал просить, чтобы мои показания были записаны не только на немецком, но и на русском языке, то офицер окончательно вышел из себя, избил меня резиновой палкой и выгнал из помещения.

Вернувшись на работу я встретил САВАТЕЕВА своего бывшего помощника, которого передо мной также вызывали в гестапо и сказал ему: "Мертвых откапывают, а живых закапывают".

Вопрос: Рассказал ли Вам САВАТЕЕВ, какими вопросами интересовались немцы при вызове его в гестапо?

Ответ: От него требовали тоже, что и от меня. Немцы хотели, чтобы он подтвердил их вымысел о том, что военнопленные польские офицеры расстреляны весной 1940 года в "Козьих горах" русскими.

Вопрос: Какие показания дал САВАТЕЕВ в гестапо?

Ответ: Я точно не знаю. Мне только известно, что он пришел с допроса в гестапо крайне возмущенным против немцев.

Вопрос: Каким образом Вам стало известно о расстреле военнопленных польских офицеров в лесу "Козьи горы" немцами?

Ответ: Прибывшие в наш район в 1940 году военнопленные поляки, как я уже показал, использовались на работах по строительству дорог. Не только я, но и другие железнодорожные рабочие со станции Гнездово и других прилегающих станций могут подтвердить, что эти военнопленные работали до сдачи нашими войсками города Смоленска. Когда же в Смоленский район вступили немцы, поляки частью попали в плен, а другие стали скрываться в лесах, намереваясь, видимо, пробраться к себе на родину. Пойманных в лесу и захваченных в плен поляков, немцы в августе и сентябре месяцах 1941 года начали сгонять и перевозить в лес "Козьи горы", откуда в этом же время доносилась стрельба. Так, как обратно из "Козьих гор" польские военнопленные не возвращались, то не оставалось сомнений, что именно их и расстреливали там немцы. В этом я уверен также потому, что вскоре после занятия Смоленска, немцы вокруг "Козьих гор" установили усиленный караул, который был ослаблен только после "открытия" немцами в этом лесу могил польских офицеров. Не только в этот лес, но даже и близко к нему нельзя было подойти, так как стоявшие часовые держали всегда

наготове автоматы и мы хорошо знали, что пустить их в ход им ничего не стоит. Когда весной 1943 года немцы об"явили о том, что в "Козьих горах" они разыскали могилы польских офицеров, насчитали в них двенадцать тысяч трупов и стали приписывать вину в расстреле польских военнопленных органам советской власти, для меня стало ясно, что это провокация, а что бы она выглядела достовернее, гестапо хотело в лице окружающих "Козьи горы" жителей найти "офевидцев", могущих подтвердить "зверства большевиков". Поэтому немецкие офицеры из гестапо так настойчиво и от меня добивались именно таких показаний, пытаюсь принудить меня угрозой и подкупом стать соучастником из злодеяний.

Вопрос: Были ли Вы на раскопанных могилах в лесу "Козьи горы"?

Ответ: Нет, я туда не ходил, так как мне была очевидна вся эта история. К тому же, после ареста и вызова в гестапо и тех избиений, которые я там претерпел, я старался обходить немцев и не попадаться им на глаза. Я просто боялся их.

Вопрос: Что Вы можете добавить к своим показаниям?

Ответ: Я хочу обратить внимание следственных органов на то, что среди железнодорожников ходят упорные слухи, что немцы расстреляли поляков не только в лесу "Козьи горы", но и где то - на территории, прилегающей к Красному бору, что находится западнее города Смоленска.

Ответы записаны с моих слов верно, мною прочитаны, соответствуют действительности в чем и расписываюсь: (С. ИВАНОВ)

Допросил: НАЧ ОТДЕЛЕНИЯ 2 УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР

Подполковник госбезопасности

Всего: Ком. Кар. Отв. 2 Упр. НКВД СССР майор (КОЗЛОВ)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля САВВАТЕЕВА Ивана Васильевича

От 16 октября 1943 года

САВВАТЕЕВ И.В., 1880 г.р., урож. Куйбышевской обл., Сызранского р-на, с. Ивашевка, происходит из крестьян-бедняков, гр-н СССР, беспартийный, образование 3 класса сельской школы, работает дежурным по ст. Гнездово Западной ж.д., рабочий стаж 47 лет.

3 сына - офицеры Красной Армии, на фронте.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР, сущность которой мне разъяснена, предупрежден.

Вопрос: В качестве кого вы работали при немцах?

Ответ: До войны я работал дежурным по ст. Гнездово Западной ж.д. С оккупацией немцами Смоленского района я до декабря 1941 г. не работал вовсе. В связи с перспективой лишиться пайка как безработному я был вынужден поступить на железную дорогу переездным сторожем ст. Гнездово, так как более ответственных должностей немцы русским не давали.

Вопрос: По роду своей службы вам приходилось сталкиваться с представителями немецкого командования?

Ответ: В начале 1943 года меня вызывали в гестапо при ст. Гнездово.

Вопрос: Зачем вас вызывали в гестапо?

Ответ: Вызывавший меня начальник гестапо, фамилия его мне неизвестна, требовал дать показания о том, что мне якобы известно будто НКВД в 1940 году расстреляло в нашем районе польских офицеров.

Вопрос: Расскажите более подробно о вашем допросе в гестапо.

Ответ: Примерно в начале апреля или в конце марта 1943 года

- 2 -

меня официально вызвали к начальнику гестапо, помещавшемуся в двухэтажном деревянном доме на территории ст.Гнездово, куда я явился к 8 часам утра. Через минут 30 меня вызвали в кабинет к начальнику гестапо, здесь же присутствовал переводчик. Допрос начался с грубых окриков и настойчивого требования дать вымышленные показания о том, что мне будто известно о расстреле большевиками в 1940 году польских офицеров в районе Катинского леса.

Вопрос: Зачем немцам понадобилось втягивать нас в эту провокацию?

Ответ: Совершенно очевидно, что немцам понадобились вымышленные показания в связи с известной фашистской провокацией в Катинском лесу. Ко мне они обратились, надо полагать, потому что в то время, когда по их вымыслу НКВД расстреляло польских офицеров, т.е. весной 1940 года, я работал дежурным по ст.Гнездово и по роду службы знал о наличии в нашем районе лагеря польских военнопленных. Дело в том, что польские военнопленные пребывали в лагерь по железной дороге через ст.Гнездово и я был очевидцем этого.

Вопрос: Что вам известно о лагере польских военнопленных?

Ответ: Как я уже показал выше, в начале 1940 года на нашу ст.Гнездово начали прибывать польские военнопленные. Со слов сопровождавшей их охраны, мы знали, что польские военнопленные следуют в лагерь НКВД.

Вопрос: Известно ли вам, какое назначение имел лагерь польских военнопленных?

Ответ: Мне известно, что польские военнопленные, следовавшие в 1940 году через ст.Гнездово, использовались на дорожных работах в нашем районе. Я лично несколько раз в 1940 и 1941 г.г. видел как польские военнопленные работали на шоссе, но в гестапо об этом и слушать не хотели.

Вопрос: Какие же, в таком случае, давали вы показания в гестапо?

- 3 -

Ответ: В гестапо я показал, что действительно весной 1940 года на ст.Гнездово в нескольких поездах прибывали военнопленные поляки и что они на машинах проследовали дальше, а куда - мне неизвестно. Я также добавил, что этих поляков я позднее встречал неоднократно на шоссе Москва-Минск, производивших небольшими партиями ремонтные работы.

Офицер заявил мне, что я путаю, что я не мог встречать поляков на шоссе, так как они расстреляны большевиками и требовал, чтобы я именно об этом и показал. Я отказался.

После длительных угроз и уговаривания офицер посоветовался о чем-то с переводчиком на немецком языке и переводчик тогда написал короткий протокол и дал мне его на подпись, объяснив, что здесь изложено содержание моих показаний. Я попросил переводчика дать мне возможность самому прочесть протокол, но тот оборвал меня бранью и приказал немедленно же подписать его и убираться вон. Я помедлил минуту, переводчик схватил висевшую на стене резиновую дубинку и замахнулся на меня. После этого я подписал подсунутый мне протокол. Переводчик сказал, чтобы я убирался домой и никому не болтал, иначе меня расстреляют.

Примерно через месяц меня вызвали в гестапо. Там уже к моменту моего прихода собралась группа человек в 12. Среди них мне известны: ИВАНОВ Сергей Васильевич, бывш.начальник ст.Гнездово, при немцах был переездным сторожем, ныне работает инженером 3 отделения службы движения Западной жел.дороги, ХИВОВ Агей Владимирович, бывший стрелочник ст.Гнездово, в настоящее время арестован, другие лица были мне неизвестны. В гестапо мы пробыли минут 40, затем всю нашу группу в сопровождении двух немцев, среди которых был все тот же офицер-переводчик, пешком повели по направлению к Красному Бору. Прошли мы от станции Гнездово более 3 километров и пришли к даче, расположенной в Красном Бору. Нас привели в одну из комнат, где находились немецкий генерал и другой офицер в немецкой форме.

Вопрос: Что происходило на даче генерала в Красном Бору?

- 4 -

Ответ: Всех нас, прибывших из Гнездово, построили в шеренгу, затем генерал что-то сказал на немецком языке и переводчик объявил нам, что все здесь присутствующие свидетели должны дать присягу в том, что данные нами показания в гестапо правильные. В знак присяги нам приказали поднять правую руку, что и было сделано, затем мы разошлись по домам. Вся эта процедура продолжалась минут 25. Домой мы возвращались с подавленным настроением, я понимал, что немцы всеми этими допросами фабрикут какое-то грязное дело. По этому поводу у нас с ИВАНОВЫМ был разговор.

Вопрос: О чем же вы говорили с ИВАНОВЫМ?

Ответ: Кажется в мае 1943 года, идя на переезд, мы остановились с ИВАНОВЫМ покурить. Зашла речь о вызовах в гестапо. ИВАНОВ мне сказал, что от него в гестапо требовали дать вымышленные показания о якобы известных ему расстрелах НКВД польских офицеров. Когда ИВАНОВ отказывался дать такие ложные показания, офицер, удерживая дубинкой, кричал, что САВАТЕЕВ уже дал такие показания и он (ИВАНОВ) должен говорить так же. Как говорит ИВАНОВ, он дал показания только о том, что знал о прибытии в 1940 году на ст. Гнездово польских военнопленных. ИВАНОВ также сказал, что его заставили подписать протокол на немецком языке. Я в свою очередь сообщил ИВАНОВУ о том, какие я в самом деле дал показания в гестапо и при каких обстоятельствах я подписывал протокол. ИВАНОВ тогда со злостью произнес фразу, смысл которой сводился к тому, что немцы сами расстреливают, а потом сваливают вину на русских и еще устраивают комедию с присягой у генерала.

Вопрос: Откуда вам известно, что на даче в Красном Бору вы "присягали" в присутствии немецкого генерала?

Ответ: Во-первых, объявляя о присяге, переводчик нас предупредил, что мы будем присягать в присутствии генерала, во-вторых, немец лет 50, сидевший за столом в центре, был одет в мундир, отличный от формы других офицеров и последние относи-

лись к этому немцу очень подобострастно.

Вопрос: Продолжайте ваши показания.

Ответ: Я хочу еще добавить, что через некоторое время после моего вызова к генералу, стрелочник ХИБОВ рассказал мне, что под влиянием угроз в гестапо он дал вымышленные показания о том, что знал о расстрелах большевиками польских военнопленных. Разговор происходил близ моей квартиры на ст.Гнездово, на улице, ХИБОВ имел очень растерянный вид и просил никому не рассказывать о его признании. Я ответил ХИБОВУ, что рассказывать никому об этом не стану и повторил свои догадки о немецкой провокации, однажды уже высказанные в разговоре с ИВАНОВЫМ. Я даже напомнил ХИБОВУ, что поляков, прибывавших на ст.Гнездово в 1940 г., мы до самой войны встречали на дорожных работах.

Вопрос: Расскажите об этом.

Ответ: Повторяю, что польских военнопленных, о которых идет речь, я до самой войны 1941 г. встречал на дорожных работах на нашем шоссе. Это могут подтвердить и другие железнодорожники ст.Гнездово, а также жители окрестных деревень, прилегающих к шоссе.

Стало быть, фальшивка немцев была очевидной. После прихода немцев в Смоленский район я встречал группы польских военнопленных в августе-сентябре 1941 г. под конвоем солдат, направлявшихся к лесу "Козьи горы". Весь участок леса "Козьи горы" был оцеплен усиленной охраной и немцы никого из населения близко к "Козьим горам" не подпускали. Весной 1943 года все местные газеты начали трубить о том, что именно на этом участке леса, именуемом "Козьи горы", НКВД в 1940 году произведены массовые расстрелы польских офицеров. На все лады расписывались "зверства" большевиков и называлась цифра в 12 тысяч расстрелянных поляков. Поистине, это звучит смехотворно: до войны мы, жители этого района, никогда не слышали в лесу ни одного выстрела, а немцы объявили, что расстреляно 12 тыс. человек. Это обстоятельство меня еще больше укрепило в уверенности, что немцы сами расстреляли польских военнопленных, использовавшихся до войны

- 6 -

на дорожных работах в нашем районе, а теперь с провокационной целью приписывают это советским органам. А то, что я увидел сам, не оставило у меня и следа сомнений.

Вопрос: Что же Вы увидели.

Ответ: В мае или июне 1943 года я посетил могилы в "Козьих горах". Сразу же в глаза бросилось, что выставленные немцами на показ трупы имели вид довольно сохранившихся и никак не были похожи на пролежавшие в земле столь продолжительное время. Трупы были уложены ничком, у отдельных кисти рук были связаны веревкой. Характерно, что и веревки не походили на долго пролежавшие в земле, а на одном трупе, я утверждаю, что была веревка явно немецкого происхождения, такими веревками немцы завязывают заплечные мешки. Ко всему мною показанному необходимо добавить, что среди жителей нашей местности ходили слухи, что расстрел польских военнопленных - дело рук немцев.

Вопрос: Что Вы можете добавить по существу заданных Вам вопросов.

Ответ: Добавить более ничего не имею.

Протокол с моих слов записан правильно, мною лично прочитан в чем и собственноручно расписываюсь.

/САВВАТЕЕВ/

Допросил:

ЗАМ. НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ 2 УПР. НКВД СССР
МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

/ГРЕБЕЛЬСКИЙ/

Ведомо: зам. нач. Отд. 2 Упр. НКВД СССР
майор гос. без. *Григорьев*

/Григорьев/

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА/стенограмма/

свидетеля ИГНАТЮК Егора Лаврентьевича.

ИГНАТЮК Егор Лаврентьевич, 1903 года рождения, русский, беспартийный, малограмотный, несудимый, из рабочих, уроженец города Смоленска. Рядовой 256 Гвардейского стрелкового полка, в настоящее время на излечении в эвакогоспитале в городе Смоленске.

От 29 декабря 1943 года.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст.95 УК РСФСР, значение которой разъяснено, предупрежден.

Вопрос: Где Вы проживали и чем занимались до Отечественной войны.

Ответ: Я все время проживал в гор.Смоленске, работал в гараже НКВД в качестве рабочего.

Вопрос: Где Вы находились в период оккупации немцами города Смоленска.

Ответ: Во время оккупации я работал сапожником в немецкой воинской части, расквартированной в бывших Нарвских казармах и бараках завода им.Калинина в гор.Смоленске.

Вопрос: Допрошенные в качестве свидетелей ИВАНИЦКАЯ М.Н. и ГУСАРОВА Н.С. показали о том, что в период немецкой оккупации города Смоленска Вы подвергались репрессиям.

Это соответствует действительности.

Ответ: Да, 19 апреля 1943 года я был арестован и более месяца содержался в тюрьме.

Вопрос: Кем Вы были арестованы.

Ответ: Я был арестован полицией.

Вопрос: За что Вас арестовали.

Ответ: Меня арестовали за то, что я в апреле месяце 1943 года высказывал неверие в опубликованное в фашистских газетах сообщение об "обнаружении" немцами могил польских офицеров, расстрелянных якобы органами НКВД в 1940 году.

Вопрос: Расскажите подробнее о причинах Вашего ареста.

Ответ: Работая в сапожной мастерской, я среди рабочих, фамилии которых сейчас не помню, говорил, что немцы в своих газетах обвиняют органы советской власти в том, что они якобы расстреляли несколько тысяч польских офицеров в Катынском лесу, но это сделали сами немцы и им не удастся обмануть народ, который знает, что Советская власть не могла допустить таких расстрелов. Немцы же расстреливают на глазах населения тысячи невинных людей, они же расстреляли и польских офицеров. О моем разговоре, видимо, так как на второй день я был арестован и допрашивался в полиции.

Вопрос: Расскажите о нем Вас допрашивали в полиции.

Ответ: Когда я был первый раз на допросе у начальника полиции, он, обвиняя меня в агитации против немецких властей, спросил, кем я работал в НКВД. Я ему ответил, что работал в гараже Управления НКВД Смирненской области в качестве рабочего. АЛФЕРЧИК на этом же допросе стал от меня добиваться, чтобы я дал ему показание о том, что я работал в Управлении НКВД не рабочим гаража, а шофером. Я отказался дать такие показания, так как это не соответствовало действительности.

АЛФЕРЧИК, не получив от меня нужных показаний, был сильно раздражен и вместе со своим адъютантом, которого он называл Жорж, завязали мне голову и рот какой-то тряпкой, сняли с меня брюки, положили на стол и начали бить резиновыми палками.

Избив до обморочного состояния, меня вынесли в камеру, где я двое суток лежал еле живым.

После этого меня опять вызвали на допрос и АЛФЕРЧИК требовал от меня, чтобы я дал ложные показания о том, что польских офицеров в Катынском лесу расстреляли органы НКВД

в 1940 году, о чем мне якобы, как шоферу, участвовавшему в перевозке польских офицеров в Катынский лес и присутствовавшему при их расстреле, известно. При моем согласии дать такие показания, АЛФЕРЧИК обещал освободить меня из тюрьмы и устроить на работу в полицию, где мне будут созданы хорошие условия жизни, в противном же случае меня расстреляют.

Несмотря на обещания и угрозы, я отказался от дачи ложных показаний. Меня после этого снова стали бить и это продолжалось в течение восьми допросов, не считая побоев в камере, куда приходил сам АЛФЕРЧИК.

Последний раз меня в полиции допрашивал следователь АЛЕКСАНДРОВ, который требовал от меня таких же ложных показаний о расстреле польских офицеров, как и АЛФЕРЧИК, но и у него на допросе я отказался давать вымышленные показания.

После этого допроса меня опять избили и отправили в гестапо.

Вопрос: Кто Вас допрашивал в гестапо.

Ответ: Допрашивал меня немец лет 30-35, блондин, среднего роста, допрос велся с переводчицей, обязанности которой выполняла НОВИКОВА Софья, которую я знал до войны, так как заходил к ним два-три раза в дом к ее мужу НОВИКОВУ, работавшему бойцом на войне. Проживали они по улице 8-го марта, № дома не помню. Где находится в настоящее время не знаю.

Вопрос: О чем Вас допрашивали в гестапо.

Ответ: В гестапо от меня требовали так же, как и в полиции ложных показаний о расстреле польских офицеров в Катынском лесу в 1940 году советскими властями, о чем мне, как шоферу, якобы известно.

Вопрос: Какие Вы дали показания в гестапо.

Ответ: Я также, как и в полиции все отрицал и категорически отказался давать ложные показания, которые у меня вымогал следователь. После моего отказа давать ложные показания, следователь, сильно избив меня, отправил в камеру, где

я просидел до 26 мая 1943 года и был освобожден.

При освобождении от меня отобрали обязательство не говорить никому о характере допросов в гестапо.

Вопрос: Где Вы допрашивались в гестапо.

Ответ: Допрашивался я в бывшем жилом здании сотрудников тюремного отдела, расположенном между Колхозной улицей и Киевским шоссе.

Вопрос: Кого Вы знаете из лиц, сидевших в тюрьме гестапо.

Ответ: Со мной вместе в тюрьме гестапо сидели: КАВЕРЗНЕВ, до прихода немцев в Смоленск работавший в пересыльном пункте Военкомата, КОВАЛЕВ и МЕДВЕДЕВ, имя и отчество не знаю, бывшие работники тюрьмы и АЛЕНСЕЕНКО, имя и отчество не знаю, до войны работавший со мной в Управлении НКВД Смоленской области.

Других лиц, сидевших в тюрьме, я не знаю.

Вопрос: В чем их обвиняло гестапо.

Ответ: От них также, как и от меня требовали ложные показания о том, что польских офицеров в Катынском лесу, якобы расстреляли органы НКВД в 1940 году, но, по их словам, они показаний не дали.

Вопрос: Где находится в настоящее время КАВЕРЗНЕВ, МЕДВЕДЕВ, АЛЕНСЕЕНКО и КОВАЛЕВ.

Ответ: Мне об этом неизвестно, так как с сентября месяца 1943 года я никого из них не видел и показать больше по этому делу ничего не могу.

Протокол с моих слов записан правильно и мною прочитан.

Допросил:

ЗАМ. НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ 2 УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР
ПОДПОЛКОВНИК ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
/КОЛДАЕВ/

Взнос: Нач. Кан. Отд. 2 Упр. НКВД СССР
майор гос. без. Сулямов
/Сулямов/

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля КРИВОЗЕРЦЕВА Михаила Герасимовича

22 ноября 1943 года.

КРИВОЗЕРЦЕВ М.Г. - 1904 г.рождения, урож.дер.Новые Батеки,Смоленского р-на, Смоленской области,из крестьян,русский, гр.СССР,беспартийный,работает на строительстве железной дороги при,ст.Красный Бор плотником,женат,имеет на иждивении дочь 13 лет,проживает село Новые Батеки.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст.95 УК РСФСР,значение и смысл которой мне раз"яснены - преду -
прежден.

Вопрос: Вами подано заявление в Смоленский Райисполком об известных Вам фактах,произведенных немцами зверств в Катынском лесу. Подтверждаете ли Вы это заявление?

Ответ: Да, подтверждаю и считаю своим долгом добавить к нему ряд фактов,которые могут помочь следственным органам разоблачить немецкую провокацию о якобы совершенном советскими органами расстреле 12 тысяч польских офицеров,погребенных вблизи лесной дачи "Козьи горы".

Вопрос: Какими фактами Вы располагаете?

Ответ: Я коренной житель селения Новые Батеки,что находится в 12 километрах от города Смоленска в сторону Витебска и в двух с половиной километрах от лесного массива,именуемого "Козьи Горы". Весь этот лес исхожен мною вдоль и поперек,все места в нем хорошо знакомы,так как постоянно в этот лес до прихода немцев ходил за дровами,грибами,купаться и ловить рыбу в Днепре. Вступив в Смоленск в июле 1941 года,немцы,примерно недели через две, оцепили "Козьи Горы" усиленным караулом,который не разрешал появляться местному населению в

этом лесу. На столбиках около леса висели объявления на русском языке о том, что каждый, кто сойдет на 100 метров с дороги в лес, будет на месте расстрелян. В лесном массиве "Козьи Горы" раньше, до оккупации немцами гор. Смоленска, была дача НКВД, однако проживавшие там люди никогда не запрещали нам, местным жителям, ходить в этот лес по ягоды и грибы. Через территорию дачи мы ходили купаться в реку Днепр. Но когда пришли немцы и выставили караул, а на дачу, расположенную в "Козьих Горах", стали ездить немецкие офицеры, никто из местных жителей уже не мог сказать, что делалось на этой даче и в лесу.

Вопрос: Как долго охранялся лес "Козьи Горы" немецкими часовыми?

Ответ: Немецкая охрана на участке леса "Козьи Горы", ведущих к нему проезжих дорог и пешеходных тропинок была установлена с августа месяца 1941 года. Эта охрана держалась до последнего дня пребывания немцев в нашем районе. Необходимо отметить, что после того, как немцы широко разнесли молву о вскрытых могилах польских офицеров в "Козьих горах", усиленный караул был снят, осталось лишь несколько часовых у арки при повороте дороги с шоссе Смоленск-Витебск в лес.

Вопрос: Часто ли ездили немецкие офицеры в лесную дачу на "Козьих Горах"?

Ответ: Примерно в августе и сентябре 1941 года, я лично неоднократно наблюдал как из гор. Смоленска в лесную дачу на "Козьих Горах" в легковых машинах ездили немецкие офицеры. Очень часто в это же время вслед за ними или, наоборот, до них в лес проезжали крытые с боков и сверху грузовые немецкие машины. Сначала я думал, что немецкие офицеры устраивают в лесной даче кутежи и на грузовых машинах им возят продукты и вино. Однако, после одного случая, свидетелем которого мне пришлось быть, я стал подозревать, что немцы делают в "Козьих Горах" какое-то темное дело.

Вопрос: Что Вы имеете в виду?

Ответ: Осенью 1941 года по распоряжению лесника СУРИКОВА я был мобилизован на дровозаготовки, по крайней мере мне так было об"явлено. На самом деле с группой крестьян из разных деревень, мне лично незнакомых, я в течение шести дней работал по очистке леса "Козьи Горы". Лес вырубался со стороны шоссе и нам было ясно, что немцы вырубает лес, боясь партизанских налетов на шоссе. Все мы, оставшие в лесу, были зарегистрированы у немцев и часовые пропускали нас в лес после того, как сверяли по документам нашу личность. Однажды лесник СУРИКОВ повел меня лесом показать новую делянку и нам пришлось проходить с ним по дороге, ведущей с шоссе к лесной даче "Козьи Горы". Примерно в 300 метрах от шоссе я увидел поляну шагов сорок в длину и столько же в ширину, обсыпанную песком. Никогда ранее ее на этом месте не было, она резко выделялась от общего тона земли. Видно было, что эта поляна, обсыпанная по поверхности песком, была устроена руками человека. Я спросил СУРИКОВА, откуда и каким образом появилась на "Козьих Горах" эта поляна. СУРИКОВ сказал мне, что здесь зарыты люди и как я не допытывался он мне больше ничего не сказал и велел молчать, если я не желаю себе зла. Здесь же СУРИКОВ мне сказал, чтобы вокруг этой поляны я не вырезал лес. Этот разговор относится, как я теперь вспоминаю, к середине октября 1941 года. Поскольку эта поляна действительно производила впечатление какой-то свеженрытой и засыпанной большой ямы, которой никогда до прихода немцев в Смоленск я ранее не видал, я поверил СУРИКОВУ. Но так как СУРИКОВ не стал мне говорить, кто погребен в этой яме, то для меня стало ясным, что усиленная охрана немцами "Козьих Гор" не случайна, а здесь действительно закапываются трупы замученных немцами людей, которых и возят на машинах в сопровождении немецких офицеров. Тогда у меня были только подозрения, о которых я боялся кому-либо сказать. Когда же немцы в апреле 1943 года стали трубить о раскопанных трупах польских офицеров в лесу "Козьи Горы", мои подозрения выросли в твердую уверенность и я уже не сомневался,

что польские офицеры убиты самими немцами. Особенно мне это стало ясно после того, как я сам побывал на этих могилах и увидел, что они находятся как раз на той поляне, о которой мне говорил СУРИКОВ. Помимо указанного, я имею еще ряд доказательств, свидетельствующих о том, что польские военнопленные расстреляны немцами.

Вопрос: Укажите их.

Ответ: До начала 1943 года немцы никакого шума о расстрелянных, якобы, большевиками польских офицерах не поднимали, хотя места, об"явленные ими "польскими могильниками", были, как я уже показывал, им довольно хорошо известны. На мой взгляд, немцы очень тщательно готовили свою провокацию. При этом я исхожу из того, что уже до опубликования в газетах статей о "зверствах большевиков" в "Козьих Горах", немцы пустили слух, что ими найдены в указанном лесу трупы польских офицеров. Затем в начале 1943 года они стали по окрестным деревням об"являть, что лица, указавшие могилы польских офицеров, будут немецкими властями награждены. Так как население окружающих "Козьи Горы" деревень, естественно, ничего не могло сказать по той простой причине, что при советской власти в этом лесу никогда и никого не убивали и мы, до прихода в нашу местность немцев, не слышали никаких выстрелов, то на посулы и обещанные немцами награды никто не отозвался.

Зато мы знали, что как только появились немцы, — начались расстрелы и мирных советских граждан, и бойцов Красной Армии, попавших в плен к немцам. Вспомнилось мне и то, как, примерно в августе, сентябре 1941 года, по нашему шоссе немцы прогоняли одетых в польскую форму солдат и офицеров группами в 15-20 человек. Припомнил я и носившиеся осенью 1941 года слухи, что немцы в районе Красного Бора, на территории бывших санатория и дома отдыха, расстреливают поляков, отказавшихся воевать за немцев. Еще больше я уверился в мнении, что "Катынское дело" спровоцировано немцами после того, как был мобилизован на opravку могил, раскопанных в лесу "Козьи Горы".

Вопрос: Что же Вы там увидели?

Ответ: Примерно в июне 1943 года меня и ряд других местных жителей немцы мобилизовали для оправки раскопанных могил польских офицеров. Работал я вокруг этих могил несколько дней и поэтому имел возможность подробно наблюдать за тем, во что и как одеты были эти трупы, каков их внешний вид.

Меня поразило следующее, если было поверить газетам и немцам, дававшим пояснения около могил, то выходило, что польские офицеры убиты и закопаны в эти ямы в начале 1940 года. Однако, по сохранившемуся внешнему виду покойников никак этого нельзя сказать. Мне бросилось в глаза следующее. Незадолго перед этим мне пришлось присутствовать при раскопке одного тела убитого летом 1941 года при наступлении на Смоленск немецкого офицера. Его вынимали из могилы около деревни Гнездово, что находится в полутора километрах от места погребения польских офицеров. Этот труп менее сохранился, чем те, которые были зарыты в могилах расстрелянных поляков, а ведь по доказательствам немцев польские трупы были погребены на год с лишним ранее, чем тот немец, о котором я показал. Кроме того, я уверен в том, что трупы польских офицеров не одной давности, так как среди разложившихся трупов были и такие, на которых одежда была совсем не подвержена тлению, металлические части одежды, например звездочки на погонах и пуговицы на мундирах поблескивали и не были подвергнуты ржавчине. Веревки, которыми были повязаны трупы, в ряде случаев были не только не истлевшими, но и крепкими и очень похожи на немецкие. Я уже не говорю о том, что сохранившиеся на многих трупах волосы, кожа, нос и внешний вид мертвецов, говорили за то, что в общей массе мертвецы лежат в земле меньше того срока, который называли немцы. Помимо того, немцы утверждали, что в ямах находятся трупы польских офицеров. На самом же деле это не так. Там было много трупов, действительно одетых в форму польских офицеров, но наряду с этим изредка попадались трупы польских солдат, о чем говорил совершенно отличный покрой одежды и обуви — более грубой, чем офицерская форма.

Наряду с этим хочу отметить еще один факт. Когда я, выполняя распоряжение немцев, проводил работу внутри могил, я нашел несколько штук гильз от револьверных патронов немецкого образца. Я их даже взял домой, надеясь использовать для изготовления колпачка для зажигалки. Но затем их затерял. Такие же гильзы немецкого образца видели в могилах и другие лица, работавшие на могилах польских офицеров. Но об этом нельзя было говорить, так как за это немцы убивали людей, как они это и сделали с ЕГОРОВЫМ Александром - жителем села Новне Батеки.

Вопрос: Расскажите, что Вам известно о ЕГОРОВЕ?

Ответ: ЕГОРОВ Александр - молодой парень был так же, как и я мобилизован на opravку могил. Но ему немцы поручили копать-ся только внутри могил. Поэтому ЕГОРОВ имел возможность более подробно осматривать трупы. Вскоре ЕГОРОВ начал заявлять, что вся история с расстрелом польских офицеров является делом рук самих немцев. Это стало известно гестапо. ЕГОРОВА арестовали, затем расстреляли. Узнав об участии ЕГОРОВА, я решил хранить свои подозрения втайне.

Вопрос: Что Вы имеете еще добавить к своим показаниям?

Ответ: Я хочу добавить еще следующее. На opravку могил польских офицеров немцы в июне 1943 года мобилизовали местное население. В это же время немцы разрешили доступ к могилам окружающему "Козьи Горы" населению. Когда же сюда приезжали иностранцы и делегации из других городов, нас не пускали на раскопки. Видимо немцы боялись того, что наши жители, хорошо знающие "Козьи Горы", смогут каким-либо неожиданным замечанием посеять у приезжих сомнение в правдоподобности об"яснения немцев "катынской истории"

Вот все, что я имею сообщить о провокации немцев в лесу на "Козьих Горах".

Ответы записаны с моих слов правильно, мною прочитаны.

КРИВОЗЕРЦЕВ.

Допросил:

Нач. 6 Отд. 6 Отдела 2-го упр. НКГБ СССР
Подполковник Госбезопасности -

(КОЗЛОВ)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля КРИВОЗЕРЦЕВА Михаила Герасимовича

31 декабря 1943 года

КРИВОЗЕРЦЕВ М.Г. - 1904 г. рождения, урож. дер. Новне Батеки, Смоленского р-на, русский, гр-н СССР, беспартийный, плотник 4-го про-
рабского пункта при ст. Красный Бор Запад-
ной ж.д., проживает д. Новне Батеки, Смолен-
ского р-на.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР - предупрежден. Значение этой статьи мне раз"яснено.

Вопрос: Вы обратились с просьбой о вызове Вас для повтор-
ного допроса. Что Вы намерены сообщить следственным органам?

Ответ: На прошлом допросе я показал, что будучи мобилизован-
ным немцами на opravку могил польских офицеров в "Козьих Горах",
как я, так и некоторые из крестьян, переносивших трупы с одного
места в другое, находили в могилах гильзы от средянных револь-
верных патронов немецкого образца. На днях, роаясь в ящике с ин-
струментами, я случайно обнаружил три гильзы стрелянных револь-
верных патронов, которые я принес летом 1943 года домой с могил.

О том, что эти гильзы немецкого происхождения, я сузу по имеющим-
ся на их шляпках надписям. На двух из этих гильз указан калибр
7,65, одна фирмы GECO, другая имеет литеры RWS. На третьей
гильзе калибр не указан, но она имеет знак фирмы PWN 479 A.

О том, что эти гильзы от немецких патронов, мне также говорили
другие мобилизованные, работавшие вместе со мной у могил. Решив,
что эти гильзы могут пригодиться при расследовании немецкой про-
вокации в "Козьих Горах", я принес их для приобщения к своим
показаниям.

Вопрос: Для каких целей Вы брали из могил польских офицеров доставленные Вами гильзы?

Ответ: Ввиду того, что на оккупированной немцами территории было трудно достать спички, я решил для хозяйственных надобностей изготовить зажигалку из стрелянной гильзы винтовочного патрона. Винтовочных гильз всюду валялось много, так как под Смоленском в 1941 году были большие бои. Но трудно было найти гильзы, которые можно было бы употребить в качестве колпачка для зажигалки, чтобы предохранить бензин от преждевременного испарения. Когда же в могилах польских офицеров на "Козьих горах" я увидел гильзы от стрелянных револьверных патронов, то украдкой от надсматривавшего за нами немца взял несколько гильз и решил их использовать для изготовления колпачка к зажигалке. Но когда я зажигалку сделал, то гильзы для колпачка оказались непригодными, так как были узки. Я думал, что эти гильзы выбросил, но на днях обнаружил их в инструментальном ящике.

Вопрос: Кто из числа Ваших знакомых, работавших у могил польских военнопленных, собирал и хранит найденные в могилах гильзы от револьверных патронов?

Ответ: Такие лица мне неизвестны, но я знаю, что работавший на opravке могил в "Козьих Горах" житель дер. Новне Батеки - ГОРБАТЕНКОВ также видал в могилах польских офицеров гильзы стрелянных револьверных патронов.

Протокол записан с моих слов верно, мною прочитан, соответствует действительности.

КРИВОЗЕРЦЕВ.

Допросил:

Нач.отделения 2 Упр.НКГБ СССР
Подполковник Госбезопасности

А. КОЗЛОВ.

*Взнос: Нач. Кан. Отм. 2 Упр. НКГБ СССР
майор м. Гес. Шулман. /Шулман/*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля ЗУБКОВА Константина Петровича

ЗУБКОВ К.П., 1908 года рождения, уроженец гор.Смоленска, русский, гр-н СССР, беспартийный, образование высшее - медицинское. В 1933 году окончил Смоленский медицинский институт.

Работает судебно-медицинским экспертом Смоленского Обл.и гор.здравоотдела.

Проживает Колхозная ул., д.№ 9.

От 18-го ноября 1943 года.

Будучи предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний по ст.95 УК РСФСР по существу дела показал:

Вопрос: Где Вы работали до оккупации Смоленска немецкими войсками?

Ответ: С 1933 года по окончании Смоленского медицинского института, я работал в качестве судебно-медицинского эксперта при Смоленской Областной судебно-медицинской экспертизе, которую возглавлял профессор НИЖЕГОРОДЦЕВ. В конце 1934 года был переведен на ту же работу в гор.Брянск, где пробыл до 26 июня 1941 г. и был мобилизован в Красную Армию. В армии я получил назначение на должность главного судебно-медицинского эксперта и патолога при 24 армии и находился в Действующей Армии. В начале октября 1941 года армия под Вязмой попала в окружение и при попытке прорваться я был ранен осколком снаряда и контужен. После лечения в деревне я переоделся в гражданскую одежду и вернулся в Смоленск, где проживал мой отец.

Вопрос: Чем Вы занимались после Вашего возвращения в Смоленск, во время оккупации его немцами?

Ответ: Найдя отца в бедственном материальном положении и не имея средств к дальнейшему существованию, будучи больным, я начал в середине ноября 1941 года заниматься врачебной деятельностью по обслуживанию гражданского населения и работал вначале районным врачом, а затем врачом-ординатором инфекционной больницы.

В этой же больнице я занимался патолого-анатомическими исследованиями трупов лиц умерших в больнице, с целью лечебного

- 2 -

контроля и изучения смертности и производил судебно-медицинские исследования в тех случаях, когда причина смерти была неизвестной или насильственной. Как судебно-медицинский эксперт я производил освидетельствования живых лиц на предмет установления возраста, побоев, изнасилования и пр.

Вопрос: Что Вам известно о так называемых "Катынских раскопках"?

Ответ: Весной 1943 года немцы начали распространять слухи и печатать в газетах о том, что ими в Катынском лесу, в двадцати километрах от Смоленска, обнаружены ямы с трупами польских офицеров якобы расстрелянных большевиками весной 1940 года. Затем к месту раскопок начали организовывать экскурсии из немцев и гражданского населения из лиц работающих в учреждениях и предприятиях.

Вопрос: Вы ездили на "Катынские раскопки"?

Ответ: В городе ходили слухи среди русского населения о том, что события в Катынском лесу относятся к более позднему времени чем 1940 год и высказывалось предположение о том, что массовый расстрел в Катынском лесу дело немецких рук. Сам я с самого начала имел такое же мнение и как судебно-медицинский эксперт, имеющий соответствующий опыт и знания интересовался этим делом и решил побывать на месте.

В конце мая или начале июня месяца 1943 года я присоединился к одной из экскурсий и поехал на раскопки. В Катынском лесу, влево от Витебского шоссе и неподалеку от него в смешанном мелком лесу были: одна большая яма в виде рва, раскопанная, на дне которой в несколько рядов находилось много трупов, две ямы меньшего размера не полностью раскопанные в которых так же видны были трупы и несколько ям еще меньше недостаточно раскопанных, но в которых трупы были видны. На земле около ям лежали извлеченные из них трупы. Территория раскопок от дороги проходящей в лесу была отделена проволокой. Находившиеся на раскопках немецкие солдаты наблюдали за тем, чтобы экскурсанты проходили в определенном установленном порядке.

Приближаясь к месту раскопок можно было констатировать на-

личие ошутимого гнилостного трупного запаха.

Большая могила представляла собой глубокий ров, размером приблизительно 10 на 20 метров, на дне которого в несколько рядов были сложены трупы в определенном порядке с вытянутыми по швам руками, с вытянутыми ногами, преимущественно лицом вниз. Трупы были одеты в шинели серо-зеленоватого цвета с темным оттенком, в сапогах или ботинках, с поясными кожаными ремнями. Головных уборов мне видеть не пришлось.

Во второй яме, раскрытой частично, трупы находились также в виде нескольких рядов, сложенные в таком же порядке и одетые в такую же одежду.

В третьей яме обозрению представлялось около тридцати трупов у которых руки были связаны сзади веревками.

Лежавшие около ям на земле трупы были частично раздеты, без шинелей, в гимнастерках, брюках и в обуви.

Одежда трупов, особенно шинели, сапоги и ремни были довольно хорошо сохранившимися и даже местами серо-зеленый цвет шинели был отчетливым. В отдельных случаях сапоги, голенища которых были в виде лакированных сохраняли свой блеск. Металлические части одежды, пряжки ремней, пуговицы, крючки, шипы на ботинках, котелки и прочее имели не резко выраженную ржавчину и в некоторых случаях местами сохраняли блеск металла.

Веревки, которыми были связаны руки, сохранились хорошо, были витые светло-желтого цвета. Распустившийся конец одной из таких веревок давал повод считать, что веревка сделана из бумаги, повидимому немецкого происхождения, так как бумажные веревки в Советском Союзе не делаются.

Ткани тела трупов, доступные осмотру, лица, шеи, рук, имели преимущественно грязно-зеленоватый цвет, в отдельных случаях грязно-коричневый, но полного разрушения тканей гниением не было. В отдельных случаях были видны обнаженные сухожилия белесоватого цвета и части мышц. В ряде случаев в головах трупов в области затылка или лба были видны круглые отверстия, сходные с отверстиями пулевых ран и в тех случаях гниение тканей головы было выражено сильнее.

Во время моего пребывания на раскопках, на дне большой ямы

- 4 -

работали люди по разборке и извлечению трупов. Для этого они применяли лопаты и другие инструменты, а также брали трупы руками, перетаскивая их за руки, за ноги и одежду с места на место. При этом они действовали довольно грубо и решительно, но ни в одном случае не приходилось наблюдать, чтобы трупы распа-дались или отрывались их отдельные части, это указывало на сох-ранность и прочность тканей тела и одежды. Учитывая все вышеиз-ложенное я пришел к выводу, что давность пребывания трупов в зем-ле не три года, как это утверждали немцы, а значительно меньше. Зная, что в массовых могилах гниение протекает быстрее чем в одиночных и тем более без гробов, что одежда и металлические ча-сти в таких случаях тоже менее устойчивы и сопоставляя "выставлен-ный" немцами срок давности события три года, с тем, что удалось об-наружить на месте раскопок я пришел к выводу, что массовый рас-стрел был произведен около полутора лет тому назад и может отно-ситься к периоду осени 1941 года или весны 1942 года.

В результате посещения раскопок я укрепил твердое убеждение, что совершенное массовое злодеяние дело рук немцев.

Вопрос: Кому Вы рассказывали в тот период времени о своих впечатлениях?

Ответ: Я делился своим мнением среди близких мне врачей, среди которых был врач ЩЕПЕТКОВ Леонид Александрович, проживав-ший в то время в городе Смоленске и работавший вместе со мной. Он высказывал свои суждения по этому поводу, которые совпадали с теми доводами, которые высказывал и я. ЩЕПЕТКОВ в данное время находится в Красной Армии.

Вопрос: Что еще Вы можете показать по этому вопросу?

Ответ: Больше показать ничего не имею.

Протокол мне прочитан, с моих слов записан правильно, в чем и расписываюсь.

К.ЗУБКОВ

Допросил: Сотрудник НКГБ СССР
Майор госбезопасности

(ТУМАНОВ)

*Взнос: Сотрудник НКГБ СССР
майор м.г.б. А. А. Туманов
(Туманов)*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля **КУЦЕВА** Ильи Зиновьевича

От 24 декабря 1943 года

КУЦЕВ И.З., 1900 г.р., урож.с.Подсо-
сонки, Знаменского р-на, Смоленской
обл., русский, гр-н СССР, б/п, заве-
дующий Смоленской Водопроводной
сетью, не репрессировался. Проживает:
г.Смоленск, Магнитогорская ул., дом
№ 11.

Об ответственности за ложные показания по ст.95 УК РСФСР
предупрежден. Значение этой статьи мне раз"яснено.

Вопрос: Сколько времени вы живете в Смоленске?

Ответ: В гор.Смоленске я живу с 1931 года и все время ра-
ботаю на городском водопроводе.

Вопрос: Чем вы занимались в период немецкой оккупации
гор.Смоленска?

Ответ: Тоже работал на городском водопроводе, сначала тех-
ником водопроводной сети, а последние 4 месяца перед отступле-
нием немцев исполнял обязанности директора водопровода.

Вопрос: Какие вам известны факты немецких зверств над мир-
ными советскими гражданами в Смоленске?

Ответ: Я являлся невольным свидетелем ряда убийств совет-
ских граждан и военнопленных, совершенных немцами, а также орга-
низованной ими провокации.

Вопрос: Какую именно немецкую провокацию вы имеете в виду?

Ответ: Я имею в виду организованную немцами провокацию с
"открытием" в Катинском лесу могил расстрелянных польских офи-
церов.

Вопрос: Расскажите более подробно об этом?

Ответ: В апреле 1943 года среди населения гор.Смоленска рас-
пространились слухи о том, что немцами "открыты" где-то могилы

- 2 -

польских военнопленных, якобы расстрелянных большевиками. Вскоре по этому вопросу была начата большая кампания в местной газете, которая писала, что в Катынском лесу обнаружены могилы с 10 или 12 тысячами польских офицеров, расстрелянных якобы большевиками весной 1940 года.

Приблизительно с мая 1943 года начали организовывать экскурсии для осмотра этих могил и, в частности, возили туда русских, служивших в смоленских учреждениях, предоставляя для этой цели свои автомашины.

Вопрос: Вы бывали на этих могилах в Катынском лесу?

Ответ: Да. В конце мая 1943 года я ездил для осмотра могил с группой сотрудников Смоленского Горуправления.

Вопрос: Что там вам показали немцы?

Ответ: Сначала нас привезли к небольшому деревянному домику в Красном Бору, где немцами была организована выставка. На выставке были показаны, якобы, вырытые из катынских могил польский военный мундир, разные документы, письма, деньги, погонны, кресты, медали, фотокарточки и другие мелкие вещи. Даже при беглом осмотре, так как долго задерживаться у витрин, где под стеклом лежали вещи и документы, немцы не давали, было видно, что все это очень хорошо сохранилось. Мундир был совершенно цел и только в отдельных местах был покрыт плесенью. На погонах были отчетливо видны полностью сохранившиеся знаки различия.

Уже при осмотре этих вещей ряд ездивших вместе со мной начал высказывать удивление состоянием их и брать под сомнение немецкие утверждения о том, что вещи пролежали в массовых могилах три года.

Вопрос: Куда вас повели после осмотра выставки?

Ответ: После осмотра выставки нас на машинах доставили в Катынский лес и на шоссе, высадив из машин под наблюдением немцев, повели к могилам. Когда я подошел поближе, то увидел две больших раскопанных ямы, в которых лежало много трупов.

- 3 -

Так как и тут долго останавливаться не разрешали, то хорошо рассмотреть, во что именно были одеты эти трупы, я не смог. Те же трупы, которые были извлечены из могил и лежали на поверхности, были одеты в польское военное обмундирование.

Вопрос: В каком состоянии были трупы?

Ответ: Все трупы и одежда на них были в очень хорошем состоянии. У трупов сохранилась даже кожа на открытых частях тела (лицо, руки).

Этот осмотр еще больше укрепил наши убеждения в том, что трупы пролежали в земле значительно меньше того срока, о котором писали и говорили немцы.

О том, что расстрелы польских офицеров произведены значительно позже самими немцами, мы имели возможность удостовериться там же.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: О том, что расстрелы польских офицеров произведены самими немцами подтверждало то обстоятельство, что у некоторых трупов руки были связаны немецкой бумажной бичевкой, имевшей совершенно новый вид. Такие бумажные бичевки я лично видел у немцев в Смоленске. Немцами они употреблялись для упаковки и завязывания мешков.

Вопрос: С кем вы делились своими впечатлениями по этому вопросу?

Ответ: Я разговаривал об этом со слесарями Городского водопровода ПАНТЮХОВЫМ и ГОНТАРЕВЫМ, мобилизованными сейчас в Красную Армию. Они оба полностью разделяли мое мнение о том, что это немецкая провокация. Должен сказать, что много говорить по этому вопросу все опасались, боясь репрессий со стороны немцев.

Вопрос: Что вы еще можете показать?

Ответ: Больше показать ничего не имею.

Записано с моих слов верно, мною прочитано, в чем и подписываюсь.

(КУЦЕВ)

ДОПРОСИЛ: Сотрудник 2 Управл. НКГБ СССР
Полковник Госбезопасности

(КОНДРАТИК)

Взнос: Нач. Кан. Всп. 2 Упр. НКГБ СССР
майор м. в. в. А. М. М. /М. М. М. /